

**МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ**

**Беларускі нацыянальны
тэхнічны ўніверсітэт**

ЭТНАЛОГІЯ: ГЕНЕЗІС ТРАДЫЦЫЙНАГА

**Матэрыялы
Міжнароднай навуковай канферэнцыі**

**Мінск
БНТУ
2015**

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт

ЭТНАЛОГІЯ: ГЕНЕЗІС ТРАДЫЦЫЙНАГА

Матэрыялы
Міжнароднай навуковай канферэнцыі

25–26 красавіка 2014 года

Мінск
БНТУ
2015

УДК 39 (=161.3) + 008(476) (06)

ББК 63.5я 43

Э91

Рэдакцыйная калегія:

Н.П. Мартысюк (*адказны рэдактар*),

М.В. Макарыч

Зборнік змяшчае матэрыялы фундаментальных і прыкладных даследаванняў ў галіне этналагічных ведаў.

Будзе карысны выкладчыкам гуманітарных дысцыплін, навуковым супрацоўнікам, аспірантам, магістрантам, студэнтам.

Адказнасць за дакладнасць інфармацыі і за выкананне законаў аб інтэлектуальнай уласнасці нясуць аўтары матэрыялаў.

ISBN 978-985-550-596-0

© Беларускі нацыянальны
тэхнічны ўніверсітэт, 2015

ЗМЕСТ

<i>Прадмова</i>	6
Пленарныя пасяджэнні	
Гимпель Л.П. <i>Генезис проблемы творчества</i>	7
Кашкурэвіч В.М. <i>Беларуская народная арнаментыка ў сучасных субкультурах</i>	10
Кашкурэвіч Т.А. <i>Дуды і цымбалы: киталты трансфармацыі элементаў традыцыйнай музычнай культуры Беларусі</i>	12
Лось А.В. <i>Белорусская дуда: традиция и неотрадиция</i>	14
Лыч Г.М. <i>Новыя гістарычныя выклікі: што патрэбна, каб Беларусь змагла годна на іх адказаць?</i>	18
Морозов И.В. <i>Теория лингвистической абсолютности, или Пока ходитъ мы умеем</i>	24
Немец В.Р. <i>Історія фіксацыі та характэрні рысы обрядів післявесільнага этапу на тэранах этнаграфічнай Воліні в другій паловіні XIX ст.</i>	28
Паўлоўская Н.Ю. <i>Нацыянальна-ацэначныя кампаненты лексічнага значэння слова (на матэрыяле беларускай, рускай, англійскай моў)</i>	32
Шиманский Н.В. <i>Этногенез многоголосия и современная белорусская музыка</i>	38
Reima Al-Jarf. <i>Integrating Ethnic Culture Facebook Pages in EFL Instruction</i>	41
Bela Muhi, Dusan V. Jovanovic, Goran Ostojic. <i>Historical flows as the most Significant Influence of Evolution of serbian gastronomy</i>	44
Частка I	
Этналогія і культуралогія	
Бережнова М.Л. <i>Погребальный обряд белорусов в Сибири: влияние на сибирские традиции</i>	49
Булаты П.Ю. <i>Кантактная этнаграфічная зона: рэгіён «Літвінскае прадпалессе»</i>	52
Гизиева К.Ю. <i>«Жить надейся, а умирать готовься»: подготовка к смерти по материалам Одесского района Омской области</i>	55
Этналогія і музыкалогія	
Смирных Р.А. <i>Комплексный подход к проблеме народности музыкальных инструментов</i>	58

Этналогія і філалогія

Аніськова С.М. <i>Месяц у народных прыкметах і павер'ях на Тураўшчыне</i>	61
Арцёмава В.А. <i>Да пытання аб методыцы выяўлення нацыянальнай спецыфікі фразеалагічнай семантыкі</i>	63
Герасімчык І.А. <i>Апісанне народнага характару ў беларускай публіцыстыцы пачатку ХХ стагоддзя</i>	66
Зинина О.А. <i>К вопросу об этнокультурном компоненте значения слова</i>	69
Капитула Л.С., Молош Н.К. <i>Историко-этимологическое становление терминологии зубопротезных материалов</i>	72
Кобенко Ю.В. <i>Российские немцы в Томской области: критика современных лингвистических подходов и исследований</i>	75
Ляшенко Е.С. <i>«Параметральное изменение» и «превращение» в языковой картине мира англоговорящего сообщества</i>	81
Макарыч М.В. <i>Нацыянальна-культурны аспект даследавання англійскіх і беларускіх фразеалагічных адзінак</i>	84
Мартысюк Н.П. <i>Канвенцыянальнасць маўлення як элемент культуры</i>	87
Маюк Е.П. <i>Объем: лингвокультурологические характеристики квантитативных компонентов в белорусских и английских паремиях</i>	89
Пятигор А.Г., Пятигор Т.В. <i>Германизмы и англицизмы в белорусском языке</i>	92
Радзіеўская В.А. <i>Крыніцы фальклорнага матэрыялу ў творчасці Л.М. Сілка</i>	95
Шакун Н.С. <i>З этымалогіі некаторых назваў музычных інструментаў</i>	99
Шыманская В.Ю. <i>Менталітэт беларусаў у лютэрку метафар</i>	101
Янушкевіч Л.М. <i>Літаратура і кіно для дзяцей і падлеткаў як зеркало сучасных брытанскіх стэратыпаў гендернага рэчыва паводлення</i>	104
Тэорыя і практыка выкладання замежных моў і этналогія	
Конышева А.В. <i>Этнокультурная компетенция как один из элементов профессиональной грамотности специалиста</i>	106

Кобзева Н.А., Южакова М.А. <i>Актуальність інтєрактыўнага навучання замежнай мове ў тэхнічнай ВНУ</i>	109
Пятигор Н.Г. <i>Этнолингвистика – неотъемлемое условие успешного преподавания русского языка как иностранного</i>	111
Павлюченко И.М. <i>Проектный метод как инновационная технология изучения английского языка</i>	113
Почешинская А.В. <i>Роль аутентичных профессионально значимых текстов и газетного материала в обучении деловому общению на занятиях по английскому языку</i>	117
Сологуб И.М. <i>Обучение английскому языку на основе информационных технологий</i>	119
Трухан Е.В. <i>Целесообразность употребления термина «иноязычное образование» применительно к неязыковому вузу</i>	122
Трухан Е.В. <i>Целеполагание как методологическая основа историко-педагогического исследования</i>	123
Khramtsova M.V. <i>Frequent Testing and Its Impact on Students' Performance</i>	125

Частка II

Kobzeva N.A., Ananeva E.S. <i>National Clothes of Kazakh Women</i>	130
Kobzeva N.A., Kuznetsov M.V. <i>To the Question of Russian Traditions</i>	131
Kuimova M.V., Satsuta A.E. <i>Some Challenges in Modern Russian Engineering Education</i>	133
Kobzeva N.A., Semenchuk V.M. <i>The Shamanist Tradition of the Buryats (Siberia)</i>	134
Kobzeva N.A., Shachek A.N. <i>Kazakh Traditions</i>	136
Kuimova M.V., Satsuta A.E. <i>Motivation Role at Foreign Language Classes in a Technical Higher Educational Institution</i>	139
Kuimova M.V., Sideltseva Kh.E. <i>Some Current Tendencies of Higher Education in Russia</i>	140
Kuimova M.V., Sideltseva Kh.E., Khalikova R.N. <i>To the Issue of Psychological Barriers Overcoming in Learning a Foreign Language</i>	141

ПРАДМОВА

Міжнародная навуковая канферэнцыя «Этналогія: генезіс традыцыйнага», арганізаваная кафедрай англійскай мовы №2 Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта супольна з Фондам культуры Міністэрства культуры і Цэнтрам этнакасмалогіі «Крыўя», ёсць першым крокам у напрамку кансалідацыі мультыдысцыплінарнага згуртавання спецыялістаў, якія вывучаюць этнічныя працэсы. Мэта канферэнцыі – пошук шляхоў наладжвання плённага дыялогу ў рамках этналагічных ведаў і этналагічнай адукацыі – вызначае магчымасці для міждысцыплінарнага супрацоўніцтва і такім чынам ініцыюе больш высокі ўзровень абагульнення ў сістэме ўяўленняў пра свет і пра месца чалавека ў ім.

У канферэнцыі прынялі ўдзел айчынныя і замежныя спецыялісты (этнографы, эканамісты, архітэктары, культурологі, музыказнаўцы, філолагі, мастакі), сфера навуковых інтарэсаў якіх шчыльна злучана з тэарэтыка-метадалагічнымі і прыкладнымі праблемамі этналагічных ведаў. Даклады, такім чынам, уяўлялі як агульнанавуковы, так і вузкаспецыяльны інтарэс.

Зборнік матэрыялаў складаецца з дзвюх частак. Частка 1 змяшчае даклады навукоўцаў і спецыялістаў у галіне этналагічнай даследчыцкай парадыгмы, Частка 2 – працы студэнтаў, зацікаўленых дадзенай праблематыкай.

Арганізатары канферэнцыі шчыра спадзяюцца, што падчас яе працы быў закладзены трывалы падмурак для новых плённых сустрэч.

Аргкамітэт

ПЛЕНАРНЫЯ ПАСЯДЖЭННІ

Генезис проблемы творчества

Л.П. Гимпель
15Larisa15@mail.ru
(Минск, Беларусь)

Творчество – это одухотворенный труд, самый высокий дар, которым наградила природа человека, его величайшее богатство. Проблемы творчества, формирования творческой личности, получения творческого продукта представляют интерес для современных исследователей в разных областях наук (философии, психологии, педагогики и др.). В то же время о творчестве говорили Сократ, Платон, Аристотель. Это означает, что творчество является категорией вечной, всегда актуальной и пока не разгаданной.

Эпоха Возрождения проникнута безграничной верой в развитие творческих возможностей человека. Творчество осознавалось как художественное творчество, как создание произведений искусства. В эту эпоху сама история рассматривалась как продукт творчества человека. Показателем творчества Ф. Шеллинг считал развитость воображения, лежащего в основе сознательной и бессознательной деятельности. Он определил творчество как высшую форму человеческой жизнедеятельности [1].

В идеалистической философии подчеркивается духовно-личностная природа творчества. В марксистской философии творчество рассматривается как деятельность человека, преобразующая природный и социальный мир в соответствии со своими целями и потребностями на основе объективных законов действительности (А.Н. Лоцилин, 2002).

Современное философское понимание творчества включает в себя все виды человеческой деятельности, так как они появились и совершенствовались как обязательные компоненты социальной действительности и в своей совокупности обеспечивали ее поступательное движение. Творчество осуществляется в конкретных социально-исторических условиях, оказывающих на него влияние. Субъект творчества всегда включен в

«разветвленную сеть» современной ему культуры.

В психологии творчество стало предметом исследования в конце 19 – начале 20 вв. Одним из первых исследовал творчество Ф. Гальтон, утверждавший преимущество наследственных и расовых факторов в творческих проявлениях людей. Он абсолютизировал роль биологических факторов.

Г.С. Батищев, Е.П. Варламова, Н.О. Гафурова, В.Н. Дружинин, Н.С. Лейтес считают, что проявление творчества не ограничивается генетической обусловленностью, значимыми являются и другие факторы жизнедеятельности личности (потребность в творчестве, интеллектуальная и психологическая готовность к нему, соответствующие жизненные условия и др.).

Я.А. Пономарёв видит в творчестве наиболее выраженную свободу проявления человеческого духа, трудно или вообще не поддающегося научному анализу (Я.А. Пономарев, 1976).

С.Л. Рубинштейн характеризует творчество как деятельность человека, созидающего новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью. В качестве основного критерия автор предлагает рассматривать не продукт творчества, а деятельность, порождающую его и определяющуюся как творческая (С.Л. Рубинштейн, 1989).

Нам импонирует трактовка исследуемого понятия А.Н. Луком: «Творчество – это деятельность, порождающая нечто новое, ранее не бывшее, на основе реорганизации имеющегося опыта и формирования новых комбинаций знаний, умений, продуктов. Творчество имеет разные уровни. Для одного уровня творчества характерно использование уже существующих знаний и расширение области их применения; на другом уровне создается совершенно новый подход, изменяющий привычный взгляд на объект или область знаний» [2, с. 45].

С позиций принципа этапной систематизации исследователями выделены такие этапы в развитии психологии творчества, как: исходно-созерцательный (творческий процесс изучался методом анализа биографий и автобиографий выдающихся людей); промежуточно-эмпирический этап (изучались отдельные аспекты творчества посредством использования тестов, анкет, интервью); действенно-преобразующий этап, в основе которого – переход от принципа деятельности к принципу взаимодействия, от

деятельностного подхода – к системному (Л.В. Князева, 2001).

Взгляд на творчество как педагогическое явление первым выразил И. Кант. Он поставил вопрос об универсально-общечеловеческой природе творческих способностей личности. Механизмом творчества человека И. Кант считал его способность к фантазированию, без которого не возможно воспитание и развитие личности. Согласно И. Канту, творческое развитие человека кроется в «великой тайне совершенствования человеческой природы» [3].

Согласно В.И. Загвязинского, природа творческого деяния – созидание, рождение нового прогрессивного, способствующего развитию человека и общества [4, с. 101]. Такой подход к сущности творчества согласуется с идеями гуманистической педагогики, с развитием личности, культуры, общества в целом. Истинное творчество гуманно по своей природе, поскольку оно приводит к развитию и саморазвитию личности.

О том, что творчеству можно учить и учиться, пишут многие ученые. Способы творческой деятельности развиваются с детских лет. Творчество – это труд и поиск. Труд тяжелый, поиск долгий. Без сильной воли не бывает великого творца. Одни сильная волевая сфера достаются по наследству, но большинству людей ее надо развивать. Очень важно развивать у студентов потребность в творчестве, готовность к творческой деятельности. Для этого следует углублять и расширять жизненные интересы, которые будут рождать лично и социально значимые достойные цели. Цель вызывает стремление, стремление – волю. Реализация этого составляет задачу педагогической деятельности.

Проведенный генезис проблемы творчества показывает, что, невзирая на то, что его истоки уходят в древность, творчество остается актуальнейшей проблемой современности, т.к. до сих пор в науке не создана единая теория творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг; Пер. П.С. Попова. – СПб. : Алетейя, 1996. – 496 с.
2. Лук, А.Н. Психология творчества. – М. : Наука, 1978. – 127 с.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; Пер. с нем. Н. Лосского. – Минск : Литература, 1998. – 959 с.

4. Загвязинский, В.И. Педагогическое творчество учителя / В.И. Загвязинский. – М. : Педагогика, 1987. – 160 с.

Беларуская народная арнаментыка ў сучасных субкультурах

В.М. Кашкурэвіч
todkas@gmail.com
(Мінск, Беларусь)

Перад тым як гаварыць аб значэнні беларускага традыцыйнага арнаменту, найперш тэкстыльнага, для сферы сучаснай беларускай нацыянальнай стылістыкі, мы павінны адказаць на пытанні: Што такое беларускі арнамент? Якое ягонае месца ў традыцыйнай мадэлі свету?

Старажытны светагляд нездарма называецца міфапаэтычным светаўспрыманнем, светаперажываннем, бо ніводная рэч не мела значэння без далучанасці да сакральнага, бо ў міфапаэтычным разуменні яна народжана ў акце стварэння Сусвету – падчас рытуальнага дзеяння. Арнамент не існаваў сам па сабе, ён быў часткай рэчы, усе працы вырабу якой часта суправаджаліся шэрагам магічных дзеянняў, прыкметаў, спеву, праз якія дасягалася ўключанасць зробленай рэчы ў традыцыйную карціну свету. Месцы, дзе з’яўляўся арнамент, гэта заўжды сітуацыі міфалагічнага «памежжа» (канцы ручніка – палатно як праява культурнага, чалавечага свету, і яго канцы як «той свет», нечалавечы; прасліца – месца, дзе з хаосу валакна паўстае нітка; ліштвы – вакно-ўваход-выхад; надмагільны камень – месца сыходжання чалавечага свету са светам памерлых і г.д.) Гэта значыць, што арнамент уяўляе сабой касмаганічны тэкст – увасоблены ў знаках і колерах міф аб стварэнні.

Такі стан культуры мы абазначым словам АРХАІКА (форма = сэнс).

Але з развіццём цывілізацыі сітуацыя мяняецца. У канцы XIX ст. на абгортках мыла парфумерна-касметычнай кампаніі «Бракар і К» з’яўляюцца малюнкi-ўзоры для вышыўкі расліннага арнаменту, які набыў неверагодную папулярнасць. Бракараўскія ўзоры пачалі займаць месца старажытнай арнаментыкі. Але месца знаходжання

арнаменту не мяняецца. Магчыма, архаічнае значэнне арнаменту як і яго форма страчана, але неабходнасць змяшчаць новыя выявы на старых месцах і ў старой каларыстыцы сімвалічна праяўляецца з кансерватыўнай жорсткасцю, якая з цягам часу саступае поўнаму забыццю старых сэнсаў.

У гэты ж час праз «народніцтва» народны арнамент пранікае ў горад, у кальтурныя асяродкі, дзе становіцца нацыянальным сімвалам. Такое сімвалічнае значэнне мае з'яўленне традыцыйнай арнаментыкі на дзяржаўным сцягу БССР, *народнай* – у значэнні сялянскай савецкай рэспублікі.

Гэтыя змены мы назавем МАДЭРН (новая форма = сімвал).

Сучасны свет сігментаваны па сваёй сутнасці. Мы жывем у эпоху ПОСТМАДЭРНУ і ПОСТПОСТМАДЭРНУ (форма = цытата). Час пераасэнсавання любых кшталтаў артэфактаў папярэдніх перыядаў. Паралельна суіснуюць самыя розныя тэндэнцыі.

Збоку дзяржавы арнамент заваяваў сваё месца ў сацыяльнай рэкламе: «Беларускае самае маё», «Год гостепрымства», «Чемпіонат мира по хоккею 2014».

У маладзёвых субкультурах можна ўбачыць суполкі «пераймальнікаў», дзе маладыя людзі даследуюць аўтэнтычныя кшталты традыцыйнай культуры, ў тым ліку арнаменту.

Сярод нефармальнай моладзі народныя ўзоры ў моцнай пазіцыі з'яўляюцца на майках, аздобе дыскаў, сайтаў, налעпках, значках і г.д. Цікавую стылістычную плынь ўтварае арнаментальнае чырвонае тату.

Дзякуючы кнізе М.С. Кацара «Беларускі арнамент», шырокае распаўсюджанне атрымала цікавасць да яго семантыкі. Хаця знакі і вырваныя са свайго першаснага цэласнага кантэксту, а тлумачэнні з'яўляюцца добра занатаванымі познімі пераасэнсаваннямі старой традыцыі рэальнымі бабулямі ХХ ст., кніга вытрымала тры перавыданні. Цэнтр этнакасialogіі «Крыўя» не адзін раз праводзіў лекцыі па семантыцы арнаменту, разглядаючы арнамент у сістэме старажытных уяўленняў.

Арнаменты не толькі цытуюцца, але і ствараюцца нанова паводле іканаграфічных схемаў (знак згаданага вышэй Цэнтра этнакасialogіі «Крыўя», створаны Т. Кашкурэвічам, «Пагоня Кашкурэвіча», знак РМГА СЭТ, створаны Я. Барышнікавым і г.д.).

Цікаваць і своеасабліваць сучаснай беларускай субкультура-
стылістычнай сітуацыі палягае ў тэндэнцыі, дзе праява сялянскасці,
такая як арнамент, выступае ў моднай і моцнай пазіцыі.

Дуды і цымбалы: кшталты трансфармацыі элементаў традыцыйнай музычнай культуры Беларусі

Т.А. Кашкурэвіч
todkas@gmail.com
(Мінск, Беларусь)

Найбольш старажытнымі «харызматычнымі» народнымі інструментамі беларусаў справядліва лічацца дуда і гуслі, інструменты, маючыя бясспрэчную міфалагічную прапіску. Дуда – інструмент, звязаны з язычніцкім абрадам ахвярапрынашэння казы (сімвалічнай жывёлы бога Вялеса) на Каляды, тыпалагічна як духавы, язычковы інструмент ён звязаны з культам Дыёніса ў Грэцыі. Гуслі – струнны інструмент, ён тыпалагічна звязаны з грэчаскімі струннымі інструментамі – арфай, кімваламі (інструментамі Апалона). Першы звязаны з выкліканнем эмоцыі рытуальнага ўтрапення, другі – з эмоцыяй упарадкаванасці, гарманізацыі свету. Нечаканую паралель грэцка-беларускую знаходзім у беларускай вясельнай песні: «Як дуда раўла, усіх з розуму звяла, а як гуселькі зайгралі, усіх на розум настаўлялі».

І першы інструмент, дуда, і другі, гуслі, маюць у тэхналогіі вырабу аналогіі з касмалагічнымі схемамі, з міфалагічнымі ўяўленнямі, звязанымі з рытуальнымі дзеяннямі. У Беларускім фальклоры захаваліся калядныя песні, дзе дуда рабілася з прынесенай на Каляды ў ахвяру казы: «Не бойся, козанька, стральцоў, бойся старога дзеда, Ён цябе забіе, скуру злупе, дуду пашые». Тэатралізаванае забіццё і ўваскрэсенне казы, вядомае ў пазнейшыя часы як элемент абрадаў абходу двароў з віншаваннямі, можа быць верагодным рэліктам яшчэ дахрысціянскай традыцыі. Уяўленні, звязаныя з дудой, нагэтулькі міфалагізаваныя, што гэты інструмент можна смела назваць сакральным ва ўяўленнях беларусаў. Гуслі як сімвалічны і знакавы інструмент зноў такі раскрываецца ў тэхналогіі вырабу. Гэта – човен, ночвы,

выдзеўбаныя з дрэва; граючыя струны, зробленыя з унутранасці жывёлы, з кішак. Відавочная сімваліка вывернутасці, прамежкавасці, медыяцыі ў статусе рытуальнага функцыянавання згаданых інструментаў.

Дуда на Беларусі традыцыйна мела надзвычайны сацыякультурны статус. У часы Рамантызму гэты інструмент набываў агульна нацыянальнае сімвалічнае значэнне. Пісьменнікі бралі сабе псеўданімы – «Дудар», называлі свае кніжкі – «Дудка беларуская», з ёй звязваліся патрыятычныя ідэі і г.д. У 19-м стагоддзі дуда на Беларусі мела падобны статус, як «bagpipe» у Шатландыі.

Паводле злога лёсу дуда спачатку адступіла пад націскам эмоцыі рускага гармоніка, потым была адсунутая на маргінэз цымбаламі, якія былі закультываваныя савецкімі ўладамі як «харызматычны» народны беларускі інструмент. Дзесяцігоддзямі на дудзе гралі музыканты ў глыбокай правінцыі, пакуль не памёр апошні музыкант, не пакінуўшы пасля сябе нашчадкаў... Дзесяцігоддзямі беларуская культурная свядомасць жыла ў бяспамятнасці пра сваю душу – дуду.

У гэты час квітнелі цымбалы. Гэткі, умоўна кажучы, займеннік гусяў, якія зніклі значна раней. Былі створаныя фабрыкі па вырабу цымбалаў, строй якіх быў мадыфікаваны пад гранне ў аркестры народных інструментаў. Цымбалы сталі маркерам савецкай беларускай народнай эмоцыі.

Пачынаючы ад 1980-х майстры-энтузіясты пачалі аднаўляць дударскую традыцыю. Ствараць інструменты, шукаць і аднаўляць дударскі рэпертуар. У 2000-х на Беларусі налічваецца ўжо дзясяткі дудароў, шэраг майстроў. Існуе дударскі клуб, фэст дударскай музыкі, выдаецца шматлікія музычныя альбомы, выдаецца шыкоўны дударскі часопіс. Ва ўсходняй Еўропе Беларусь займае лідзіруючае месца па адраджэнні і культывацыі дударскай традыцыі.

Феномен адраджэння дуды ў нашай краіне характэрны сацыякультурнай спецыфікай. Дуда стала знакавым, сімвалічным, «модным» інструментам. Праз дуду сотні прадстаўнікоў маладзёвых субкультур пачалі ўспрымаць беларускую этнічную культуру са знакам плюс. У дударскім клубе танчаць беларускія

народныя танцы ўжо і хіпі, і панкі, і скінхеды, і цінэджары і іншая розная модная «прагрэсіўная» і не вельмі моладзь.

Дуда сталася паўнаватасным інструментам у фальклорных, постфальклорных, медыявальных, хэві-метал рок, панк-рок, джазавых праектах. Праз яе беларускі фальклор уваходзіць у сучасныя формы музычнай культуры, становіцца элементам актуальнай культуры.

Навідавоку процістаянне сутнасцяў двух інструментаў і двух сацыякультурных мадэляў.

Хаця патэнцыял і цымбалаў, і гусяў нельга спісваць з рахунку. Традыцыя даўняя і аўтарытэтная для Беларусі. Яна можа і павінна адрэзанаваць у моцнай і сучаснай пазіцыі.

Белорусская дуда: традиция и неотрадиция

А.В. Лось
bredzis@gmail.com
(Минск, Беларусь)

Говоря о традициях, связанных с этномузыкальной культурой белорусов, нельзя обойти вниманием темы истории, политики, миграции народов, миграции сакрально-мифологических идеологий народов, населявших среднюю и восточную часть Европы.

Максимально ограничив тему этномузыкальной культуры белорусов, говоря о традиционной дударской музыке и о самом инструменте, коснёмся геокультурной территории, где дуда (волынка) была одним из самых сакральных и значимых инструментов. Истоки зарождения традиций, связанных с сакральным использованием дуды, начинаются в эллинском мире дохристианских времён. Обрядовые праздники Древней Греции и языческие культы Римской империи повлияли на формирование мифологических взглядов и некоторых традиционных обрядов народов и племён, проживающих на территории сегодняшней Беларуси, Литвы, части России, Украины.

Дуда (волынка) – инструмент, известный многим народам Европы, Азии, арабского мира (в доисламский период – территория Персии, Азербайджана). Миграция инструмента по линии «восток–

северо-запад» – это финно-угорская линия распространения волынки из Мордвы до Эстонии; линия «восток–юго-запад» – болгарская, или булгарская (тюрки с Алтая переселились с Волги (Булги) на Балканы, принеся с собой архаические традиции дановистов, связанные с культом Солнца).

Я коснусь темы обрядовой дударской культуры, которая развивалась на территории Восточной Европы по линии «север–юг» – Прусско-Ятвяжской цивилизации и Эллино-Римской. Здесь остановимся на теме «Дуда-коза».

Дуда, как форма реинкарнации жертвенной козы, известна народам Польши, Чехии, Литвы, северной части Украины, Беларуси. Дуды этих народов имеют стилизованные украшения в виде головы козы. Мех инструмента шился принципиально из козьей шкуры, когда-то жертвенного животного, причем коза выступала как мифологический символ на период Коляд. Почему?

Коза, как символ плодородия, изначально почиталась эллинами на праздниках Диониса. Это животное не было известно племенам, населявшим Центральную и Северо-восточную Европу в последние века до нашей эры, также как не были известны капуста и виноград, о которых пелось в волочёбных песнях белорусов в период весеннего равноденствия: наиболее распространённый припев «Ой, зялёны явар, вінаград...», «Ой, віно ж ты маё, зеляно...». В эпоху Христианства этот обряд проводился во время пасхальных праздников. Виноград стал известен как культура на территории Восточной Европы довольно поздно, в отличие от капусты, которая появилась благодаря древнегреческим миссионерам и исследователям в 1 в. н.э. Явор – это старое название клёна: «авор». Именно клён, дерево, которое мифологически связывало небо и землю, традиционно использовалось для изготовления деревянных частей дуды, кроме раструбов, которые были сделаны из карельской берёзы.

Коза, как один из главных персонажей Коляд, была синкретически связана с дудой. На белорусском и украинском Полесье колядовщики ходили с «козой». Заходя в дом, исполняющий роль козы внезапно падал (коза умирала). Её символически надували соломинкой, она постепенно вставала, оживала, при этом пелась колядка «... дзе каза рагом – там жыта стагом; дзе каза хвастом – там жыта кустом, дзе каза стаіць – там

жыта радзіць...». Смерть и оживание сакральной козы, как символа плодородия, прослеживается и в процессе изготовления дуды. Интересно, что Коляды – праздник римский, эллины не праздновали Коляд. Культ Диониса и козы как символа плодородия был у них одним из самых важных и значимых. Но стоит отметить, что в пантеоне римлян «Коза» обожеествлялась как «alma teus» – она вскормила Зевса своим молоком, за что, в знак благодарности, Зевс вознёс её на небеса в виде созвездия Capelle.

Служба дударя была связана с календарно-обрядовыми и семейно-обрядовыми праздниками. Формирование традиционного репертуара опиралось на этнофонию конкретных регионов. Наиболее консервативный этнофонический лад прослеживается в центральной и северо-западной частях (Поозерье) Беларуси – до минор. Влияние на формирование обрядовых традиций оказывали цивилизации агрессивного порядка. Так, легаты Римской империи в 3–4 в. н.э. «учили» народы Центральной и Восточной Европы выжигать гектары лесов и на уничтоженных участках леса высаживать злаковые культуры, которые изначально не были предназначены для употребления в пищу. Но через несколько столетий хлеб занял одно из первых мест среди сакральных блюд белорусов, украинцев, литовцев и поляков. Вводились новые культы, ими дополнялись или заменялись старые традиции. Например, римский культ богини Лоты наложился на балто-славянский культ «Роженицы»; культ богини Эригоны, отголоски которого можно встретить в северо-западной части Беларуси и пограничных с ней районах Литвы и Латвии, проявляется в обрядах песен, исполняющихся при качании на качелях.

Интересно также отметить культы кельтов, артефакты которых можно проследить в традиционных обрядовых взглядах белорусов, например, культ кабана и его жертвоприношение на Коляды, где кабан – символ Солнца. Кельтский бог-громовержец Таранис, Тарена, идентичен белорусскому Пяруну. Особый интерес вызывает обряд «жаніцьба Цярэшкі», который до наших дней проводится на Коляды в северной части Центральной Беларуси. Символически «дзед і баба», «Цярэшка», «Тарэнта» проводили символический свадебный обряд, подбирая пары парням и девушкам по своему желанию или по желанию других участников обряда. Подобный обряд и теперь существует в Северной Италии как «Tarentos».

Дударь на этом празднике занимал главенствующее место вместе с «Тарентой».

Значимость традиционной дудовой музыки и важность дударя прослеживается в игре народных скрипачей, которые копировали дудовую технику игры и импровизировали как дударя, когда дударская традиция на территории Беларуси начала умирать. Например, наигрыш из дер. Свядица, Ушацкий р-н., обряд «Заручины».

Независимо от изменений в обрядовых праздниках, их трансформации, дударь был и оставался их главной фигурой. Ещё в 80-е года прошлого века на Беларуси можно было встретить играющих дударей, но, к сожалению, на сегодняшний день аутентичных носителей дударской культуры не осталось.

Интерес к инструменту «дуда» вновь появился в 80-е гг. прошлого века. Первыми попытку возродить этот инструмент были известные мастера народных инструментов М. Жуковский, В. Пузыня, В. Гром, М. Лычковский, А. Лось. Опираясь на исследования этнографов 19 века, на информацию, полученную от участников дударских обрядов, было создано несколько инструментов, которые послужили фундаментом для возрождения дуды как инструмента и использования её в новом этномузыкальном контексте. Дуда зазвучала в коллективах, исполняющих народную музыку, но не достаточно исследованной оставалась тема обрядовой музыки, исполняемой аутентичными дударями. Энтузиасты и этнографы, которых интересовала музыкальная дударская традиция, в конце 90–х гг. 20 в. занялись исследованием темы дударского репертуара и роли дударя в обрядовой культуре белорусов. Автор статьи около пяти лет занимался исследованием дударского репертуара, открыл много малоизвестных тем, связанных с инструментально-вокальной традицией наиболее «дударских» регионов Беларуси. Наиболее интересным был факт исполнения скрипачами дударских обрядовых мелодий, которые копировали технику игры на дуде, насыщенную форшлагами, трелями, интересными импровизациями. В середине 90-х гг. у автора появились первые ученики (А. Жура и Ф. Кашкуревич), которые, научившись делать дуды и играть на них, продолжили развитие традиции дударской культуры в контексте современного этномузыкального мира. К стилизованному

возрождению дуды приобщился и Белорусский институт культуры, где в процесс обучения игре на духовых инструментах была включена белорусская дуда. Важным в возрождении и популяризации дуды стали дударские фэсты, идея проведения которых принадлежит автору. Благодаря увлечённости и интересу молодых дударей на «Хуторе Дударя» проводились и проводятся международные семинары по теме эргологии и репертуара дуды. Организатором первых фэстов был И. Михно, позднее – Д. Сосновский, руководитель группы «Стары Ольса», которая одна из первых ввела дуду в свой репертуар в стиле фолк-модерна и нео-фолка.

Новыя гістарычныя выклікі: што патрэбна, каб Беларусь змагла годна на іх адказаць?

Г.М. Лыч
(Мінск, Беларусь)

Апошнім часам чалавецтва апынулася перад выключна сур'ёзнымі выклікамі, якія патрабуюць ад яго неадкладнага адэкватнага адказу. Гэта, перадусім, няўхільнае павышэнне узроўню забруджвання навакольнага прыроднага асяроддзя, з'ядненне планетай Зямля рэсурсамі, неабходнымі для развіцця матэрыяльнай вытворчасці, усё больш шырокае распаўсюджванне міжнароднага тэрарызму. Кожная з памянёных пагроз, калі яе своечасова не прадухіліць, здольная паставіць пад сумненне нават само існаванне сучаснай цывілізацыі.

Акрамя глабальных, перад кожнай асобай краінай паўстаў шэраг не менш сур'ёзных лакальных выклікаў, ад адказу на якія будзе напрамую залежыць яе далейшы лёс. У прыватнасці для Беларусі адным з такіх выклікаў з'яўляецца пагроза страты нацыянальнай эканомікай сваёй канкурэнтаздольнасці на сусветным рынку, што можа пацягнуць за сабой страту Беларуссю свайго эканамічнага і палітычнага суверэнітэту, дзяржаўнай незалежнасці, а ў наступным і знікненне беларусаў на этнічнай карце свету ў якасці самастойнага самабытнага этнасу.

Дадзеная праблема для мяне, як эканаміста, натуральна, найбольш блізкая. Таму менавіта на яе прыкладзе паспрабую адказаць на пытанне, пастаўленае ў назве майго даклада. Разам з тым хачу зазначыць, што ў сваёй аснове ён будзе справядлівым і ў стасунках да ўсіх астатніх выклікаў.

Адначасова падкрэслію, што з улікам тэматычнай накіраванасці канферэнцыі акцэнт будзе зроблены на пытаннях сацыялогіі і псіхалогіі. Хаця, безумоўна, зусім без пытанняў эканомікі тут ніяк не абысціся.

Першае, на чым на пачатку мяркую засяродзіць вашу ўвагу, – гэта пытанне, чаму забеспячэнне канкурэнтаздольнасці нацыянальнай эканомікі і вядучых суб’ектаў гаспадарання сёння набыло для Беларусі лёсавызначальнае значэнне. Асноўных прычын азначанаму дзве. Адна з іх – глабалізацыя сусветнай эканомікі, якая суправаджаецца лібералізацыяй знешняга гандлю.

Як і любая іншая складаная сацыяльна-эканамічная з’ява, глабалізацыя мае два бакі – станоўчы і адмоўны. Яна стварае не толькі спрыяльныя перадумовы для паскарэння сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны, але і сур’ёзныя пагрозы яе эканамічнаму, а праз яго, і палітычнаму суверэнітэту. Пры тым выйграюць ад удзелу ў глабалізацыйных працэсах у сферы эканомікі, як правіла, перадавыя краіны, а прайграюць часцей за ўсё адсталыя.

Становішча апошніх сур’ёзна ўскладняецца тым, што, нягледзячы на ўсе пагрозы, якія нясе з сабой глабалізацыя, яны не могуць дазволіць сабе застацца ў баку ад яе. У такім разе ім непазбежна пагражае цягам часу ўсё большае тэхніка-тэхналагічнае і сацыяльна-эканамічнае адставанне без якіх бы там ні было надзей на лепшую будучыню. Удзел жа ў глабалізацыйных працэсах дае ім хоць якісьці шанец на тое, што калі не ў агляднай, дык хоць у больш аддаленай перспектыве яны ўсё ж такі змогуць у рэшце рэшт пераадолець сваё хранічнае адставанне і заняць свой пачэсны пасад між перадавых краін свету.

Беларусь ў тэхніка-тэхналагічным і сацыяльна-эканамічным плане, на вялікі жаль, не адносіцца да ліку авангардных краін, якія маюць мажлівасць напоўніцу карыстацца выгодамі ад глабалізацыі. Нам даводзіцца болей асцерагацца тых пагроз, якія ўтойвае яна ў сябе для беларускай эканомікі. А яны ўжо сёння відавочныя, аб чым

не двухсэнсоўна сведчаць агромністыя запасы гатовай прадукцыі на складах айчынных прадпрыемстваў. На гэтае паказвае і той факт, што пераважную большасць сваёй экспартнай прадукцыі беларускія вытворцы збываюць на рынках Садружнасці незалежных дзяржаў, найперш Расіі. На прэстыжных жа рынках Еўрапейскага саюза і іншых прамыслова развітых краін Захаду запатрабаванымі аказваюцца толькі адзінкавыя віды айчыннай прадукцыі. Пры тым гэта альбо сыравіна, альбо прадукты яе першаснай перапрацоўкі. Доля ж высокатэхналагічнай, навукаёмістай прадукцыі з высокай дабаўленай вартасцю ў складзе беларускага экспарту на прэстыжных зарубежных рынках зусім мізэрная.

У сувязі з тым, што Расія ўжо ўступіла ў Сусветную гандлёвую арганізацыю, а Казахстан збіраецца зрабіць тое ж самае ў бліжэйшы час, нельга выключыць, што зусім хутка для Беларусі стане праблематычным нават захаванне такога нізкаэфектыўнага экспарту. Справа ў тым, што ўступленне краіны ў Сусветную гандлёвую арганізацыю абавязвае яе адкрыць свой ўнутраны рынак усім замежным вытворцам і забяспечыць для іхняга пазіцыянавання на ім умовы такія ж, як і для ўласных вытворцаў.

Адсюль вынікае, што ўжо ў самыя бліжэйшыя гады беларускія экспарцёры на расійскіх і казахстанскіх рынках будуць вымушаны канкурыраваць не толькі з мясцовымі вытворцамі, але і з транснацыянальнымі карпарацыямі і буйнымі нацыянальнымі кампаніямі развітых краін Захаду, якія з'яўляюцца лідэрамі па адпаведных напрамках сусветнага навукова-тэхналагічнага прагрэсу і дзякуючы гэтаму вырабляюць высокаякасную прадукцыю пры найменшых выдатках. Пры гэтым ні Расія, ні Казахстан не змогуць далей, як яны гэта рабілі дагэтуль, надзяляць беларускіх імпарцёраў якімісьці асаблівымі ільготамі. Усе імпарцёры на рынках названых краін будуць пастаўлены ў аднолькавыя ўмовы.

Больш за тое, паколькі Беларусь уваходзіць у адзін і той жа Мытны саюз, што Расія і Казахстан, а значыць, мае агульны з імі рынак, то транснацыянальныя карпарацыі і нацыянальныя кампаніі Заходніх краін аўтаматычна атрымаюць права свабоднага доступу і на беларускі рынак. Пры гэтым беларускія ўлады будуць пазбаўлены права чыніць ім якіясьці штучныя перашкоды на шляху рэалізацыі сваіх тавараў і паслуг у Беларусі.

Усё адзначанае вышэй ставіць беларускія прадпрыемствы ў прынцыпова іншыя ўмовы функцыянавання. Ім трэба будзе выжываць ва ўмовах значна больш жорсткай канкурэнцыі, пры тым з боку вытворцаў, якія істотна пераўзыходзяць іх па сваім тэхнікатэхналагічным і арганізацыйна-кіраўніцкім узроўні развіцця. А гэта азначае, што рэальная верагоднасць поўнай паразы ў дадзенай бескампраміснай барацьбе для беларускіх таваравытворцаў узрастае шматкроць. Разам з ёй адпаведна ўзрастае і верагоднасць поўнага абвалу ўсёй нацыянальнай эканомікі. І менавіта ў гэтым другая асноўная прычына, чаму сёння забеспячэнне канкурэнтаздольнасці нацыянальнай эканомікі і вядучых айчынных суб'ектаў гаспадарання набыло для Беларусі лёсавызначальнае значэнне.

А цяпер самы раз перайсці да непасрэднага адказу на пытанне, ці здольная сённяшняя Беларусь годна адказаць на дадзены гістарычны выклік?

Зразумела, як само пастаўленае пытанне, так і мажлівы адказ на яго маюць шматаспектны характар. Усебакова і грунтоўна асвятліць іх у межах рэгламенту, канешне, немагчыма. Таму засяроджуся ў асноўным на сацыяльна-псіхалагічных аспектах. Для гэтага на пачатку некалькі звужу першапачатковае пытанне: якімі павінны быць нашыя дзяржава, грамадства і асобны грамадзянін, каб беларуская нацыянальная эканоміка і айчынныя вядучыя суб'екты гаспадарання аказаліся ў стане вытрымаць самую жорсткую канкурэнцыю на сусветным рынку, маглі і надалей забяспечваць эканамічную бяспеку і незалежнасць нашай Бацькаўшчыны?

Перадусім, каб быць да канца зразумелым, зазначу, што ў дадзеным выпадку пад дзяржавай я разумею не краіну, а асноўную палітычную арганізацыю грамадства (нацыі), якая складаецца з урада і ягоных кіраўніцкіх органаў і сілавых структур, ці, інакш кажучы, палітычную надбудову над грамадствам. У такім сваім азначэнні дзяржава ў трыядзе «дзяржава–грамадства–грамадзянін» з'яўляецца абслугоўваючым складнікам. Яе прызначэнне – стварэнне неабходных умоў для плённай працы кожнага асобнага грамадзяніна і ўсяго грамадства цалкам.

Паколькі размова ідзе аб канкурэнтаздольнасці, а важнейшай канкурэнтнай перавагай і нацыянальнай эканомікі, і асобных вытворцаў на сучасным этапе сусветнага эканамічнага развіцця з'яўляецца параўнальна большая прасунутасць у галіне навукова-

інавацыйнай дзейнасці, то галоўнымі накірункамі намаганняў дзяржавы ў дадзенай сферы павінны быць, па-першае, садзейнічанне кожнаму асобнаму грамадзяніну ў набыцці новых ведаў, і, па-другое, стварэнне спрыяльных умоў для іх максімальнага выкарыстання з мэтай паскарэння інавацыйнага развіцця айчыннай вытворчасці.

Асабліва важна дамагчыся ўсталявання ў краіне сапраўднага культу ведаў і забяспечыць доступ да іх кожнай асобе з тым, каб кожны чалавек мог у поўнай меры раскрыць і выкарыстаць свой творчы, стваральны талент на карысць Радзімы. Для гэтага дзяржаве неабходна пастаянна клапаціцца не толькі аб развіцці айчыннай адукацыйнай сістэмы і свабодным доступе да самай высокай адукацыі кожнаму чалавеку, не абдзеленаму прыродай талентам, але і аб забеспячэнні людзям разумовай працы належнага ўзроўню і якасці жыцця. Бо, пакуль работнікі адукацыі і навукі будуць атрымліваць заработную плату, меншую за заработную плату работнікаў фізічнай працы, якія фактычна не маюць ніякай кваліфікацыі, ні аб якім паскораным інавацыйным развіцці не можа быць і гаворкі. А значыць, не можа быць гаворкі і аб гарантаванай канкурэнтаздольнасці беларускай эканомікі на сусветным рынку.

Разам з тым, каб Беларусь магла годна адказаць на новыя гістарычныя выклікі, пэўным патрабаванням павінны адпавядаць таксама беларускае грамадства і яго асобныя члены. З пункту гледжання забеспячэння канкурэнтаздольнасці нацыянальнай эканомікі асабліва важна, каб і беларускае грамадства, і асобныя грамадзяне былі інавацыйна арыентаванымі. Гэта значыць, пастаянна нацэленымі на дасягненне ўсё новых вяршынь у сваім развіцці, заклапочанымі назапашваннем новых ведаў і авалодваннем новымі спосабамі і сродкамі іх эфектыўнага выкарыстання ў імя як няўхільнага ўсебаковага росквіту Айчыны, так і павышэння матэрыяльнага і культурнага ўзроўню ўласнага жыцця.

Каб у поўнай меры адпавядаць дадзенаму першаснаму патрабаванню, нашыя грамадзяне павінны быць сапраўднымі патрыётамі сваёй Радзімы ў шырокім сэнсе гэтага слова. Акрамя таго, ім павінна быць уласціва высокае пачуццё нацыянальнай і чалавечай годнасці, імкненне не толькі да забеспячэння ўсё большага матэрыяльнага дастатку, але і да няўхільнага павялічэння

свайго духоўнага багацця, якое засцерагае асобу і ўсё чалавецтва ад згубнай спажывецкай псіхалогіі.

Сёння патрыятызм часцей за ўсё ўспрымаецца намі ў звужаным сэнсе, усяго толькі як ваенны патрыятызм, то бок так як гатоўнасць ахвяраваць сваё жыццё ў барацьбе са знешнім ворагам. Аднак з пункту гледжання вырашэння лёсавызначальнай праблемы канкурэнтаздольнасці нацыянальнай эканомікі такі скажоны патрыятызм малапрадукцыйны. Да ўсяго, ён не мае асаблівага станоўчага значэння і ў сувязі з тым, што Беларусі наўрад ці давядзецца хоць калі-небудзь весці вайну за сваю дзяржаўную незалежнасць. Калі ж наша Бацькаўшчына і акажацца ўцягнутай у вайну, то ў ёй не будзе месца ніякаму рамантызму, а значыць, і гераізму. То будзе суцэльная мясарубка, у якой вырашальная роля будзе належыць не асобе, а дасканаласці зброі і арганізацыі вядзення баявых дзеянняў на вышэйшым узроўні. Прывіць маладому чалавеку свядомую гатоўнасць ахвяраваць сваім жыццём у падобнай вайне дзеля захавання дзяржаўнай незалежнасці Айчыны вельмі цяжка, калі не сказаць увогуле немагчыма. Ён на гэта пойдзе толькі пад жорсткім прымусам.

Жыватворным для годнага адказу Беларуссю на новыя гістарычныя выклікі можа быць толькі патрыятызм, заснаваны на сыноўскай любові да Бацькаўшчыны, глыбокай павазе да нацыянальнай культуры, у тым ліку роднай мовы, народных традыцый і звычайў, і ґрунтоўным веданні гісторыі сваёй краіны і свайго народа. Толькі такі патрыятызм спалучаецца з высокім пачуццём нацыянальнай і чалавечай годнасці як першаасновы моцнага духу і нястрыманых памкненняў да ўсё новых творчых вяршынь і здольны спарадзіць самаадданае служэнне асобы сваёй Айчыне.

Не менш важна, каб кожны асобны грамадзянін меў высокія патрабаванні да матэрыяльнага і культурнага ўзроўню ўласнага жыцця. Бо чалавек, які задавальняецца ў сваім жыцці «чаркай і скваркай» не можа быць здольным да вялікіх здзяйсненняў і ў імя сваёй Айчыны. Пры гэтым, зразумела, неабходна забяспечваць належныя суадносіны паміж рэалізацыяй агульнанацыянальных і асабістых інтарэсаў. Рэалізацыя асабістых інтарэсаў не павінна супярэчыць рэалізацыі агульнанацыянальных інтарэсаў, а тым больш ажыццяўляцца за кошт ушчамлення апошніх.

Грамадства дзеля годнага адказу на новыя гістарычныя выклікі павінна ўяўляць сабою як мага больш цесна згуртаваную супольнасць і магло цалкам засяродзіць усе свае намаганні на забеспячэнні паслядоўнай і максімальна поўнай рэалізацыі агульнанацыянальных інтарэсаў. У той жа час яно не павінна скоўваць ініцыятыву індывідаў і вынішчаць іншадумства, паколькі менавіта іншадумцы часцей за ўсё з'яўляюцца носьбітамі новых жыватворных ідэй, рэалізацыя якіх спрыяе паскарэнню навукова-тэхналагічнага прагрэсу. Адначасова грамадству належыць садзейнічаць максімальна шырокай свабодзе творчасці і прадпрымальніцкай дзейнасці сваіх членаў, кіруючыся прынцыпам: чым багацейшыя грамадзяне, тым багацейшыя грамадства і краіна.

Пажадана таксама, каб грамадства было структурыравана па ўсіх асноўных напрамках сваёй жыццядзейнасці. Бо толькі ў такім выпадку яно рэальна зможа стварыць неабходныя ўмовы для плённай працы сваіх членаў і стаць належнай процівагай дзяржаве, здольнай прадухіляць шырокае распаўсюджванне карупцыі і ўсіх іншых праяў злоўжывання ўладай у чынавенскім асяроддзі.

Теория лингвистической абсолютности, или Пока ходитъ мы умеем

И.В. Морозов

Ivm2010@rambler.ru

(Минск, Беларусь)

...Нет, не зря язык в современном понимании отнюдь не бездушное средство коммуникации, но имманентная присущность, душа всякой национальной культуры. Ибо, как уже давно замечено, «...язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом» (В. Гумбольдт). Это его внутренняя познавательная и поэтическая энергия, единственная возможность непредвзятого мышления, свободного обмена мыслями, и самого принципиального диалога личности – самой с собой.

И уже это в достаточной мере подтверждает концепцию лингвистической относительности Сепира-Уорфа, многие другие исследования, исповедующие опосредованность человека языком-

речью, своеобразное страдание от этой зависимости, что имеет, как ни странно, и диалектически положительный импульс. Он заключается в поиске средства, пути гармонизации этой опосредованности. А поиск этот и есть существо Культуры во всех ее проявлениях. В том числе и как питательная среда, споспешествующая жизни языка, благодаря которой язык начинает «мыслить сам», порождая уже из самого себя новые формы мыслительной деятельности, открывая себя для вольного сотворчества «человек-язык», поскольку «тип и функции языка есть организм духа» (В. Гумбольдт).

Отсюда можно вывести и теорию абсолютности языка – чтобы мы ни думали-выражали, есть лингвистический акт, содержание и предназначение которого поделиться с собой-миром, куда направлены-следуют наши мысли, включая сомнения, мечты, фантазии. Именно поэтому, на каком бы языке ни говорил человек, он говорит на общем языке и одновременно исключительно на своем-личностном. И чем духовно богаче-свободнее личность, тем богаче его язык, характер, точность, яркость, символичность, короче, все орудийно, операционно-конкретные и метафорически-иносказательные способы его смысловыражения. Это одна из, можно сказать, априорных универсалий.

Актуальные синергетические воззрения подвигают взглянуть на духовный симбиоз «человек-язык» как на жизненный мир человека, чья имманентная незавершенность и открытость может найти свое относительное разрешение в реальном действии или поступке лишь в ситуационно ограниченном времени процесса коммуникации. Иначе говоря, лингвистическое пространство превращается в достаточно условную категорию, не имеющую внятных границ, в том числе и пространственно-территориальных, и тем более административно-государственных. Лишь феномен времени, темпоральной процессуальности может вобрать в себя все лингвистические перипетии, который и составляют жизнь-судьбу всякого языка – речевого и невербального, артикулируемого и изобразительно-выразительного, предметно-вещественного. Так что существенно большую гносеологическую и практическую значимость обретает синхронно-диахронное бытие языка. Это трансформирует проблему территориального пограничья в феномен лингвистического повременья с такими, например, ее аспектами,

как со-временность, свое-временность языковой таковости-инаковости. Это означает, что при всякой деятельности-творчестве важен не результат как сталость-свершенность со своими конкретными «окончательными» выводами, но становления как перманентный процесс и не претендующий на истину в последней инстанции. Он происходит исключительно в силу того, что имеется «некое ядро, еще более глубинное образование, зародыш всех возможных Кодов, Код Кодов, Пра-Код, или лучше Пра-Система, которая, присутствуя во всякой семиотической манифестации, подтверждает существование некоего потаенного начала» (У. Эко), некой первомысли, кванта мысли, который образовался в единой онтологической, феноменологической и синергетической колыбели с языком, и из которого, как из Большого Взрыва, пошла распускаться вся безграничная, живая Вселенная творчества смысловыражения. Что это за универсальная первофраза, ибо «только на уровне фразы язык что-то говорит»? (П. Рикер).

Произнести ее, понятно, невозможно, но она должна высказывать-выражать действительно нечто человечески абсолютное, подчиненное «глубинной грамматике» (В. Гумбольдт), и «априорной грамматике» (Э. Гуссерль) каждого из вербальных языков. В основе этих грамматик – непреложно атрибутивная бинарная оппозиция-двучлен, состоящий из существительного (образ наличествующего бытия) и глагола (образ диалектического свершения). В любом смысловыражении ни один из этих членов не может находиться без реального или подразумеваемого присутствия другого члена. Так, «атомарные факты» – предметность, движение, состояние, – в своем отношении-изменении образуют «атомарные предложения» (Б. Рассел). Отсюда минимальная фраза, квант движущейся мысли, атомарный заверченный текст-свершение – универсальный грамматический трехчлен:

Существительное – Глагол – Существительное*.

Закономерный, естественный лингвистический эквивалент столь же универсального жизнетворческого трехчлена осуществляемой и воспринимаемой локомоции-Пути:

Место – Переход – Место*

Так что любая ис-тория, как процесс-результат торения, всякий текст, как связывание-ткань – результат определенного ментально-

реального мысли-путе-торения со своими архетипическими атрибутами: началом, направлением, последовательностью, целью, концом. Насколько прагматически точно, полно или художественно, символически они выражены, настолько привлекает, впечатляет, запоминается предъявленный Текст-Путь. Насколько он интересен политикам, филологам, философам, теологам, искусствоведам, историкам, биографам...

«Мы говорим для того, чтобы сказать друг другу, куда ведет путь» (О. Розеншток-Хюсси). В итоге это могла мыслиться, предвидеться спасительная пещера или залежи полезных ископаемых для архаичного труда. Но это может быть и «дорога к Храму», к звездным туманностям, в целом жизненный путь-исполнение. В любом случае, язык искони указывал-вел. То есть осуществлял сверхприродную, однако естественную для мышления трансценденцию пространства-времени. И именно потому он стал не просто системой знаков или сигналов, не просто «говорением», а «формой публичного поведения», устанавливающей длящиеся, растянутые во времени межличностные отношения. В них человек увидел последовательное осуществление-предназначение всех форм-явлений, увлекая-отсылая их из познанного-пройденного в сферу неведомого-предстоящего. И такой путь-мысль невозможно расчленил без нарушения общей гармонии-смысла, ибо не может быть-пониматься половина пути или треть мысли.

Так что в отличие от теории лингвистической относительности, согласно которой «реальный мир» строится на основании языковых норм данной группы» (Э. Сепир) и на факте того, что «мы расчлением природу в направлении, показанном нашим родным языком» (Б.Л. Уорф), теория лингвистической абсолютности воспринимает общечеловеческое общение-существование не суммой «атомарных фактов» и даже не «атомарными предложениями», но единым синергетическим феноменом бытия-становления человека-языка.

Отсюда, чтобы сказать: «Кто-что есть отдельный человек, сообщество, этнос, все человечество в целом», – необходимо спросить у них-себя, не то, кто-что они есть, но куда-зачем идут-подвигаются своей самореализацией в мире? Этим собственно и определяется их самость-самобытность, что независима от внешних, сиюминутных факторов, ибо архетипична, врожденна. То

есть стабильна во времени, а всякое ее изменение опосредовано изменением опять-таки языка. Особенно это наглядно в особых исторических событийных ситуациях, на переломе, как говорится, эпох-парадигм. И лучший способ отразить кризисную ситуацию – «это наблюдать за изменением языка» (Г.-Г. Гадамер). Ведь оно – это, по сути, изменение пути нашей мысли, всего жития-бытия со всеми его очевидной повседневностью и мистической сакральностью. Поэтому-то «Бог заставляет нас говорить» (О. Розеншток-Хюсси). Говорить и говорить всеми одаренными-обретенными языками – речью, жестом, письмом, красками, камнем...

Так с первых именованій Адама-Евы, человек действительно стал «как боги», то есть обрел свободу от закрепощенности в здесь-и-сейчас – способность мыслить, мечтать, строить планы, сомневаться, интересоваться, соизмерять, выбирать, дабы адекватно приспособиться, и творчески, в теории и на практике, направить свое бытие к иному-лучшему. Дабы творить себя-собой как духовную, следовательно, абсолютную ипостась. Ибо перед ним открыта безграничная возможность вопрошать и делиться самым сокровенным и предопределяющим. На что, по нашим представлениям, способен разве что Бог-Абсолют, заговоривший только с Человеком, который, выходит, заставил Его говорить. И этот дар-предназначение навсегда останется с нами. По крайней мере, пока ходить, да и летать-мечтать тоже, мы умеем...

Історія фіксації та характерні риси обрядів післявесільного етапу на теренах етнографічної Волині в другій половині XIX ст.

В. Р. Немец
vniemiets@gmail.com
(Львів, Україна)

У структурі традиційного волинського весілля чітко простежується комплекс обрядодій демонстративно-карнавального характеру, що відбувалися протягом тижня і були пов'язані з

прилученням молодої до роду молодого. Дана ритуальна частина означається дослідниками як післявесільний етап.

Післявесільний етап, як окрема структурна одиниця весільного обряду українців, вперше був виокремлений у відомій узагальнюючій праці В. Борисенко, в якій авторка розглядає його як «ряд обрядодій, що виконувалися протягом тижня і були пов'язані з шануванням батьків з нагоди одруження сина (особливо найменшого в сім'ї), приєднанням невістки до родини чоловіка» [1, с. 84], що завершувався обрядовим скріпленням родичання двох сімей. Таким чином, В. Борисенко, запропонувавши власну дефініцію післявесільного циклу і систематизацію його компонентів, відійшла від тенденції, що до того домінувала в джерелах та історіографії і полягала в механічному переліку звичаїв і обрядів даного етапу.

Уявлення про те, яким був післявесільний етап на Західній Волині на початку другої половини XIX століття отримуємо із описів відомого польського етнографа і фольклориста О. Кольберга, зроблених ним на цих теренах у 1862 році [2, с. 94]. Так, за свідченнями вченого, до післявесільних ритуальних актів і обрядів, що тривали протягом тижня, можна віднести:

- Понеділок – перевірка молодої на «чесність», вмивання молодих, почіпчування молодої і зав'язування їй хустки, триразовий обхід молодих навколо столу, скидання очіпка молодої, розподіл короваю, обдаровування молодою роду молодого, відвідування пана;
- Вівторок – «делегація» до матері молодої, взування тещі молодим, презва, підміна молодої, гостина у молодого;
- Середа – ігри та забави переодягнених сватів та гостей;
- Неділя – гостина у батьків молодої.

На початку 60-их рр. XIX ст. матеріальна і духовна культура Волині була предметом дослідження польського вченого Т. Стецького. Повідомляючи про післявесільний етап даної місцевості автор зазначає, що в понеділок, після підтвердження «чесності молодої» молодий чіплав усім гостям червоні стрічки, а молодій накидав очіпок; молода, в свою чергу, обдаровувала рід молодого. Розділивши коровай, молоді здійснювали відвідини родичів і пана, повернувшись з яких молодий зі сватами вирушав на

перезву, після чого ще відбувався акт ритуальної підміни молодої. У вівторок на весіллі надалі тривали танці і забави, а вже наступного дня новостворена родина приступала до щоденної рутини [8, с. 88].

Цінні відомості про післявесільний етап на Волині знаходимо на сторінках польського народознавчого періодичного видання «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej». Так, за даними В. Малиновської, окрім відомих уже нам ритуальних актів зав'язування хустки молодій, виводу, відвідування пана і обдаровування роду, в першій повесільній понеділок відбувалась «утилізація» весільних атрибутів: квітку, що була пришпилена до шапки молодого, зашивали в подушку, а весільне деревце закидали на дах [6, с. 263].

Нарешті, говорячи про післявесільні звичаї і обряди на Волині в другій половині XIX ст., не можемо оминати увагою доробок відомого народознавця П. Чубинського – «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край», що став наслідком трьох експедицій, здійснених вченим у 1869–1870 рр. Так, у четвертому томі даної праці знаходимо два ґрунтовні описи весільного дійства із досліджуваних нами теренів. Перший з них, - із села Млинів Дубнівського повіту (зараз – смт Млинів, районний центр Рівненської обл.), цікавить нас з огляду на присутність локальної народної назви повесільного понеділка – *зводина*. Зокрема, як зазначає автор, після обряду «комори» сваха, дві приданки і весільний дружко накладали на молоду очіпок і хустку, а зверху ще клали покривало, яке згодом свекор мав скинути на піч [5, с. 611].

Деякі відомості про повесільний етап на Західній Волині кінця XIX ст. знаходимо у праці польського дослідника Б. Сокальського, присвяченій економічній, географічній, історичній і культурній характеристиці Сокальського повіту [7, с. 3]. До прикладу, описуючи різновид «циганщини» у селах Свитазів і Стенятин (обидва села зараз належать до Сокальського р-ну Львівської обл.), вчений зазначає, що по завершенні весілля свати перебиралися на циган, жидів та жебраків, і ходили селом просити на господарство для молодих.

Накопичення матеріалів з весільної обрядовості історико-етнографічної Волині активізується наприкінці XIX – на початку

XX ст. Саме в цей час з'являються друком описи весілля, зібрані і упорядковані знаним етнографом і фольклористом, членом «Товариства дослідників Волині» В. Кравченком. Зокрема, за свідченням автора, у с. Курозвани Острозького повіту (зараз – с. Курозвани Гошанського р-ну Рівненської обл.) по весільний етап тривав два дні: в понеділок ввечері молодий брав дружків, сваху і йшов на перезву за тещею, після чого в його хаті відбувався перепій, а у вівторок обдаровували матір молодой, - молодий взував їй чоботи і «обсилав» пирогами, спеченими дружиною [3, с. 149].

Нарешті, не можемо оминати увагою ґрунтовний запис весілля із села Сковородки Старокостянтинівського повіту (зараз – с. Сковородки Старокостянтинівського р-ну Хмельницької обл.), здійснений вченим-красзнавцем М. Теодоровичем в рамках історико-статистичного опису церков і парафій Волинської єпархії. Зокрема, у згаданому селі весілля у бідних сімей закінчувалося перезвою, а в багатих тривало до четверга під назвою «забирання», зміст якого полягав в тому, що весільне святкування «передислоковувалося» в хати свах, сватів, світилок, і завершувалося гучним бенкетом у корчмі [4, с. 263].

Таким чином, станом на кінець XIX ст. у структурі післявесільного етапу історико-етнографічної Волині виділяються такі основні ритуальні акти і обряди, як: перевірка «чесності» молодой, накладання молодій очіпка і пов'язування їй хустки, вивід, биття курей, циганщина, ритуальна підміна молодой, скидання очіпка молодой на піч, розподіл короваю, перезва, взування зятем тещі, перевірка господарської вправності молодой, утилізація весільних атрибутів, відвідування молодими пана, гостина у батьків молодой. Характерною ознакою етапу є розмаїття локальних народних назв повесільних днів, які є лінгвістичним відображенням головних обрядодій у свідомості селян. Тривалість етапу обмежується тижнем (за умови високого рівня матеріального добробуту родин молодого і молодой); в той же час траплялись випадки відсутності післявесільного циклу (за винятком таких обов'язкових актів, як розподіл короваю і зав'язування молодій хустки), якщо перевірка молодой на «чесність» давала негативний результат. За таких обставин у дію вступало так зване «бридке весілля», – тотальна ганьба молодой і її роду, що проявлялася за посередництвом вербального і акціонального осуду.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Борисенко, В.К. Весільні звичаї та обряди на Україні. – К., 1988. – 192 с.
2. Болтарович, З. Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. – К., 1976. – 139 с.
3. Кравченко, В. Свадьба в с. Курозванах // Труды общества исследователей Волыни. – Житомир, 1902. – Т. I. – С. 118–150.
4. Теодорович, Н. Волынь в описаниях городов, местечек и сел в церковно-историческом, географическом, археологическом и др. отношениях // Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. – Почаев, 1899. – Т. 4: Староконстантиновский уезд. – 450 с.
5. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. – СПб., 1877. – Т. 4. – С. 680 с.
6. Malinowska, W. Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Kudynowcach, powiecie Złoczowskim // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. – Kraków, 1883. – Т. 7. – S. 244–264.
7. Sokalski, B. Powiat Sokalski pod względem geograficznym, historycznym i ekonomicznym. – Lwów, 1899. – 491 s.
8. Stecki, T. Wołyn pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. – Lwów, 1864. – Т. I. – 388 s.

Нацыянальна–азначныя кампаненты лексічнага значэння слова (на матэрыяле беларускай, рускай, англійскай моў)

Н.Ю. Паўлоўская
n.pavlovskaya@tut.by
(Мінск, Беларусь)

Нацыянальныя ўласцівасці любой мовы рэалізуецца ў першую чаргу праз яе лексічны склад. У семантыцы слова замацаваны гістарычныя асаблівасці развіцця народа, яго найважнейшыя этнічныя і архетыпічныя коды, увасоблены пэўны тып светапогляду

чалавека. Асаблівая роля пры выяўленні этналінгвістычнай спецыфікі лексем належыць назоўнікам, паколькі яны найбольш канцэптуальна выразныя, у першую чаргу вербалізуюць аб'екты рэчаіснасці, што непасрэдна назіраюцца, і, такім чынам, эксплікуюць анталогічную катэгорыю прадметнасці. Гэта палажэнне распаўсюджваецца як на канкрэтныя, так і на абстрактныя назоўнікі; апошнія з'явіліся з прычыны «ланцужка зрухаў, якія адбываліся па меры развіцця катэгорыі і маркіравалі адносіны на шкале ад канкрэтных імёнаў да імёнаў абстрактных, ад абазначэння жорсткіх дэсігнатораў да намінальных класаў слоў» [1, с. 246].

Кожная асобная лексема, перадаючы індывідуальнае значэнне і адлюстроўваючы рэферэнцыю да пэўнага дэнатату, адначасова маніфестуе і глыбінную рэферэнцыю да сваёй першакрыніцы. Апошняя абавязкова пакідае пэўны след у семантыцы моўнага знака, значыць, задача даследчыка выявіць падобныя ментальныя адбіткі і вобразы прадметаў, сітуацый, закадзіраваных у словах. У дакладзе праводзіцца кампаратыўны аналіз беларускіх і рускіх лексем *асоба*, *персона/личность*, *особа*, *персона* ў параўнанні з англійскімі *person/personality*, якія недыферэнцавана намінуюць чалавека без указання на яго ўзроставаы, прафесійныя, інтэлектуальныя і іншыя характарыстыкі.

Паводле «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы», слова *асоба* мае значэнне «форма, сукупнасць рыс, твар». Адзначаецца, што гэты назоўнік утвораны ад стараславянскага дзяслова *особити* – «жыць асобна». Аднак позняя фіксацыя і старабеларускія значэнні сведчаць пра тое, што беларускае слова трэба лічыць запазычаннем з польскай мовы – **osobiti*, створаным з прыслоўнага выразу **o sobě* – «асобна» ці, хутчэй, ад праславянскага прыметніка **osobъ*, што захавалася ў выглядзе *асобы* [2, с.17]. Менавіта старажытны карань рэпрэзентуе нацыянальнае ўяўленне пра індывідуальны, адасоблены ад соцыуму статус чалавека, а семантыка-дэрывацыйны ланцужок раскрывае стаўленне беларусаў да жыцця, да сябе і іншых: *асоба* «чалавек з пункту погляду яго характару», «сукупнасць уласцівасцей, якія складаюць індывідуальнасць», – *асобіна* «кожны асобны арганізм, які самастойна існуе» – *асобнасць* «адметнасць, асаблівасць чаго-н.» – *асобны* «які вылучаны з шэрагу іншых, існуе

асобна побач з іншымі’ – *асобы* ‘які мае спецыяльныя функцыі, спецыяльнае прызначэнне’ – *асабісты* ‘які належыць пэўнай асобе, які закранае яе інтарэсы, які зыходзіць ад пэўнай асобы’ – *асаблівы* ‘не падобны да іншых, не такі, як усе, адметны’ – *асабовы* ‘які ўласцівы пэўнай асобе’ – *асабняк* ‘дом багатага ўласніка, пабудаваны асобна для адной сям’і’. Інварыянтам для ўсіх слоў гэтага рада ёсць сема ‘асобнасць’ і суадносныя з ёю семы ‘самастойнасць’, ‘адметнасць’, ‘непадобнасць да іншых’, ‘уласнасць’.

Рускае слова *личность* утворана ад прыметніка *личный* са значэннем ‘принадлежащий, свойственный какому-нибудь лицу’ [3]. Як сведчыць гістарычны слоўнік рускай мовы, лексема сфарміравалася не раней другой паловы XVII ст. У рускай літаратурнай мове XVIII ст. намінацыя *личность*, акрамя інварыянтнага значэння ‘уласцівасці канкрэтнага чалавека’, мела негатыўную канатацыю ‘заўзятасць’, ‘любоў да сябе, эгаізм’, ‘абразлівы намёк на якую-небудзь асобу’, маніфестуючы самалюбства, сябелюбства і натурыстасць суб’екта. Разам з тым лексема мае старажытны карань *ликъ*, трактуемы этымалагамі як ‘выява твара на іконе’, г.зн. ‘ідэальны правобраз’ [4]. На думку У.В. Колесава, «для рускага светапогляду ўсе прыватныя абазначэнні чалавека ў яго дзеяннях і якасцях – *лик*, *лицо* ‘рэальнае аблічча’, *личина* ‘скажоны *лик*’ – аб’ядналіся ў XVIII стагоддзі ў адзін семантычны фокус – *личность*, дзе сканцэнтраваны і асобнасць *особы*, і выразнасць *личины* (маскі), і ўнутраная сіла талента ці дара – *лика*» [5, с. 171]. У семантычнай структуры сучаснай лексемы *личность* акцэнт робіцца на сацыяльным, грамадскім статусе чалавека: «1. Совокупность внутренних признаков и свойств, присущих человеку как существу общественному; личное, индивидуальное начало в человеке. 2. Человек как член общества и как носитель индивидуального начала. 3. Устар. Колкие, обидные замечания в чей-либо адрес; намек на какое-либо определенное лицо. 4. Простореч. То же, что лицо (в 1 знач.)» [6, с. 295].

Калі беларуская лексема *асоба* эксплікуе значэнні асобнасці, самастойнасці, свабоды чалавека як вышэйшай каштоўнасці жыцця,

рускае *личность* сведчыць у першую чаргу пра адзінства фізічна знешняга, вонкавага і духоўнага.

Словы *особа* і *персона*, якія пазначалі ў рускай літаратурнай мове XVI – XVII стст. толькі афіцыйны стан чалавека, яго палітычную ці дзяржаўную недатыкальнасць і значнасць, у сучаснай мове маюць іншыя значэнні: разам са сваімі дэрыватамі *особенно, особенный, особина, особица, особливо, особый, особенность, особность, особый, особняк особняком, особо, особь* рэалізуюць семантыку ‘незвычайны’, ‘выключны’, ‘адметны’. Многія з іх трактуюцца як устарэлыя. Нацыянальна-спецыфічнымі асаблівасцямі лексемы *персона* ў беларускай і рускай мовах выступае функцыянальна-стыльвы кампанент – магчымасць іх выкарыстання ў іранічным і кніжным стылях, а таксама для пазначэння сітуацыі ‘чалавек за сталом, абедам’: *накрыць стол на пяць персон*.

Беларускай *асобе* і рускай *личности* адпавядаюць англійскія намінацыі *person* і *personality*. *Person* маніфестуе значэнне ўключэння ў біялагічную катэгорыю *homo sapiens* (‘human being, whether man, woman, or child’, ‘human being as distinguished from an animal or a thing’), яго сацыяльны статус, сувязь з пэўнай культурай (‘an individual human being, especially with reference to his or her social relationships’), індывідуальнасць (‘the actual self or individual personality of a human being’) [7]. Для *person* вялікую значнасць мае яго цялесная форма, знешні воблік, фізічныя якасці, нават адзенне: ‘the body of a human being, sometimes including his or her clothing’. Гэта можа быць і персанаж у мастацкіх творах, і юрыдычная асоба. Акрамя таго, англ. *person* і беларус. *асоба* намінуюць адпаведную граматычную катэгорыю. Лексема *personality* акцэнтуюць у першую чаргу асобасна-псіхалагічныя характарыстыкі канкрэтнага чалавека, яго характар, тэмперамент, эмоцыі, пачуцці: «the visible aspect of one's character as it impresses others, the some total of the physical, mental, emotional, and social characteristics of an individual» [7]. У семантыцы *personality* акцэнтуюцца індывідуальныя ўласцівасці, унікальнасць кожнага чалавека, яго самабытны ўнутраны свет, арыентаваны на ажыццяўленне свабоднага выбару і самавызначэнне. Такім чынам, англійскія лексемы, як і беларус. *асоба*, сканцэнтраваны перш за ўсё на індывідуальнасці, асобнасці кожнага чалавека. Этымалогія англійскіх намінацый разам з

беларускай і рускай *персонай* сведчыць пра іх паходжанне ад лацінскага *persōna* са значэннем ‘роля ў жыцці ці ў мастацкім творы’ [7]. Гэта маска, якую насіў акцёр і якая служыла сімвалам выконваемай ім ролі, шырма, што не дазваляе ўбачыць сапраўдны твар чалавека, і ў гэтым значэнні англ. *person* і *personality* супастаўляльныя з рус. *личностью*: англійская і руская лексемы паказваюць знешні, сацыяльны воблік (маску), якую прымае чалавек, выконваючы пэўныя грамадскія ролі. Аднак паводле сукупнай семантыкі беларус. *асоба* бліжэй, чым рус. *личность*, да англійскіх *person* і *personality*, паколькі эксплікуюць значэнні ‘адметнасць’, ‘самастойнасць’, ‘асобнасць’.

Беларускія і англійскія рознакаранёвыя лексемы *асоба* – *твар*, *person* – *face* адпавядаюць рускім аднакаранёвым *личность* – *лицо*. У аснове семантыка-дэрывацыйнага ланцужка беларус. *твар* ‘індывідуальнае аблічча, выгляд, характэрныя рысы каго-, чаго-н. ляжыць паняцце духоўнай і фізічнай работы, што сведчыць пра нацыянальна-спецыфічную адметнасць лексемы: *тварыць* ‘ствараць у працэсе творчай дзейнасці, рабіць, здзяйсняць’ – *тварэнне* ‘тое, што створана ў працэсе творчай дзейнасці’ – *творчасць* ‘дзейнасць чалавека, накіраваная на стварэнне культурных, духоўных і матэрыяльных каштоўнасцей’ – *тварэц*, *творца* ‘той, хто стварае матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці’, ‘Бог як стваральнік свету’ [8, с. 488]. Номинация *твар* мае той жа корань, што і слова *Бог* (*Творца*). Гэта значыць, што ў лексеме *твар* закладзена інфармацыя не толькі аб фізічным і духоўным патэнцыяле беларуса, але і філасофская канцэпцыя яго жыцця, непарыўна звязанага з найвышэйшай існасцю – Богам.

Для рускай свядомасці Бог – адначасова і *Творец*, і *Создатель*. У беларуса адносіны да Бога іншыя: гэта не той, хто дае, (*создатель*), а ў першую чаргу будаўнік матэрыяльных і духоўных каштоўнасцей, усяго свету – *Тварэц*, *Творца*, *Стваральнік*. Беларускае *асоба*, такім чынам, ахоплівае космас і чалавека. У цэннасным аспекце – гэта якаснае пераўтварэнне, у адрозненне ад *Я* – першаснага пачатка. Англ. *person* таксама ўключаецца ў любую з хрысціянскіх іпастасей трыадзінага Бога: Бога-айца, Бога-сына, Бога–святога духа («any of the three hypostases existing as distinct in the one God and constituting the Trinity. They are the First Person, the Father, the Second Person, the Son, and the Third Person, the Holy

Ghost») [7]. У гэтым сэнсе беларус. *асоба* і англ. *person* маюць семантычныя пункты перасячэння. Найважнейшай каштоўнасцю чалавека ў беларускай і англійскай моўных карцінах свету з'яўляецца хрысціянская арыентацыя на асабістую дабрадзейнасць, асабістую духоўную свабоду.

Нацыянальны характар беларуса разам са спецыфікай гістарычнага развіцця дзяржаўнасці прадвызначылі яго адносіны да хрысціянства, да царквы толькі як да аднаго са складнікаў стражытных абрадаў, і значна пазней зафіксавалі змену сацыяльнага статусу чалавека. «Зрабіўшыся хрысціянамі, – пісаў у пачатку XX стагоддзя беларускі этнограф, фалькларыст і гісторык І. Абдзіраловіч, – яны [беларусы – Н.П.] не забылі аб сваіх старых перакананнях; князь Усяслаў Чараўнік – добры хрысціянін: ён слухае ураню ў Полацку, але абяртаецца сівым ваўком і бяжыць да Кіеўскай Сафіі на абедню» [9, с. 10]. У выніку злучэння язычніцкай і праваслаўнай культур беларус, не выракаючыся свайго духоўнага мінулага, прыняў і паслядоўна ўпісаў хрысціянскія звычаі, атрыбутыку ў свой язычніцкі каляндар. У рускім светабачанні язычніцкае і хрысціянскае прадстаўляла канфрантацыю, сутыкненне, што стварылі «дыялектыку чалавека, ту дваістасць характару, якая ўжо ніколі не знікала» [5, с. 119].

Кампаратыўны аналіз беларускіх, рускіх, англійскіх лексем *асоба*, *персона/личность*, *персона*, *особа/ person/personality* паказаў адлюстраванне ў іх семантыцы нацыянальна-цэннасных арыентацый і сацыяльных паводзін носьбітаў розных моў. Этнакультурныя сэнсы як сетка каардынат улоўліваюць свет, захоўваюць памяць, культуру, вопыт народаў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/Е.С. Кубрякова. – Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
2. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы/рэд.: Г.А. Цыхун. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – Т. 1.
3. Виноградов, В.В. История слов/Режим доступа: <http://www.wordhist.ru>. – Дата доступа: 25.03.2014.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка

/Режим доступа: [http:// www. vasmer. slovaronline.com](http://www.vasmer.slovaronline.com). – Дата доступа: 28.03.2013.

5. Колесов, В.В. Жизнь происходит от слова... / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999.

6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. – М.–Л. : Изд-во Академии наук, 1965. – Т. 6.

7. Dictionary.com Unabridged Based on the Random House Dictionary, © Random House, Inc. 2013. – Mode of access: <http://www.worddictionary.reference.com>. – Date of access: 15.03.2014.

8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / рэдкал.: К.К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелЭн., 1983. – Т. 5.

9. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993.

Этногенез многоголосия и современная белорусская музыка

Н.В. Шиманский
shimans@tut.by
(Минск, Беларусь)

Представление об «этносах» с точки зрения «голосов» народов мира требует определения системы **вокализации** или **интонирования** как первичного и универсального фактора коммуникации всего живого. По данным современной нейрологии, музыкальное восприятие связано с более реликтовым правым полушарием в отличие от речи, управляемой более поздним левым полушарием. Это значит, что генетически вокализация глубже и стабильней, чем речь [1].

Рассматривая этногенез многоголосия, надо иметь в виду, что современная антропология относит белорусский этнос к западному расообразовательному стволу, в котором членораздельная речь появилась значительно позже (примерно на 300 000 лет), чем в восточном. Система вокализации в этом этносе основана на идее коллективной коммуникации, естественным выражением которой

становятся различные формы **первичного многоголосия** как явления, связанного с музыкой устной традицией.

Распространение совместного пения зафиксировано в ряде этнографических районов центральной и южной Беларуси, особенно на белорусском Полесье, где сложились высоко развитая культура традиционного стихийного пения.

Одна из главных особенностей многоголосия в белорусской музыке последней трети XX-го начале XXI-го века раскрывается в отношении к древнейшим формам фольклора, если их рассматривать типологически, то есть как определенные прообразы, скрывающие в себе некоторые логические структуры. Мы имеем в виду, прежде всего, вокализацию в унисонно-гетерофонной манере, «родственную строю речевой интонации полесских певцов» [2].

3. Можейко, исследуя песенную культуру полесского села Тонеж, указывает на следующие особенности этой мелодико-орнаментальной вокализации: *«интонационную весомость каждой мелодической детали», «тончайшую интонационную нюансировку в строго очерченных пределах традиционного звучания», «драматическую равнозначимость всех музыкальных выразительных средств: собственно мелодических (ладовых и ритмических), тембровых, орнаментальных и интонационно-оттеночных (глиссандо, «загуканні» и др.)»* [2, с. 110].

Еще более выразительны и конкретны в типологическом отношении замечания Л. Мухаринской. При гетерофонных отклонениях, по ее мнению, достигается «темпераментное выявление ритмики ... дробность цезур, частота подчеркнутых «атак» создают впечатление топота, приплясывания. Здесь уже нет места распевности, – гетерофония оказывается в подчинении у ритма. Вводимые певцами жестковато звучащие в одновременности секунды, кварты, двойные цепочные секунды играют роль своего рода «ударных инструментов», подчеркивая особенности ритмической структуры» [3, с. 95].

Другая особенность многоголосия с современной белорусской музыке связана с развитием идеи совместной вокализации на «галасы» с определенными функциями: «басаваць» и «падводзіць» [2, с. 150]. В отличие от унисонно-гетерофонного стиля она является отражением тенденции к мелодическому расцветиванию формульного напева, которое поручается наиболее зрелому певцу.

По словам З. Можейко, «орнаментика подводки вокальная по своей природе, акцентирующая по характеру и несоизмеримо-рубчатая по стилю» [2, с. 152].

Влияние обеих систем вокализации (унисонно-гетерофонной традиции и контрапунктического многоголосия с подводкой) проявилось в профессиональной практике 70-х годов в хоровых произведениях, близких по своей тематике фольклорной стилистике. В создании нового образа многоголосия, связанного с музыкой устной традиции, примечательна роль таких белорусских композиторов, как А. Мдивани и Л. Захлевный.

Одним из первых шагов на пути обновления системы многоголосного мышления был хоровой цикл А. Мдивани «Снапочак» (1976), в котором обнаруживается особая активность ритма взаимодействия голосов. Позднее, в хоровом цикле А. Мдивани «Янка Купала» (1981) происходит расширение тембрового спектра путем включения ритмо-интонаций, характерных для вокализации унисонно-гетерофонного типа.

Особого внимания заслуживает хоровой цикл Л. Захлевногo «Песні Паазер'я» (1988), в ряде номеров которого достигнута определенная достоверность в передаче «гетерофонического действия», развиваемого по законам «стиля неожиданностей». Прообразом этого «действия» в данном случае является древнейший тип литовского фольклора – сутартинес, обладающий свойствами унисонно-гетерофонного пения. Созданный автором живой образ интонирования, бытующего на белорусском Поозерье, самобытен не только по своим вокальным, но и речевым качествам.

Таким образом, феномен многоголосия неотъемлем от белорусского этноса; генетически он связан с идеей коллективного обнаружения музыки, что подтверждено в научном и практическом плане. В современной белорусской музыке доминирует субъективно-динамический подход к средствам музыкальной выразительности, обусловленный в значительной мере необходимостью осознать этногенез многоголосия.

В развитии белорусской музыкальной культуры на современном этапе обнаруживается действие закона рекапитуляции, т. е. установления соответствия между онтогенезом и филогенезом – соответственно, первичными (устными) и вторичными (письменными) формами многоголосия. Сфера первичного в этом

взаимодействии может расширяться путем привлечения архаических форм из других музыкальных этносов.

Имея в качестве прототипа высокоорганизованную систему музыкального фольклора, белорусская музыка имеет все основания для утверждения своей специфики в европейской музыкальной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жордания, И.М. Грузинское многоголосие в международном контексте многоголосных культур (к вопросу генезиса многоголосия) / И.М. Жордания. – Автореферат ...докт. диссертации. – Киев, 1991. – 21 с.

2. Можейко, З.Я. Песенная культура белорусского Полесья. Село Тонеж. / З.Я. Можейко ; под ред. Е. В. Гиппиус. – Мн., “Наука и техника”, 1971. – 264 с.

3. Мухаринская, Л. С. В поисках современного образа / Л.С. Мухаринская // “Советская музыка”, 1969. – №7. – С. 95-96.

Integrating Ethnic Culture Facebook Pages in EFL Instruction

Reima Al-Jarf
reemasado@msn.com
(Riyadh, Saudi Arabia)

Introduction

An ethnic group is a social group sharing a common and distinctive homeland, language (dialect), cultural heritage, ancestry, history, religion, food, costumes, literature, arts, sports, architecture...etc. An ethnic group can be large, consisting of hundreds of millions of individuals such as Arabs, Bengali and Han Chinese people. It can also be small consisting of few thousand individuals such as Native American Indians, Amish and Mennonite groups in the USA; Maoris in New Zealand or aborigines of Australia. It can be a minority within a larger society such as ethnic Chinese or Spanish people in San Francisco; Berbers (Amazigh), Turkmen, Chaldeans and Syriacs in Arab countries.

Culture and language, as Kuo & Lai (2006) indicated, are inseparable. To enhance students' linguistic development, instructional strategies for

teaching a second/foreign language through culture should be implemented. They added that culture must be incorporated outright, as an essential component of second language learning and teaching.

A review of the literature has revealed numerous studies that integrated several cultural elements (themes) in foreign/second language instruction using a variety of activities and technologies such as Rowan (2001), Paige, Cohen & Shively (2004), Yang (2006), Scarino, Crichton & Woods (2007), Schmidt (2008) and Sanchez (2009).

Since prior studies have not investigated the effect of integrating ethnic culture(s) and social networks in second/foreign language instruction, the present study presents a model for integrating ethnic culture Facebook pages in second/foreign language learning and teaching. The model aims to help develop college students' proficiency level in EFL/ESL, i.e. their listening, speaking, reading, writing and vocabulary skills; help them explore, understand, compare and contrast ethnic cultures or sub-cultures of interest to them; help them accept and respect diversity, develop a sense of pride in ethnic background, develop a liking for traditional and social activities of "my ethnic group"; and help them create a sense of belonging to a particular ethnic group or ethnic culture.

Materials and tasks

The instructor and his/her students can create an ethnic culture page on Facebook to share information and knowledge about a particular ethnic group, sub-groups or several ethnic groups within the same country or across several countries. They can use English to study several elements (themes) of the ethnic culture(s) under study such as language, religion, dance, music, architecture, food (cuisine), customs, art, children's literature, festivals, sports or costumes that differ from place to place within the country or across several countries.

Instructional Strategy with Facebook

The instructor sets goals for creating an ethnic cultural Facebook page, tells the students what they need to do and focus on, and gives pre-questions to help them focus on the cultural element (theme) they need to explore. EFL students should focus on a single theme of ethnic culture at a time (over one or two weeks). The cultural themes chosen should depend on the students' interests, degree of familiarity, difficulty level and complexity and students' proficiency level in English. The students can search for articles, pictures, podcasts or videos related to the cultural

theme under study on their own. Then post a summary, a picture or video related to the theme on the timeline. They should not copy and paste from the internet or any other source. They should not listen to a podcast, or watch a video passively without having to perform a task specified by the instructor. They should summarize what they read in their own words, state their opinions, compare and contrast different sub-cultures in relation to the cultural theme under study.

The students should be required to respond to, engage, participate, and be actively involved in the discussion and comments. The students discuss posts, answers to questions, summarize or retell content posted on the timeline orally in class.

To motivate students to post cultural information, photos, videos, and podcasts, each can keep a log of her/his contributions. The instructor can give extra credit and include the Facebook timeline content on tests.

During all instructional phases, the instructor serves as a facilitator. The students should not be left to work on their own and should not post any material or irrelevant information on the timeline that has nothing to do with the cultural theme. The instructor should support inquiries while interacting with the students and should encourage them to fully participate in learning. His/her guidance is crucial in facilitating use of Facebook to improve students' English language skills, background and vocabulary knowledge. S(he) encourages and models the skills and cultural themes that the students need to acquire or practice.

Conclusion

Introducing EFL students to different elements of ethnic culture, similarities and differences between the ethnic cultures of the country and an ethnic culture that exists in several regions is an indispensable part of second/foreign language teaching and learning. L2 instructors can exploit latest technologies and social networks in helping student develop their second language listening, speaking, reading, writing and vocabulary skills together with their ethnic cultural competence.

REFERENCES

- Kuo, M. & Lai, C. (2006). *Linguistics across cultures: the impact of culture on second language learning*. ERIC Document No. ED496079
- Paige, R., Cohen, A. & Shively, R. (2004). Assessing the impact of a strategies-based curriculum on language and culture learning abroad. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*, 10, 253-276.

Rowan, S. (2001). Delving deeper: Teaching culture as an integral element of second-language learning. *Clearing House*, 74(5), 238-41.

Sanchez, C. (2009). Learning about students' culture and language through family stories elicited by "dichos". *Early Childhood Education Journal*, 37(2), 161-169.

Scarino, A., Crichton, J. & Woods, M. (2007). The role of language and culture in open learning in international collaborative programmes. *Open Learning*, 22(3), 219-233.

Schmidt, J. (2008). Podcasts as a learning tool: German language and culture every day. *Unterrichtspraxis/Teaching German*, 41(2), 186-194.

Yang, H. C. (2006). The culture and language learning of Chinese festivals in a kindergarten classroom. *International Education Journal*, 7(7), 967-991.

Historical Flows as the Most Significant Influence of Evolution of Serbian Gastronomy

Bela Muhi, Dusan V. Jovanovic, Goran Ostojic
duda.jovanovic@gmail.com
(Novi Sad, Serbia)

Introduction

Serbia, one of the oldest European countries, is located in southeast Europe, mostly on the Balkan Peninsula. It also covers part of the rich, fertile Pannonian Plain drained by the Danube River in the north-east of the country. Serbia covers an area of 88.361 km². Official data shows that the population of Serbia is 7.186.862 people, excluding Kosovo and Metohija, a Serbian province which has been under temporary UN administration since 1999. Largest city and capital of Serbia is Belgrade, with 1.659.440 inhabitants (urban area). Major ethnic group are the Serbs (83.32%), followed by Hungarians (3.53%), Gypsies/Roma (2.05%), Bosniaks (2.02%) and 17 more ethnic minorities which consist of more than 2000 members each. Major religions are Christian Orthodox (84.59%), Roman Catholic (4.97%) and Islam (3.1%) (Statistics Republic Comitee of Serbia, 2013).

Discussion

Serbian history is one of the richest in Europe, starting more than one and a half thousand years ago. First Serbian states, created in sixth and seventh centuries, were united under Nemanjic dynasty in 12th century and flourished to become one of the leading European powers under the Emperor Stefan Dusan the Mighty, between 1331. and 1555. A.D. However, Ottoman expansion into Europe caught Serbia divided after Emperor Dusan's death, which allowed the Ottomans to finally take control of Serbia in 1459. Next three centuries saw Ottoman domination in Balkans. The 17th and 18th centuries saw several major Austro-Ottoman wars. During that time parts of Serbia were temporarily liberated from the Ottomans, but final liberation process started in 1804, when the First Serbian Uprising began. At the end of 19th century Serbia was a young, prosperous, sovereign kingdom, a Piedmont for other South Slavs. Eventually, after winning both First and Second Balkan wars and First World War, it formed the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in 1918, soon renamed the Kingdom of Yugoslavia. After the Second World War, a new Yugoslavia (Democratic Federal Yugoslavia) was formed by communist government and in 1945 fully succeeded the Kingdom of Yugoslavia. It was renamed two more times before it's breakup in 1992, and finally in 2006, after secession of Montenegro, the Republic of Serbia once again became a sovereign country (Demirovic et al, 2013).

Serbian cuisine is largely heterogeneous with heavy Mediterranean (Byzantine/Greek), Oriental (Turkish), and Hungarian influences. A number of foods, notably pickled fruits and jams, are made at home in Serbia. Accompaniments such as rakija (fruit brandy), slatko (fruit or rose petal preserves), jams, jellies, various pickled foods (notably, kiseli kupus, or sauerkraut), ajvar (eggplant and pepper relish), and even sausages are all homemade. Serbian cuisine is based on Slavic traditions with strong influences during centuries of domination by Rome, Byzantium, and Turkey. Neighbouring Balkan countries have also influenced food here. The many Christians frequently eat pork. Muslims do not consume pork. Usual foods are kajmak (clotted cream), sir and kačkavalj (sheep's milk cheeses), yogurts (from cow's milk and luxury kiselo mleko from sheep's milk), and slatko (syrupy fruit conserve), offered with water and Serbian (Turkish) coffee to the afternoon visitor (Brittin, 2011).

Vojvodina, Historical Province of Serbia, shares a border with Hungary and Romania and supplies most of Serbia's grain, sugar, beef, pork, and fresh-water fish. There, Austrian, Hungarian, German and Slovak influences in gastronomy are omnipresent.

After the Second World War in Yugoslavia industrialization of the state has been a priority, in order to raise the standard of living. Large investments were put in the food industry, and therefore in agriculture as a primary sector that is supposed to produce raw materials for further processing. This process significantly influenced the Serbian gastronomy, mostly by changing the population's needs for food. The largest part of population belonged to the working class with average incomes, living mostly in densely populated urban areas. As a result the consumption of finished food products and semi-finished agricultural products was constantly increasing. Also, due to the political trends of the time, there was mixing of five nations in one - Yugoslav, which looked up to the modern Western culture, trying to create its own. Under this influence, usually for purely commercial reasons, the Yugoslav gastronomy was created, which remains dominant in Serbia until the present day. It is characterized by large and energy-rich breakfast, consisting mostly of cured meat products, ready-made meals for lunch, and often dairy dinner. Brands of Yugoslavia's food industries managed to outlive the state itself, so that they remain popular in Serbia in twenty-first century (Kovacevic, Nikolic, 1999).

Conclusion

Serbian gastronomy is varied because of the turbulent historical events influencing the food and people, with each region having its own subtle peculiarities and differences in traditional dishes. In this paper an overview of the most significant historical periods in Serbia was given, which shows a close relation to changes that occurred in the development of Serbian gastronomy and which influenced its evolution in what it is today.

REFERENCES

1. Brittin, H. C. (2011). *The Food and Culture around the World*. Upper Saddle River, New Jersey, United States of America: Prentice Hall, Pearson Ltd.
2. Demirovic, D., Jovanovic, D.V., Bozovic, R.B. (2013). *Gastronomy as a cultural heritage in Relations with culture tourism*,

3. Kovacevic, A., Nikolic, M. (1999). *Usluge u ugostiteljstvu*, Meridian, Beograd, Serbia

4. Statistics Republic Comitee of Serbia. (2013, September 1). *Statistics of population of Serbia*. Retrieved from Republički Statistički Zavod

Srbije, <http://webrzs.stat.gov.rs/WebSite/public/PublicationView.aspx?pKey=41&pLevel=1&pubType=2&pubKey=1454>

ЧАСТКА I

ЭТНАЛОГИЯ І КУЛЬТУРАЛОГИЯ

Погребальный обряд белорусов в Сибири: влияние на сибирские традиции*

М.Л. Бережнова
berezh@ro.ru
(Омск, Россия)

Проблемы реконструкции форм традиционной культуры остро стоят перед современной наукой. При этом в малых этнических группах, оторванных от основной части своего народа, «места памяти» являются важным основанием для сохранения своей национальной и культурной идентичности. Для изучения культуры русских сибиряков погребальный обряд важен как один из наиболее архаичных и устойчивых, так как именно он может дать ценную информацию по процессам консолидации славян в Сибири в относительно единую общность.

Считается, что русский погребальный обряд в Сибири является результатом контаминации обрядов европейской России. При внешне однообразном ритуале похоронно-поминального цикла сибирские наблюдения над формой и размерами могил, могильных холмов, надгробных сооружений, планиграфии кладбищ являются крайне разнообразными и не могут быть объяснены исключительно русскими материалами. Работа по дальнейшему изучению обряда охватывает в настоящее время все славянские традиции, принесенные в Сибирь переселенцами разного времени.

В 1993–1994 гг. были собраны первые материалы по погребальному обряду белорусов, компактно проживавших в Муромцевском районе Омской области. Именно необычность кладбищ в Игоровке, Алексеевке и Поречье сделали насущными сбор информации о происхождении местных жителей. Особенности кладбищ в этих местах были необычные

* Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2357.

намогильные сооружения – так называемые «доски», т.е. обкладка намогильного холма досками, большие, чем на других кладбищах, размеры крестов, и особый тип поминальных полотенец («фартуки»), которые повязывали на намогильных памятниках.

В 2005 г. исследования были проведены в с. Атирка Тарского района Омской области, где также живут потомки переселенцев из Белоруссии. Но здесь были обнаружены только отдельные приметы белорусского кладбища – «доски» и увеличенные, по сравнению с другими местами, размеры намогильных сооружений. Зато на кладбище в Атирке были описаны так называемые «домики», которые мы идентифицировали с голбцами [1, с. 328–344]. На кладбищах соседних с Атиркой деревень, основанных также белорусами, были описаны кресты особой формы, не встречавшиеся автору нигде, кроме этих кладбищ. Но там не было ни голбцов, ни «фартуков».

Таким образом, были выявлены особенные черты не только «белорусских» кладбищ в целом, но и в сравнении их друг с другом. Мы объясняем эти различия тем, что современное белорусское население Омского Прииртышья является потомками переселенцев из разных белорусских губерний: Могилевской, Витебской, Минской и Виленской [3, с. 266].

При знакомстве с самим обрядом становится ясно, что он в целом не отличается вариантов, распространенных у русских Омского Прииртышья. Особым для этого региона является только упоминание информаторов с. Атирки о том, что сразу после смерти «кровь надо пустить», т.е. «живность какую зарезать. Лучше всего свинью, но если жалко или нет ее, то режут птицу» [2, п.о. 9, л. 10 об.]. К свойственным только белорусам обрядовым действиям можно отнести и поминки «дедов», которые в поселениях сибирских белорусов проводились в последнюю субботу перед 7 ноября, в субботу перед Масленицей, на Радуницу, перед Троицей, перед Великим и Рождественским постами [2, п.о. 1, л. 14; п.о. 3, л. 43 об.].

Белорусский погребальный обряд в Сибири включает большое число отличительных черт в сфере материальных компонентов. Обследованные нами кладбища в белорусских поселениях Омского Прииртышья располагаются на возвышенных местах, а захоронения или хотя бы часть их производят на склонах. Могилы на кладбище

копали только в день похорон, считается, что прежде их копали «прямыми», без уступов для укладки дощатого перекрытия (так называемых «полатей»), что было характерно для русских. Устойчивой белорусской традицией является оформление могильного холма конструкцией, которую называют «доски». При этом могильный холм формируют в виде правильного прямоугольника длиной более двух метров.

Наиболее распространенным надмогильным памятником является крест. На всех обследованных кладбищах встречались четырех-, шести- и восьмиконечные кресты. На кладбище д. Быган и на кладбище нежилой уже деревни Боровая зафиксированы кресты редкой формы: четырехконечные, на правом, левом и верхнем конце прикреплены маленькие четырехконечные крестики. Особенностью крестов на исследованных кладбищах является их большая высота: от 160 до 230 см.

Таким образом, погребальный обряд белорусов, как показывают приведенные выше сведения, далеко отстоит от нивелированного погребального обряда старожилов Омского Прииртышья. При этом белорусские материалы являются основанием для объяснения обрядов с птицей, следы которых фиксируются и в русских материалах. Только на белорусских кладбищах до наших дней сохранились «домики»-голубцы. «Доски» становятся довольно популярной конструкцией и на русских кладбищах, чаще они встречаются там, где живут потомки белорусских переселенцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, Г.С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. // Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского Университета. – Иркутск, 1923. – Вып. 5. – С. 261–345.
2. Материалы Русского отряда этнографической экспедиции ОмГУ 2005 г.
3. Новоселова, А.А. Потомки белорусских переселенцев в деревнях Нижнего и Среднего течения р. Тара // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.): Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2003. – С. 265–268.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

П.о. – полевая опись

Л. – лист

Кантактная этнаграфічная зона: рэгіён «Літвінскае прадпалессе»

П.Ю. Булаты

fotogrof_ne@mail.ru

(Мінск, Беларусь)

Этнічная гісторыя засялення тэрыторыі сучаснай Беларусі заўсёды прыцягвала ўвагу розных даследчыкаў. Нягледзячы на розныя падыходы да гэтай праблемы, варта адзначыць, што тэрыторыя Беларусі была месцам сутыкнення розных этнічных груп [1]. Можна меркаваць, што прыкладна да канца V стагоддзя нашай эры этнічны склад Беларусі ў поўнай ступені абнавіўся. На поўначы тэрыторыі рассяліліся балцкія плямёны, а на паўднёвым захадзе – славянскія. Наступны перыяд (ранняе сярэднявечча) характарызуецца паўсюдным рассяленнем славян і фарміраваннем усходнеславянскіх этнічных супольнасцяў. Менавіта яны склаліся ў выніку змешвання славян і балтаў. Этнічная тэрыторыя сучаснай Беларусі сфарміравалася ў познім сярэднявеччы. У гэты перыяд у склад беларускага этнасу ўліліся асобныя групы заходнеславянскага (польскага), балтскага (латыголы, прусы, яцвягі, жамойты і інш.) і цюркскага (татарскага) насельніцтва [2].

Апроч розных падыходаў да этнічнай гісторыі Беларусі існуюць і разнастайныя падыходы да этнаграфічнага раянавання. Аднак у класічным раянаванні (гісторыка-этнаграфічныя раёны В. С. Цітова, А.А. Смоліча, А. Г. Манакова і інш [3]) не надаецца асаблівай увагі так званым кантактным зонам – тэрыторыям, якія знаходзяцца на скрыжаванні розных этнаграфічных раёнаў.

Менавіта такой кантактнай зонай з'яўляецца рэгіён Літвінскае прадпалессе. Генезіс дадзенага тэрміна можна растлумачыць наступным чынам: літвінскі – частка гістарычнай Літвы [4], прадпалессе – рэгіён знаходзіцца перад Палессем (у адпаведнасці з

моўнымі нормамі, даданне да назоўніка, прыстаўкі прад- ўтварае розныя часціны мовы са значэннем становішча перад чым-небудзь альбо, наперадзе чаго-небудзь).

Тэрытарыяльна рэгіён знаходзіцца на паўночным усходзе Брэсцкай і паўднёвым захадзе Мінскай, паўднёвым усходзе Гродзенскай вобласці, у міжрэччы Шчары і Нёмана, уключаючы ў сябе наступныя сучасныя адміністрацыйныя раёны: Ляхавіцкі, Баранавіцкі, Нясвіжскі, Клецкі, Капыльскі і часткі Стаўбцоўскага і Слонімскага.

Перш за ўсё, Літвінскае прадпалесе гэта тэрыторыя, якая з'яўлялася памежнай паміж рассяленнем двух народаў – балтаў (плямёны Літвы і ятвягаў) і славян (дрыгавічы), з'яўляючыся тэрыторыяй іх кампактнага пражывання. Рэгіён Літвінскае прадпалесе з'яўляўся таксама плацдармам змешвання культур і ў больш позні час. У сярэднявеччы і «Новы час» у рэгіёне адбываўся сінтэз літвінскай (старабеларускай) і польскай культуры, які адбываўся пад уплывам самабытнай культуры Палесся. Польская культура ў рэгіён, як і на тэрыторыю Беларусі ў цэлым, прасочвалася праз каталіцкі касцёл і польскую школу, а таксама, разам з агульнай заходнееўрапейскай культурай, якая, перш чым патрапіць на землі Вялікага Княства Літоўскага, праходзіла праз Польшчу, прымаючы да сябе асаблівасці гэтага краю. Немалы ўплыў на рэгіён аказала і пражыванне ў ім прадстаўнікоў розных культур іншых нацыянальнасцяў і канфесій. Перш за ўсё, дадзеную тэрыторыю для свайго пражывання выбралі габрэі. Ва ўсіх прадпалескіх гарадах і мястэчках габрэі былі дамінуючай нацыяй. Значнай нацыянальнай групай у рэгіёне з'яўляліся татары, частка якіх рассяліліся ў рэгіёне ў часы вялікага князя Вітаўта, а іншая частка асела пасля паразы крымскіх татараў пад горадам Клецкім ў 1506 годзе. Пражывалі ў рэгіёне і цыганы, цэнтрам якіх з'яўлялася мястэчка Мір.

Акрамя сінтэзу нацыянальнага, Літвінскае прадпалесе з'яўляецца сінтэзам рэлігійным. Перш за ўсё, гэта адлюстравана ў архітэктурных помніках. У старажытных прадпалескіх гарадах знаходзіліся святыні шмат якіх рэлігій і канфесій: уніяцкія, праваслаўныя, каталіцкія, пратэстанцкія, іўдзейскія, магаметанскія храмы.

Адметнай рысай рэгіёну з'яўляецца мова, на якой размаўляе насельніцтва. Выкарыстоўваючы класіфікацыю беларускай мовы, вынікае, што мова рэгіёну належыць да Паўднёва-Заходняга дыялекту Гродзенска-Баранавіцкай групы гаворак, пры ўплыве Слуцкай групы гаворак пад уплывам польскай моўнай культуры і дыялекту палешукоў [5].

Унікальныя асаблівасці рэгіёну Літвінскае прадпалессе былі выяўлены падчас праведзенай у летні перыяд 2013 году экспедыцыі, калі вывучаліся народныя традыцыі, фальклор, побыт, помнікі нацыянальнай спадчыны: храмы і манастыры, помнікі драўлянага народнага дойлідства, палацы і сядзібы, былыя яўрэйскія мястэчк, а таксама месцы, звязаныя з гістарычнымі падзеямі і дзеячамі культуры.

Зыходзячы з вышэй сказанага, можна падсумаваць, што кантактныя зоны, якія знаходзяцца на стыку пазначаных раней тэрыторый, маюць свае характэрныя асаблівасці, ўтвараючы асобныя рэгіёны.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Загорульский, Э. М. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры до IX в. / Э. М. Загорульский. – Минск: БГУ, 1977.
2. Яротов, А. Е. Топонимика Беларуси: курс лекций / А. Е. Яротов. – Минск: БГУ, 2011. – 5 с.
3. Культурно-географические регионы Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.smalensk.org/?p=330> – Дата доступа: 21.10. 2013.
4. Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск: Беллітфонд, 2003.
5. Этнаграфія Беларусі. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1989.

«Жить надейся, а умирать готовься»: подготовка к смерти по материалам Одесского района Омской области

К.Ю. Гизиева
mart188@mail.ru
(Омск, Россия)

Материалы, характеризующие как погребальный обряд в целом, так и его отдельные стороны, могут служить одним из ценных историко-этнографических источников для решения ряда проблем этнической истории и культуругенеза изучаемого народа. В этом смысле исследование погребального обряда очень информативно и не уступает по информативности изучению ряда других тем: религиозных верований, фольклора, народного изобразительного искусства и т.д.

Источниковую базу данного исследования составили материалы, зафиксированные в ходе этнографической экспедиции 2013 г. Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского в ряд населенных пунктов Одесского района Омской области. Большинство сел района были основаны выходцами с Украины. История заселения территории нынешнего Одесского района начинается с 1906 г., когда первые переселенцы прибыли сюда из Екатеринославской, Полтавской и Херсонской губерний. Среди новых поселений образовалось и село Одесское, получившее свое название от выходцев из уездного города Одессы Херсонской губернии.

Сейчас организовать похороны самостоятельно очень сложно. Это отнимет много времени и сил. Поэтому люди, даже в деревнях, обращаются к помощи ритуальных служб. Похоронное бюро из райцентра может выехать в любое село для оказания услуг. Ритуальный агент может дать родственникам покойного советы по траурному убранству комнаты, в которой будет находиться умерший, расположению в ней гроба, портрета покойного, венков и цветов, драпировке зеркал и картин тканями, а также о предпочтительном стиле одежды на похоронах. Поэтому, по мнению информаторов, «в наше время главным приготовлением к смерти является сбор денежных средств» [1, л. 20].

Однако до сих пор можно встретить людей старшего поколения, которые еще помнят черты традиционных похорон.

Для глубоко верующего человека главным считалось подготовить себя к этому последнему жизненному шагу духовно, т.е. успеть сделать необходимые дела для спасения души. Богоугодными делами почитались раздача милостыни, вклады в церкви и монастыри. Очень боялись внезапной смерти («в одночасье»); в каждодневную молитву входили слова «Упаси, Господи, всякого человека умереть без покаяния». Умереть дома, среди близких, в полной памяти, по представлению русских, было «благодатью небесною» [2, с. 385–386].

В с. Лукьяновка Одесского района Омской области информаторы вспоминали, как умирающие родственники прощались с семьей и давали наказы. Выполнение наказов умирающего считалось обязательным. Для родных и окружающих очень важно было получить от него прощение за обиды когда-то, возможно, причиненные ему. «Кто-то просил за хозяйством приглядеть, кто-то детишек себе взять, отказывать нельзя было, не по христьянски, да и отказ несчастье принесет» [3, л. 7]

Готовясь к смертному часу, старые женщины загодя запасали «смертную одежду» и откладывали деньги на свои похороны, желая быть одетым как «положено» [4, с. 177]. По словам информаторов из с. Желанное Одесского района Омской области за несколько лет до смерти начинали собирать «посмертный узел – одежду в которой в гроб положат» [5, л. 7]. Эта одежда сохраняла старинный покрой, как правило, повторяла фасоны, давно вышедшие из быта. Старые люди тяготели к формам одежды своей молодости или своих родителей. Цвета выбирали светлых оттенков, ткань черного цвета применялась главным образом для верхней одежды.

При изготовлении погребальной одежды соблюдались особые технологические приемы: шить полагалось своими руками, соединяя цельные куски материала («без подставки») с помощью стежка вперед иголку. До конца одежду не дошивали, объясняя это тем, что «свободные края – проще на мертвого надевать», либо «дошьешь до конца, так и смерти ждать недолго, раз все готово» [6, л. 3].

Босыми не хоронили, в качестве обуви использовали белые тряпочные тапочки: «Обычную обувь с каблуками нельзя, а то

будет приходиться к живым и топотом пугать. Тапочки нужны чтобы ноги не мерзли, а белые потому, что нарядно, да и покойнику по дорогам больше не ходить» [7].

Еще одним обязательным атрибутом «посмертного узла» являлась подушка, которую клали в гроб под голову покойнику. Набивали ее ароматическими травами (березовыми листьями, полынью), сеном, деревянной стружкой. По углам подушки красными нитками вышивали крестики, символизирующие веру покойного.

В заключении хочется отметить, что сельский погребальный обряд был регламентирован традициями, сложившимися на основе традиций народной культуры и религиозных предписаний. Современные же нормы погребального обряда включают значительное преобразование традиций прошлого; на материальные компоненты обряда оказывают влияние новые материалы и технологии. Теперь его внешний вид зависит не от особенностей ритуала и не от представлений о том, что будет после смерти и не от культа предков, а от материальных возможностей каждого отдельного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. МЭЭ ОмГУ 2013 г. П.о. 3. Л. 20.
2. Бардина Г.Е. Указ. соч. – С. 385–386.
3. МЭЭ ОмГУ 2013 г. П.о. 3. Л. 7.
4. Фурсова, Е.Ф. Погребальная одежда старообрядцев Васюганья в XX в. как этнографический источник // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 170–181.
5. МЭЭ ОмГУ 2013 г. П.о. 3. Л. 7.
6. МЭЭ ОмГУ 2013 г. П.о. 1. Л. 3.
7. МЭЭ ОмГУ 2013 г. П.о. 1. Л. 9.

Сокращения

Л. – лист

МЭЭ ОмГУ – Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета

П.о. – полевая опись

ЭТНАЛОГИЯ І МУЗЫКАЛОГИЯ

Комплексный подход к проблеме народности музыкальных инструментов

Р.А. Смирных
guitarbaron@mail.ru
(Омск, Россия)

Поиски национальной самобытности, национальной идентификации в истории российского музыкознания не новы. На протяжении не только десятилетий, но и столетий, в музыкознании предпринимались попытки осознать природу русского музыкального искусства. В исследованиях, посвященных истории развития в России гитары, скрипки, арфы, фортепиано отмечается огромное значение русской народной музыки для формирования отечественной исполнительской и композиторской школ [1, с. 24].

К теме народности музыкальных инструментов обращается доктор искусствоведения музыковед М.И. Имханицкий. Предложенная им широкая трактовка термина «народный инструмент», основанная на понимании термина «народ» как многоэлементного, состоящего из трех составляющих – этнос, демос и социум, позволяет разрешать новые проблемы, встающие перед народно-инструментальным искусством.

Этническая идентификация является если не основной, то первоочередной, потому что любой инструмент мы, прежде всего, определяем не просто как народный, а народный определенного этноса: русский народный, украинский народный, казахский народный и так далее.

Основополагающий критерий – именно традиционность бытования в определенной этнической среде для выражения национального музыкального искусства» [2, с. 25–26]. Данный тезис М.И. Имханицкий развивает в новой книге «Музыка зарубежных композиторов для баяна и аккордеона», где на материале документальных источников убедительно показывает, что конструкция баяна как раз не создана в России. Но это не помешало баяну стать самобытным русским инструментом (так же,

как и не помешало баяну стать в Финляндии финским инструментом, в Норвегии – норвежским, а в Италии – итальянским).

Наиболее убедительную характеристику понятию «народный инструмент» дает исследователь-инструментовед И.В. Мациевский: «Народный музыкальный инструмент – это звуковое орудие, функционирующее как элемент определенной культурно-исторической системы. Орудие это используется как средство реализации явления, которое представляет собой в данной системе народную музыку» [3, с. 77]. Самое ценное в этом определении то, что народный инструмент рассматривается в контексте музыки. Ранее он рассматривался сам по себе – с точки зрения конструкции, внешнего вида, материала, способа изготовления и т.д. Именно традиционное функционирование инструмента для выражения специфической музыки, присущей только данному народу, делает этот инструмент в полной мере народным по этническому критерию [4].

Своеобразие песен и наигрышей, исполняемых на том или ином инструменте, обуславливает создание его конструктивных разновидностей, а также характерность способов игры. Подчеркнем, что некоторые образцы инструментария, такие как балалайка или гармонь, на протяжении ряда поколений получили очень широкое распространение в качестве средств выражения традиционной музыки не только среди русского, но также украинского и белорусского народов.

В отличие от этнической социальная часть понятия «народный инструмент» обуславливает как раз начало письменное, нотное. Человеку хочется выучить услышанную (на концерте, по радио, у знакомых, в домашнем кругу) мелодию. Для этого он покупает самоучитель или же идет в кружок. Он становится на другие рельсы: начинает играть по нотам. Так выстраивается явление, определяемое М.И. Имханицким как «многоступенчатая лестница»: народный инструмент становится важнейшим средством распространения музыкальной культуры в обществе путем непосредственного участия в самом исполнительском процессе.

Но социальный аспект в определении народности инструмента должен использоваться в комплексе с аспектом массовым, который необходим именно для уточнения основного, этнографического

критерия в определении термина. Ибо фольклорные инструменты разительно отличаются между собой по массовости распространения. Если музыкальное орудие бытует в живом народном обращении лишь в узколокальном регионе (к примеру, пастуший барабан) – его можно определить как редкий народный инструмент. А при традиционном бытовании на большей или даже всей территории страны в данной этнической и социокультурной среде – он может быть определен как массовый народный инструмент (например, гармонь).

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что народность музыкального инструмента – вопрос весьма дискуссионный. Нельзя его понимать только с одной точки зрения, это понятие многогранно и имеет, по крайней мере, три компонента – этнический, социальный и массовый. В широкой народной среде, равно как и в среде профессиональных музыкантов, тоже нет единства в толковании понятия «народность». Притом, единства во мнениях нет как в профессиональной среде музыкантов, так и в среде непрофессионалов-любителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Имханицкий, М.И. Сколь народны народные инструменты? // Народник [Москва]. – 1998. – № 1. – С. 24–31.
2. Имханицкий, М.И. Музыка зарубежных композиторов для баяна и аккордеона. Учебное пособие для музыкальных вузов и училищ. – М., 2004. – 276 с.
3. Мациевский, И.В. Современность и инструментальная музыка бесписьменной традиции // Современность и фольклор. – М., 1977. – С. 76–107.
4. Тишков, В.А. Этнос или этничность? // Валерий Тишков [Сайт]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html (дата обращения 11.02.2014 г.)

ЭТНАЛОГІЯ І ФІЛАЛОГІЯ

Месяц у народных прыкметах і павер'ях на Тураўшчыне

С.М. Аніськова
E-mail:chrisper@mail.ru
(Гомель, Беларусь)

Многія цікавыя асаблівасці традыцыйнага побыту і духоўнай культуры замшукоў (так называюць сябе жыхары Тураўшчыны) знайшлі свой адбітак у лексіцы мясцовай гаворкі. Гэта лексіка яшчэ добра захавалася ў памяці людзей, ужываецца ў зносінах. З аднаго боку, у ёй прадстаўлены лексікаграфічны фонд, які з'яўляецца агульным з іншымі гаворкамі, прыналежнымі да той жа дыялектнай сістэмы. З другога, сюды адносяцца ўласныя, характэрныя толькі для Тураўшчыны лексічныя набыткі, з'яўленне якіх абумоўлена або ўнутранымі семантыка-словаўтваральнымі перабудовамі і разгортваннем слоўнікавай сістэмы гаворкі, або ўзаемадзеяннем яе з суседнімі гаворкамі. Фіксуюцца тут і розныя структурна ізаляваныя лакалізмы.

Аб'ектам нашага даследавання з'яўляюцца назвы Месяца як астранамічнага цэла ў тураўскіх гаворках. Мэта даследавання—прааналізаваць акрэсленыя намінацыі паводле этнакультурных уласцівасцей. Для дасягнення мэты намі былі пастаўлены і вырашаны наступныя задачы: 1) вызначыць народна-дыялектны намінацыйны фонд для наймення Месяца і яго фаз; 2) акрэсліць важнейшыя накірункі сімвалізму адзначанага астраніма ў народных прыкметах і павер'ях, якія бытуюць на Тураўшчыне.

У якасці наймення Месяца як астранамічнага аб'екта фіксуецца з агульнапрынятым значэннем адзінка *месяц* (ТС, т. 3, с. 76): *Напугаўся месяц, будзе дождж* (прыкмета). *Хачэнь. Каб на мене месяц свеціў, а зоры я колом поб'ю.* Сямурадцы. *Месяц у кругу на негоду* (прымета). Аздамічы.

У народзе вельмі старанна прыкмячаецца час змены фаз месяца. Яны называюцца па-мясцоваму *квадрамі* (ТС, т. 2, с. 187). Але ўласна сялян цікавіць не астранамічны час чатырох відазмяненняў месяца, а толькі калі настае *малодзік* 'маладзік – месяц у першай квадрай' (ТС, т. 3, с. 87), *поўня, поўна* (ТС, т. 4, с. 202), *стары,*

старык (ТС, т. 5, с. 96). Апошняя квадра месяца на Тураўшчыне мае назву *сход, схода* (ТС, т. 5, с. 122). *Спусціў молодзік рогі, то будзе дождж, а як закруціць, то будзе погода* (прыкмета). *Молодзік молоды, тебе рог золоты, а мне здоруе ногі* (з замовы). *Усю роботу под поўню трэ почынаць*. Аздамічы. *Под поўню беруць дзеўку замуж, шоб поўно было* (прымета). Там жа. *Поўна, ек самы той месяц*. Луткі. *Як поўно, то б'юць кабан, а як молодзік, то молодэ, зогніе шкура* (прымета). У *старыку недобра сеяці*. Хотамель. *У старыку кабана колі, то сало будзе хорошэ*. М. Малешава.

Маладзік у выглядзе вузенькага сярпчка ўпершыню паказваецца на захадзе, праз 2-3 дні пасля астранамічнага часу першай квадры, паказваецца на ўсходзе перад самым світанкам. І калі хто з сялян не заўважыў, як настаў маладзік, то абавязкова аб гэтым спытае ў іншых; і многія з іх ведаюць правіла: калі пэўная фаза, напрыклад, *маладзік* або *стары* апошні раз паказаўся ў панядзелак, то наступны раз перацягне, г.зн. з'явіцца ў аўторак. Відаць, такая прыкмета заснавана на большасці выпадкаў, што квадра месяца, змяняючыся, перацягне на адзін дзень тыдня.

Невядома, чаму маладзік выклікае ў народзе нейкую глыбокую павагу да яго. Мабыць, акружаючае асяроддзе іўдзейства і каталіцтва аказала такі ўплыў на рэлігійнае шанаванне ў народзе маладзіка [1, с. 343]. Як толькі сяляне ўпершыню ўбачаць сярпок маладзіка, адразу хрысцяцца і вітаюць яго словамі: *Малады маладзічок, вялікі князь, паздраўляй нас, дай нам здароўе, спосаб і раду да жыцця, сабе на прыбытак, а нам на спасенне*.

Зрэшты, ад маладзіка народ заўсёды чакае атмасферных змен: або пагоды пасля дажду, або дажджоў пасля ветру. У апошнім выпадку ў народзе гавораць: *Маладзік абрадзіўся і ўмыўся або ахрысціўся*. Лічаць, што маладзіком добра вуліі ставіць, маўляў, пчолы збіраюцца, зноў, калі на трэці дзень маладзіка прышчапіць дрэўца, то на трэці год плады будуць. Перад поўняй нібы самы лепшы час садзіць птушак на седала, сеяць і садзіць у агародзе, высакаць лес на будынку, а галоўнае, хату закладваць, каб была, як кажуць, поўнай чашай. На старым – самае лепшае прымаць захады для знішчэння шкоднікаў (насякомых і чарвякоў на агародзе).

Такім чынам, аналіз фактычнага матэрыялу дазваляе зрабіць наступныя высновы:

1) Месяц займае важнае месца ў народных прыкметах і павер'ях жыхароў Тураўшчыны;

2) У асацыятыўным мысленні замшукоў сімвалізм маладзіка хутчэй станоўчы, чым адмоўны [2, с. 105];

3) Назіранне за Месяцам і яго фазамі мела не толькі сімвалічнае значэнне, а вызначалася прагматызмам, паколькі дазваляла арыентавацца ў часе па астранамічным календары, своечасова ўключацца ў цыкл земляробчых работ з улікам умоў надвор'я і біялагічных рытмаў [3, с. 232], абумоўленых уплывам самога спадарожніка Зямлі.

Умоўныя скарачэнні

ТС-Тураўскі слоўнік: у 5 т. /А.А. Крывіцкі [і інш.] – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987. – 5 т.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Земляробчы каляндар: абрады і звычаі / Уклад А.І. Гурскі.–2-е выд.–Мн. : Бел.навука, 203. – 429 с.

2. Коваль, У.І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы. /У.І. Коваль. – Гомель, 1995. – 180 с.

3. Крук, Я. Сімваліка беларускай народнай культуры /Я. Крук.– Мн. : Беларусь, 2011.– 430с.

Да пытання аб методыцы выяўлення нацыянальнай спецыфікі фразеалагічнай семантыкі

В.А. Арцёмава

e-mail: artimosha2008@rambler.ru

(Мінск, Беларусь)

У лінгвістычных даследаваннях разам з тэрмінам *супастаўляльная лінгвістыка* ўжываецца тэрмін *кантрастыўная лінгвістыка*. І.А. Сцернін разглядае *кантрастыўныку* як асобную галіну мовазнаўства, што даследуе толькі дзве мовы – родную і замежную. Параўнанне вядзецца ў напрамку ад адзінкі адной мовы да яе магчымых адпаведнікаў у іншай мове. Мэтай даследавання выступае «выяўленне адрозненняў у семантыцы і функцыях адзінкі

адной мовы ў параўнанні з яе магчымымі адпаведнікамі ў іншай мове. Галоўнае пры гэтым – устанаўленне адрозненняў, падабенствы выяўляюцца аўтаматычна» [1, с. 25]. Сам кантрастыўны аналіз складаецца з пяці этапаў.

Этап I. Вылучэнне тэматычнай групойкі фразеалагізмаў у зыходнай мове і мове супастаўлення.

Крок 1. Складанне спісу фразеалагізмаў у беларускай мове. Адбор фразеалагічных адзінак (ФА) ажыццяўляецца на аснове прынцыпу ідэнтыфікацыі па ключавых словах-«маркёрах» у слоўнікавых дэфініцыях ФА.

Крок 2. Складанне спісу фразеалагізмаў семантыкай у англійскай мове. З англійскіх фразеалагічных слоўнікаў метадам суцэльнай выбаркі выпісваюцца англійскія ФА.

Крок 3. Структурацыя фразеасемантычных палёў (ФСП) ў беларускай і англійскай мовах.

Этап II. Вызначэнне англійскіх міжмоўных адпаведнікаў асобных беларускіх ФА у межах кожнай фразеасемантычнай падгрупы. Важнай умовай для кантрастыўнага апісання фразеалогіі з’яўляецца колькасць адзінак супастаўлення. Пры такім падыходзе вылучаюцца тры тыпы.

1. *Лінейныя адпаведнікі* (суадносіны 1:1) – адзінцы зыходнай мовы адпавядае толькі адна адзінка мовы супастаўлення.

2. *Вектарныя адпаведнікі* (суадносіны 1:N) – адзінцы зыходнай мовы адпавядае некалькі адзінак мовы супастаўлення і наадварот. Вектарныя адпаведнікі бываюць двух тыпаў:

а) некалькі адзінак у беларускай мове – адна ў англійскай мове;

б) адной ФА ў беларускай мове адпавядае некалькі адзінак у англійскай.

3. *Адсутнасць фразеалагічнага адпаведніка* (суадносіны 1:0).

Крок 1. Выяўленне англійскіх слоўнікавых перакладных адпаведнікаў беларускіх ФА і пашырэнне спісу англійскіх ФА. На гэтым этапе кожная беларуская ФА правяраецца па двухмоўных слоўніках. Атрыманыя вынікі прадстаўляюцца спісам англамоўных адпаведнікаў кожнай беларускай ФА. Кожны англамоўны адпаведнік беларускай ФА правяраецца на наяўнасць у англамоўных аўтэнтчных лексікаграфічных даведніках з мэтай выключэння ФА, што не з’яўляюцца адзінкамі сістэмы англійскай мовы і выступаюць як аўтарскія эквіваленты.

Этап III. Кампанентны аналіз і апісанне значэнняў беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў метадам аналізу слоўнікавых дэфініцый.

Крок 1. Кампанентны аналіз беларускіх ФА у межах вылучаных фразеасемантычных падгруп метадам аналізу слоўнікавых дэфініцый.

Крок 2. Кампанентны аналіз англійскіх фразеалагізмаў у межах вылучаных фразеасемантычных падгруп метадам аналізу слоўнікавых дэфініцый.

Этап IV. Семантычнае апісанне кантрастыўных пар.

Крок 1. Фарміраванне кантрастыўных пар. *Кантрастыўная пара* – гэта дзве адзінкі моў, што параўноўваюцца і выступаюць як перакладныя адпаведнікі [1, с. 392] ці як міжмоўныя фразеалагічныя адпаведнікі. Лінейныя адпаведнікі фарміруюць адну кантрастыўную пару, вектарныя – некалькі. Безэквівалентныя ФА не фарміруюць кантрастыўных пар і апісваюцца як аднамоўныя наборы сем.

Крок 2. Семнае супастаўленне значэнняў кантрастыўных пар.

Этап V. Выяўленне нацыянальна-спецыфічных кампанентаў значэнняў беларускіх і англійскіх ФА. На гэтым этапе ў кожнай кантрастыўнай пары выяўляюцца і апісваюцца нацыянальна-спецыфічныя семы. Кожная пара сем, якія супастаўляюцца, атрымлівае наступную характарыстыку: 1) эквівалентныя семы, 2) семы, што не супадаюць, 3) безэквівалентныя семы, 4) лакунарныя семы. Апошнія тры тыпы сем сведчаць пра нацыянальную спецыфіку семантыкі ФА. Міжмоўныя адпаведнікі апісваюцца парамі, з пералікам толькі тых сем, што не супадаюць і выступаюць як нацыянальна-спецыфічныя.

Этап VI. Распрацоўка класіфікацыі міжмоўных беларуска-англійскіх фразеалагічных адпаведнікаў і вызначэнне паказчыкаў міжмоўнай эквівалентнасці і нацыянальнай спецыфікі.

Крок 1. Распрацоўка класіфікацыі беларускіх і англійскіх міжмоўных фразеалагічных адпаведнікаў з улікам формаў праявы нацыянальнай спецыфікі фразеалагічнай семантыкі. Беларускія і англійскія міжмоўныя фразеалагічныя эквіваленты размяркоўваюцца па наступных тыпах: поўныя фразеалагічныя эквіваленты, фразеалагічныя эквіваленты з вобразнай нацыянальнай спецыфікай, безэквівалентныя фразеалагізмы, праводзіцца іх падлік у кожнай фразеасемантычнай падгрупе.

Крок 2. Вызначэнне індэксаў міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці і нацыянальнай спецыфікі беларускіх фразеалагізмаў на фоне англійскіх. Ступень праявы нацыянальнай спецыфікі семантыкі беларускіх ФА з прасторавым значэннем на фоне англійскай мовы ў межах канкрэтных фразеасемантычных групак можа атрымаць колькасную ацэнку ў выглядзе індэксаў. Супастаўленне індэксаў нацыянальнай спецыфікі фразеасемантычных падгруп дазваляе выявіць падобныя беларускія і англійскія ўяўленні, што будуюцца на аднолькавых кагнітыўных прынцыпах, а на іх фоне – ідэаэтычныя асаблівасці моўнай рэпрэзентацыі з яркай нацыянальнай спецыфікай.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика : проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. – 288 с.

Апісанне народнага характару ў беларускай публіцыстыцы пачатку XX стагоддзя

І.А. Герасімчык
E-mail: herasimchyk@mail.ru
(Гродна, Беларусь)

Публіцыстычныя тэксты пачатку XX стагоддзя, прысвечаныя палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным праблемам беларускага грамадства, якое перажывала перыяд замацавання новых каштоўнасцей, даюць багаты фактычны матэрыял для вывучэння народнага характару, нацыянальных камунікацыйных паводзінаў і ладу мыслення. Тагачасныя беларускія перыёдыкі арыентуюцца на сваю – беларускую – аўдыторыю, вылучаючы асноўным фактар нацыянальны і не зважаючы на сацыяльны статус ці фінансавыя мажлівасці прадстаўнікоў этнічнай супольнасці. Супярэчліваць сацыякультурнай сітуацыі – выданне друкаванага слова ў *«неспагаднай, цёмнай і малакультурнай гушчы»* (Я. Лёсік. Чаму гэта так? ВВ, 1917) – вымагае і адпаведнай ролі журналіста,

які займае пазіцыю лідара, шукае спосабы пераадолець супярэчнасць.

Раскрываючы адметнасці беларускага характару, публіцысты адзначаюць як станоўчае, так і адмоўнае, акцэнтуюць увагу на наяўным і жаданым, вяртаюцца ў былое і прэзентуюць існае, акрэсліваюць біялагічнае і абумоўленае сацыяльна-гістарычнымі абставінамі. Станоўчае ў характары беларусаў выяўляецца як натуральнае, заўсёднае, правэранае часам: беларускі народ *вызначаецца сваім розумам і далікатнасцю* (Я. Лёсік. Родная мова і яе значэнне. ВБ, 1917), *мае багатыя духовыя воблік* (В. Ластоўскі. Уступны артыкул. Крывічанін, 1918), *дэмакратычны на сваёй прыродзе і ўжывучывы, босама натура, сама яго гісторыя сталеццямі гэтакім ужо выгадала* (Янка Купала. Незалежная дзяржава і яе народы. Б, 1919); *Народ наш спакон веку быў ціхі і лагодны. Ён не любіў ваяўніцтва і больш здольнасці мае да сахі на полі або да пяра на паперы* (Я. Лёсік. Вольная Беларусь. ВБ, 1917). Станоўчыя рысы беларусы выяўляюць у гістарычным сёння, як выяўлялі ў мінулым, у спрыяльных для развіцця абставінах: *Беларускі народ – гэта вялікі тварэц, бо сыны яго ў некалькі дзясяткаў год здалелі з нічога стварыць сваю літаратуру* (Ант. Навіна. Наш культурны стан. НД, 1921); *Беларускі народ у мінуўшчыні выявіў свае арганізацыйныя задаткі, стаўшыся кіраўнічым гасударственным элементом у ВКЛ* (І. Мелешка. Будаванне дзяржаўнага жыцця. Г, 1918).

Журналіст акцэнтуюе ўвагу на *моцы* беларускага народа, які *не апускае ўжо рук ад першай бяды* (а-н-а. На мяжы двух гадоў. НН, 1914) і *вызначаецца сваёю патэнцыяльнаю здатнасцю да культуры* (Я. Лёсік. Родная... ВБ, 1917). Як праблемнае адзначацца тое, што *многаспяхых у народзе схаваных сіл* (Г.В. Актывізм ці пасівізм. Г, 1918), бо *няма яму прастору, каб выявілася яго прыродная здатнасць і здольнасць* (Я. Лёсік. Родная... ВБ, 1917).

Спецыфічныя ўстойлівыя рысы характару, уласцівыя прадстаўнікам этнічнай супольнасці, падпадаюць і пад крытычны журналісцкі агляд: *народ, каторы не знайшоў яшчэ веры ў сябе* (Я. Купала. Чаму плача песня наша? НН, 1913); *народ з сваім фаталістычным на свет паглядам, выяўляе нягодны страх перад рызыкай* (Г.В. Актывізм... Г, 1918); *заўсёды пакорныя беларусы* (І. Мелешка. Сіла наша – у нас самых. Г, 1916).

Прывесці аўдыторыю да ўсведамлення праблемы, да жадання выправіць сітуацыю да найлепшага – вылечыцца ад хваробы – журналісты спрабуюць праз канстатаванне фактаў-заганаў: *На нястачу дзела хварэў і хварэе яшчэ беларускі народ. Пасівізм - няруханне, безулада - уеўся ў душу нашага народу. Ён проста ёсць яго найзвычайнейшай хваробай* (Г.В. Актывізм...Г, 1918). Прэзентацыя асаблівасцей нацыянальнага характару ад адмоўнага, як правіла, суправаджаецца імкненнем акрэсліць прычынна-выніковыя сувязі і мінімізаваць канфліктнасць. Прыпыненне пачуцця ўласнага гонару і ініцыятывы беларусаў вытлумачваецца доўгай палітычнай і эканамічнай залежнасцю ад чужынцаў, безупынным змаганнем з нядоляй сваёю: *Цэлыя вякі нявольніцтва не прайшлі для нашага народу дарма... Не прывык народ сам сабой камандаваць, сам думаць над тым, як палепшыць сваё жыццё* (Л. Гмырак. Яшчэ аб прыгоннай спадчыне. НН, 1913); *Валачэнне ярма чужога ўладарства на сваім набалелым карку ... затрымала на доўгія вякі наша культурнае і нацыянальнае развіццё* (Янка Купала. Ці маем мы права выракацца роднай мовы? НН, 1914).

Імкненне ўздзейнічаць на эмацыйны стан адрасата, пераадолець супярэчнасці, уласцівыя тагачаснай культурна-палітычнай сітуацыі, журналіст імкнецца і праз неаптымістычнае прагназаванне будучыні: *І калі не хочам загінуць, калі не хочам быць вечнымі рабамі, – павінны пакінуць мы блagую прывычку думаць, што нехта прыйдзе і выратуе нас з нашай бяды* (Янка Купала. Больш самачыннасці. Б, 1920).

Актыўная аўтарская пазіцыя, аптымістычны погляд на свет, вера ва ўласныя сілы і мажлівасці выяўляецца найперш праз заклікаваць, канструяванне мадальнасці неабходнасці і павіннасці: *Трэба больш адвагі і ініцыятывы! Трэба зусім звязці “прыгонную спадчыну” ў сябе - тады лягчэй будзе змагацца з ёю ўсюды* (Л. Гмырак. Яшчэ... НН, 1913); *Годзе плакаць!* (Я. Лёсік. Чаму... ВБ, 1917); *Дык больш самачыннасці, больш смеласці к будаванню свайго новага, незалежнага жыцця* (Янка Купала. Больш...Б, 1919).

Журналіст у сітуацыі негатыўнага ацэньвання найчасцей характарызуе паводзіны прадстаўнікоў нацыянальнай супольнасці як свае, выступае ад камунікацыйнага «мы»: *Цемра наша да жаху страшэнна густая і вялікая* (Я. Лёсік. Вольная... ВБ, 1917); *Цікавыя людзі мы – беларусы!* (Янка Купала. Больш... Б, 1919); *Мы,*

беларусы, дзякуючы ўсялякім гістарычным і палітычным безгалоўям нашай Бацькаўшчыны, вечно цягнуліся ў хвасце сваіх суседзяў (Янка Купала. Справа беларускага нацыянальнага гімна. Рунь, 1920). Пры адкрытым асуджэнні, з немагчымасці патлумачыць прычыны непрымальных паводзінаў і знайсці ім апраўданне журналіст размяжоўвае сябе і сваю аўдыторыю, адасабляецца ад яе: *Мы прывучыліся слухаць чужою каманды: чына з гузікамі, пана вяльможнага, - прывыклі цалаваць ім рукі і гнуць перад імі спіну да зямлі. І затым-та яны глядзяць на заўсёды пакорнага беларуса, як на раба, і да людзей, каторыя нават сваю мову вучыць спрабуюць, маюць толькі пагарду* (І. Мелешка. Сіла...Г, 1916). Настроенасць на кааперацыю, супрацоўе падмяняецца ў тэкставай прасторы канфрантацыйнымі тэндэнцыямі

Такім чынам, выяўленне ў журналісцкіх тэкстах пачатку ХХ стагоддзя адметных станоўчых і адмоўных рысаў у характары прадстаўнікоў нацыянальнай супольнасці абумоўлена найперш імкненнем змабілізаваць энергію народа, абудзіць нацыянальны гонар, каб вырвацца з гістарычнага замкнёнага кола і пераадолець сітуацыю «няшчаснай залежнасці».

Скарочаныя назвы перыядычных выданняў:

Б - *Беларусь*; ВБ – *Вольная Беларусь*; Г – *Нотан*; НД – *Наша думка*; НН – *Наша ніва*.

К вопросу об этнокультурном компоненте значения слова

О.А.Зинина

e-mail olgazinina@tut.by

(Минск, Беларусь)

Общечеловеческий опыт фиксируется в конкретных национальных языках, которые по-разному членят одни и те же отражения реального мира. В первую очередь, своеобразие этих картин отражено в лексической системе национального языка.

Изучение лексических единиц с точки зрения отражения в них национально-культурных особенностей дало возможность

исследователям выделить в их семантике особую социально-культурную сему или «культурный компонент».

Понятие «социально-культурный компонент значения» было введено американским учёным Ч. Фризом [1], а в отечественном языкознании термин «культурный компонент значения» впервые употреблён Н.Г. Комлевым, который подчеркивал, что «признавая наличие какого-то внутреннего содержания слова, т.е. факта, что слово-знак выражает нечто, кроме себя, мы обязаны признать наличие культурного компонента, зависимость семантики от культурной среды индивидуума [2, с.46].

Онтология культурного компонента определяется, с одной стороны, спецификой картины мира конкретной эпохи, конкретной цивилизации, конкретной социальной системы, конкретной национальной культуры, конкретной субкультуры, а с другой стороны – универсальностью общечеловеческих ценностей.

Лингвистический статус культурного компонента определяется тем, что именно фиксирует соответствующее слово – непосредственные понятия, категории и объекты культуры или культурные ассоциации, вызываемые означаемым и сопровождающие его. В первом случае культурный компонент соотносится с ядром значения, являясь его денотативным значением, например, *самовар*. Во втором случае он представляет собой коннотацию. В качестве примера можно привести лексическую единицу *harp*. В одном из фрагментов романа Дж. Джойса «Дублинцы» автор сравнивает себя с арфой: «*My body was like a harp*», «...*her words were running upon the wires of the harp*» [3, с. 87]. Для англичанина – это просто образное сравнение. Но для ирландца этот музыкальный инструмент является своего рода национальным символом, который изображен на гербе страны.

Различные культуры производят деление реального мира по-разному. Это касается, например, ситуации, когда одно и то же понятие по-разному – избыточно или недостаточно – словесно выражается в разных языках. Рассмотрим, например, способы выражения того факта внеязыковой реальности, который по-русски называется *палец*. Чтобы назвать этот предмет по-английски, необходимо уточнить, что имеется в виду, так как у англичан пальцы руки, кроме большого, называются *fingers*, *большой палец* - *thumb*, а *пальцы ноги* – *toes*. Русскому словосочетанию *десять*

пальцев эквивалентно английское *eight fingers and two thumbs* (восемь пальцев и два больших пальца), а *двадцать пальцев* – это *eight fingers, two thumbs, and ten toes* (восемь пальцев, два больших пальца на руках и десять пальцев на ногах).

Приведенные примеры свидетельствуют о разных потенциях языков в области номинации. Культурные понятия должны получить в языке достаточно компактные, удобные наименования. Если такие наименования в языке отсутствуют, то не возникает и самого понятия.

Помимо разницы в выражении одних и тех же понятий, наблюдается и разница в лексической сочетаемости слов. Она национальна в том смысле, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Специфика становится очевидной только при сопоставлении языков. Так, русские сочетания *высокая трава, крепкий чай, сильный дождь* по-английски звучат как *длинная трава (long grass), сильный чай (strong tea), тяжёлый дождь (heavy rain)*. По-русски рискуют не шеей (*to risk one's neck*), а головой, муха не стоит (*a fly stands on the ceiling*), а сидит на потолке, хлопают не в руки (*to clap hands*), а в ладоши.

Сопоставление языков с учётом культурного компонента вскрывает не только глубинные различия между тем, что стоит за словами в разных языках, но и между способами структурирования знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фриз, Ч. Значение и лингвострановедческий анализ словарей / Ч. Фриз. // Новое в лингвистике. Вып.4. – М : Иностранная литература, 1962. – С. 108–128.
2. Комлев, Н.Г. О культурном компоненте лексического значения слова / Н.Г. Комлев // Вестник МГУ. – №5. – Филология. – М : МГУ, 1966. – С. 45–51.
3. Joyce, J. *The Dubliners* / J. Joyce. – London : Harper Press, 2012. – 192 p.

Историко-этимологическое становление терминологии зубопротезных материалов

Л.С. Капитула, Н.К. Молош
nadeshda-molosch@yandex.ru
(Минск, Беларусь)

С давних времен и до наших дней наибольшие успехи в стоматологии достигались в те исторические периоды, когда создавались и внедрялись новые, более эффективные материалы. Задачей нашего исследования является описание эволюционного пути терминологии важнейших зубопротезных материалов на примере французской стоматологической лексики, отобранной из медицинского словаря [1] и учебной литературы по стоматологии на французском языке [2]. История и этимология перечисленных ниже терминов приводится по специальным словарям [3;4].

Согласно историческим данным, способ изготовления *золотых коронок* впервые описал в 1747 г. французский врач К.Мортон (*K.Morton*), а их французское название *couronne d'or* (*couronne*, от лат. *corona* – *коронка, корона*, из греч. *κορῶνη* – *венец, корона* + фр. *or*) появилось столетием позже – в 1846 году. В современной терминологии для обозначения *металлической зубной коронки с золотым напылением* употребляется заимствованное из английского языка терминологическое словосочетание *onlay d'or*, что значит «*incrustation d'or recouvrant plus ou moins la partie coronaire d'une dent...*», т.е. «*инкрустация золотом, покрывающая большую или меньшую часть коронки зуба*».

Старейшим зубопротезным материалом считается также *фарфор*, если учесть, что его прообраз был изготовлен и применен в конце XVI века на основе *белого коралла, порошкообразного жемчуга, каучука и воска*. Фарфор для изготовления зубов начали использовать в конце XVIII века. Несколько раньше французские этимологические словари фиксируют словосочетание *porcelaine dentaire* (1298, редко до 1523, от итал. *porcellana* – *раковина*) – *зубной фарфор*.

К наиболее распространенным зубопротезным материалам относятся различные *пластмассы* (фр. синонимичные названия:

matière plastique – пластмасса, *produit plastique* – пластическое изделие, *pâte plastique* – пластическая масса, *résine synthétique* – пластмасса). Первой самозатвердевающей термoplastмассой является метакриловый материал, который обозначается на французском языке терминологическим словосочетанием *matériel métacrylique* (фр. *matériel*, 1373, от лат. *materia* – вещь, материя; фр. *métacrylique* – это сложное слово: фр. *métal*, XII в. – металл, из греч. *metallon*, через лат. *metallum* + фр. *acrylique*, 1865, от лат. *acer* – острый, кислый, сильно пахнущий и греч. *huilê* – дерево (материал), древесина). В результате прогресса химической технологии, физики и других областей науки и техники в зубопротезную практику за последние десятилетия внедрены новые более совершенные пластмассы или фотополимеры – фр. *photopolymères* (от греч. *photos* – свет + фр. *polymère*, 1842, от греч. *polymērēs* – многообразный), которые, в отличие от термопластмасс, затвердевают под действием света.

Широко применяется также зубная керамика – фр. *céramique dentaire*. Появление французского термина датируется XIX веком. Существительное *céramique* восходит к греч. *keramikē* – гончарное искусство, от греч. *keramos* – глина. Подтверждает сказанное выше выдержка из медицинского словаря Г. и П. Беллиха: «*Un bridge sert à remplacer des dents absentes... est réalisé en metal ou recouvert de résine ou de céramique*», т.е. «Бридж служит для замены отсутствующих зубов... выполняется из чистого металла или покрытого пластмассой либо керамикой».

Кроме основных (базисных) материалов на различных стадиях изготовления протезов используются вспомогательные, т.е. оттисковые, моделировочные, формовочные материалы и легкоплавкие металлы, например: паста для слепков – фр. *pâte à empreintes* (фр. *empreinte*, 1265, от лат. *imprimere* – втиснуть); гипс – фр. *plâtre*, 1869 (от фр. *emplâtre* – пластырь) *ou gypse* и др. Оттисковые материалы появились в следующей хронологической последовательности:

1) *gypse*, 1250 (от греч. *gypsos*) – гипс (в стоматологии с 1844 года);

2) *gutta-percha*, 1845 (англ. *guttapercha*, от малайского *getah* – камедь, смола + *pertjah* – дерево, источающее смолу) – гуттаперча;

3) *stent's*, 1860 – термопластическое вещество для снятия слепков (по имени ученого Stent);

4) *matériel hydrocolloïdal*, 1925 (фр. *hydrocolloïdal* происходит от греч. *hydor* – вода + *kolla* – клей + *eidōs* – вид) – гидроколлоидный материал;

5) *matériel alginatique*, 1940 (фр. *alginatique*, от фр. *algie*, 1880 – боль, из греч. *algos*) – альгинатный материал;

6) *matériel polysulfidique*, 1954 (фр. *polysulfidique* происходит от греч. *polys* – многочисленный + лат. *sulfidum* – сульфид) – полисульфидный материал;

7) *matériel polyéthéré*, 1970 (фр. *polyéthéré* происходит от греч. *polys* – многочисленный + *aether* – эфир, букв. воздух) – полиэфирный материал.

Следует отметить, что с давних времен протезные приспособления крепились к соседним зубам ниткой, а начиная с XIV в. – с помощью специальной проволоки (чаще всего выполненной из золота) – *лигатуры* (фр. *ligature*, 1308, от лат. *ligatura* – перевязка). Французский хирург А.Паре в XVI веке использовал для закрепления изобретенного им obturатора (протеза для закрытия дефектов нёба) золотую пластинку – фр. *lame d'or* (фр. *lame*, 1112, от лат. *lamina* – пластинка). В середине XVIII в. французский врач К.Мортон применил золотые кламеры для укрепления зубных протезов – фр. *clamp d'or*. Французское слово *clamp* – зажим появилось в 1643 г. со значением «кусоч древесины, образующий накладку». В медицине термин *clamp* (от голл. *klamp* – зажим) используется с 1856 г. с тем же значением. Основатель французского зубоврачевания П.Фошар в XVIII веке начал укреплять зубные протезы при помощи цемента (фр. *cement*, 1573, от лат. *caementum* – 1) щебень, 2) песчанистый известняк с добавлением различных смесей (камеди, воска, легкоплавкого металла и др.). В настоящее время зубные коронки и мосты фиксируются с помощью фосфатцементов – фр. *phosphate-céments* (фр. *phosphate*, 1782, от греч. *phos* – свет + *pherein* – нести). Однако, несмотря на новейшие способы установки зубопротезных конструкций с помощью специальных цементов, фиксация их методом *лигатуры* применяется и в наши дни (этот метод более характерен для укрепления зубной дуги), о чем есть свидетельство в современном французском учебном пособии по стоматологии:

«*fixation d'un arc dentaire par ligature péri-dentaire*», т.е. «*фиксация зубной дуги с помощью околозубной лигатуры*».

Усовершенствование зубных протезов и материалов для их изготовления неизбежно ведет к образованию новых терминов, которые активно появляются в текущем столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bellicha, G. et P. Dictionnaire médical / G. et P. Bellicha. - Paris: Bordas, 1987. - 480 p.

2. Grellet, M. Thérapeutique stomatologique et maxillo-faciale / M. Grellet, P. Laudenbach. - Paris: Masson, 1985. - 185 p.

3. Dubois, J. Dictionnaire étymologique et historique du français / J. Dubois, H. Mitterand, A. Dauzat. - Paris: Larousse, 2007. - 893 p.

4. Robert, P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert. - Paris: Société du Nouveau Littre, 1979. - 2171 p.

Российские немцы в Томской области: критика современных лингвистических подходов и исследований

Ю.В. Кобенко
serpentis@list.ru
(Томск, Россия)

Общественная и научная дискуссия о жизни и судьбе немцев на постсоветском пространстве в настоящее время производит впечатление если не исчерпанной, то, во всяком случае, предельно неактуальной. Это объясняется, с одной стороны, экономико-политическими тенденциями последних двух десятилетий, недвусмысленно поставивших во главу угла в этнолингвистике такие макропроблемы, как американизация, политизация коммуникативных сред, креолизация, пиджинизация, образование и эволюция дискурсов и мн. др. Данные преобразования ещё раз доказывают превосходство социальной компоненты в эволюции языков и их изучении и предполагают практику преимущественно социолингвистического подхода к описанию симптоматических явлений. Этнолингвистическая плоскость становится тем самым не

только частным случаем исследования, претендующим не более чем на решение отдельной, главным образом сопутствующей задачи, но и представляется целиком зависимой от социолингвистического контекста рассуждений. Безусловно, наука не должна ограничивать себя задачами авангардистского толка, ведь немалую роль в понимании социального в языке сыграли именно дисциплины интралингвистического уклона, среди которых заслуживают упоминания этногерменевтика, диалектология, лексикология и пр. Однако наука и не вправе возводить в традицию и без того каноническое отставание от динамики социо- и этногенеза, известное по состоянию социолингвистических, лексикографических, ортологических и др. исследований. Усугубляет ситуацию появление в лингвистике молодых направлений, обнаруживающих обильное и неподтверждённое реальным научным запросом количество кандидатских и докторских диссертаций с модными терминами «концепт», «дискурс» с довольно размытыми выводами и совершенно нулевой аппликативностью для дальнейшей исследовательской практики.

Ещё более соблазнительными стали так называемые исследования в области ареальной лингвистики на материале языковых форм российских немцев. Электронный каталог веб-сайта dissercat.com изобилует названиями с синтаксической схемой «Концепт «...» в ... дискурсе российских немцев (населённого пункта)». Авторы данных произведений используют в качестве материальной базы, якобы, собранные ими во время экспедиций образцы прецедентных текстов информантов и выдают семантический анализ данных речевых продуктов за научную новизну. Подобное можно встретить и в практике изучения исчезающих языков (специальность ВАК РФ 10.02.02 – языки народов Российской Федерации), где ставка делается на неосведомлённость экспертных комиссий и членов диссертационных советов и незнание ими реальной фактологии.

К сожалению, написание статей, посвящённых критике таких диссертаций, не сможет полностью искоренить указанную проблему в обозримом будущем. Необходима объёмная, широкомасштабная дискуссия межрегионального, а возможно, и межгосударственного характера, стороны которой будут оперировать естественным средством научного поиска –

обоснованным сомнением. На данный момент задачей предлагаемой статьи является обоснование такого сомнения в пункте достоверности и выверенности полученных результатов – параметре диссертационного исследования, ставшим для ряда современных учёных обычной формальностью.

Чтобы продемонстрировать, как минимум, небезосновательность доводов, будут приведены результаты *деперсонифицированных* исследований, выполненных на материале языковых форм российских немцев Томской области. В 2013 году к предзащите в одном из вузов города Томска были представлены сразу две диссертации с указанной синтаксической схемой. Диссертанты заявляли исследование «ключевых концептов» в концептосфере российских немцев, представленных концептами «Familie» и «Heimat»; декларировали в качестве материальной базы аудиокорпус собранных в экспедициях текстов объёмом более 20 часов исключительно немецкой диалектной речи и претендовали на специальность 10.02.04 – германские языки (в номенклатуре ВАК РФ).

На первый взгляд, валидность таких базовых параметров диссертационной работы, как объект, предмет, корпус материалов, не вызывает сомнения. Однако приведённые формулировки, как показывает фактический материал, рассчитаны на непосвящённых.

Во-первых, по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. российские немцы, проживающие в Томской области, составляют менее 1% (т.е. 0,9%) населения (8 687 человек) [3]. Согласно данным статьи В.М. Кресса «Томская область и Германия» (2006), размещённой на сайте Администрации Томской области, «в подавляющем большинстве это люди без знания языка их исторической родины, просто рождённые с немецкой фамилией и ни разу не слышавшие немецкую речь. Если и есть говорящие, то это исключительно пожилые люди с плохой речью вообще, переселенцы из бывшей Поволжской республики (*АССРНП – комментарий наши*), расформированной в 1941 г., где они и родились, и высланные в Сибирь» [2]. Следует подчеркнуть, бывший губернатор Томской области В.М. Кресс, будучи российским немцем, сам прибегал к услугам германистов-переводчиков при подготовке к «Германо-российским правительственным консультациям» в 2006 г. В реальности

немецкий металект (с различными лингвистическими возможностями интерпретации) используется этническими немцами на встречах с другими представителями своего этноса и исключительно с дискурсивной рамкой «язык предков». Это могут быть творческие вечера, на которых исполняются старинные немецкие песни и шванки, кстати, уже практически неизвестные в самой Германии, читаются пассажи катехизиса и библии или другие письменные источники. Однако такую форму «владения» нельзя считать диалектной и, следовательно, представляющей какой-либо научный интерес. Здесь речь идёт об использовании немецкого литературного языка (главным образом ФРГ) российскими немцами, и все рассуждения о «концептах» автоматическими лишаются смысла.

Во-вторых, даже если ставка делается на так называемых «бабушек» – слово, ставшее термином в немецкой островной диалектологии именно благодаря критикуемым работам, – то исследователь, если он добросовестный, должен признаваться себе в том, что информанты – в лучшем случае билингвы, так как выросли и всю жизнь прожили в СССР и/или России. При этом эта особая форма билингвизма, обозначаемая в социолингвистике добавочной (аддитивной), т.е. при которой иностранный компонент языковой ситуации, будь он хоть родным языком, дополняет базовый экспонент – русский, на котором поголовно говорят этнические немцы, – и никоим образом не выступает для него фундаментом на первично русскоязычной территории. Оба указанных довода доказывают, что речь информантов в современном её варианте – не может быть чисто немецкой и её нельзя безоговорочно использовать не то чтобы для исследования так называемых «базовых» концептов, но и в качестве материальной базы для работы в области германского языкознания. К тому же изучение концептосферы, тем более в ситуации аддитивного билингвизма с русским языком, предполагает номенклатуру специальности ВАК 10.02.19 – теория языка.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что отправной точкой исследования всех ныне существующих языковых форм российских немцев, в том числе и в Томской области, стала докторская диссертация *Андрея Петровича Дульзона* «Проблема смешения диалектов по материалам говоров села Прайс» (1939), выдающегося

исследователя языков и культур Сибири, внесшего значительный вклад в мировое языкознание. А.П. Дульзон исследовал унифицированный говор выходцев из 129 различных населённых пунктов Германии, проживавших до высылки в Томск в Поволжской республике. Вот, что пишет в своей монографии «Томская лингвистическая школа А.П. Дульзона» биограф Андрея Петровича Т.В. Галкина: «Анализируя процесс образования немецкоязычного говора, учёный выделил факторы, имеющие решающее значение для направления этого процесса, и основные случаи образования немецкоязычного говора, за что получил высокую оценку языковеда В.М. Жирмунского» [1, с. 40–47]. Однако, как можно видеть по списку литературы, современные учёные не только не упоминают труд А.П. Дульзона, но и охотно присваивают себе «родоначальство» в исследовании «концептов бабушек», изрядно украшая пункт научной новизны во введении своих работ словом «впервые». Помимо этого, диссертанты активно упражняются в словотворчестве, вводя в аппарат неизвестные и сомнительные понятия «ключевой концепт», «базовый концепт», «народный концепт» и т.п. Складывается впечатление, что в основном континууме (в ФРГ) концепты «не народные» и «не базовые», что «базовые концепты» можно изучать исключительно через речь российских немцев и что существуют «ключевые концепты» к пониманию чего-то такого, о чём совершенно умолчал А.П. Дульзон в своём фундаментальном труде.

В-четвёртых, изучение текстов диалектоносителей, если допустить наличие немецких диалектов в Томской области, вероятность чего на основании вышеизложенных фактов ничтожна, ещё не делает автора работы лингвистом. Якоб и Вильгельм Гримм, сделавшие для немецкого языка и культуры несравнимо больше всех современных учёных вместе взятых, остались в истории немецкого языка простыми фольклористами. Как видно, собирание и записывание текстов «бабушек» с выведениями определённых «концептов» «учёности» не прибавляет.

Так что же конституирует учёного, способного написать труд, востребованный, обладающий научной новизной, теоретической значимостью и достоверностью полученных данных? И какие подходы и исследования сегодня нужны, чтобы с пользой для науки и общества, – а следовательно, и для себя, – отслеживать динамику

функционирования языковых форм российских немцев в Томской области?

Безусловно, основным и незаменимым качеством следует признать исследовательское мужество. Это и есть главный научный подход к подавляющему количеству насущных и осязаемых проблем в современном языкознании, крохотная часть которых была приведена в начале статьи. Именно исследовательское мужество, противопоставленное оппортунизму и поиску личной выгоды (прибавка за степень), позволяет признать всяческое исследование языковых форм немецкой речи в Томской области (да и на всём постсоветском пространстве) сегодня изначально неактуальным. В социолингвистике существует правило, согласно которому непопулярные формы языка (около или менее 1% *говорящего(!)* населения) не могут считаться компонентами языковой ситуации, безусловно, в силу гибридизации и обязательного наличия билингвизма с титульным языком (ср. статистику Роскомстата выше). Мировая лингвистика более 10 лет назад признала факт языковой смерти немецких островных зон в России, Украине, Казахстане, Пенсильвании, Австралии, Южной Африки и т.д. [4], так что использовать динамику угасания следует преимущественно для характеристики текущей языковой ситуации. Описание последней в районе проживания этнических меньшинств делает исследование прозрачным и честным, открывает дополнительные перспективы для анализа других языковых ситуаций в пределах более крупных административно-территориальных формаций или коммуникативных сред. Выводы, полученные в ходе таких исследований, могут быть использованы при составлении этнографических справочников и карт, для лексикографической литературы, получения статистической информации и историографических данных. Учитывая существенный вклад российских немцев в развитие Томска и Томской области, исследование этнолингвистических характеристик их быта на сибирской земле необходимо осуществлять с должной тщательностью и ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкина, Т.В. Томская лингвистическая школа А.П. Дульзона. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2003. – 320 с.

2. Кресс, В.М. Томская область и Германия // Tomsker Gebiet: сайт администрации Томской области. 2006. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tomskegebiet.ru/ru/stat1.html> (дата обращения 16.12.2007).

3. Роскомстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения 04.02.2014).

4. Mattheier, K.J. Sprachinseltod: Überlegungen zur Entwicklungsdynamik von Sprachinseln // Deutsche Sprachinseln weltweit: interne und externe Perspektiven / Hrsg. v. Keel W. D., Mattheier K. J. – Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2003. – 325 S.

«Параметральное изменение» и «превращение» в языковой картине мира англоговорящего сообщества

Е.С. Ляшенко

E-mail: liolik@list.ru

(Минск, Беларусь)

Когнитивный подход к исследованию семантического пространства языка связан с проблемами представления знаний языковыми формами. Он направлен на понимание познавательной деятельности человека, а также выявление особенностей языковой картины мира определенного языкового сообщества. Понятие «языковая картина мира» (ЯКМ) возникло в языкознании еще в XIX веке и с тех пор затрагивалось, развивалось, обосновывалось различными лингвистами и школами. Особое место в разработке данной проблематики занимают все семантические изыскания А. Вежбицкой. К современным собственно лингвистическим работам по языковой картине мира относятся теории Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Яковлевой, Анны А. Зализняк, В.И. Постоваловой, И.Б. Левонтиной, Т.В. Бульгиной, А.Д. Шмелева, Е.В. Урысон, В.Н. Телия, С.Е. Никитиной, В.А. Масловой и т.д.

Так, в исследованиях, проводимых с позиций когнитивной лингвистики, ЯКМ рассматривается как: 1) «совокупность знаний о

мире, запечатленных в языке» [1, с. 55]; 2) «совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка» [2, с. 12]; 3) «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого, <...> своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, совокупность обозначений, влияющая на членение опыта и видение ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, <...> это проекция концептуальной системы нашего сознания» [3, с. 64–65]. Иными словами, следствием взаимодействия человека с окружающей действительностью является моделирование «облика» объективного мира, его картины в сознании, которое в дальнейшем формализует ментальные когнитивные схемы средствами языка, т.е. именно язык передает результаты постижения мира человеком.

В данной работе представляется фрагмент исследования, связанный с рассмотрением основного содержания понятий параметрального изменения и превращения в английской языковой картине мира. Так, параметральное изменение, или «модификация» (О.В. Фурер) представляет внутрикатегориальное изменение, т.е. изменение определенного качественного параметра, при котором сохраняются сущностные характеристики объекта. Иными словами, в результате данного процесса объект не утрачивает тождество самому себе, а лишь меняет свою разновидность. В словарных дефинициях толковых словарей модификация ('modification') определяется как незначительное изменение, внесенное во что-то типа проекта, плана или системы ('a small change made in something such as design, plan or system' [134, с. 918]).

В свою очередь, превращение в языковой картине мира трактуется как некий неожиданный и самопроизвольный процесс, поскольку составляющая его последовательность изменений, причинно-следственные связи и условия их осуществления остаются вне фокуса внимания. Оно обозначает изменение сущностных признаков объекта, в результате которого исходный объект приобретает новую форму существования, переходит в иное качество. Содержательный минимум понятия «превращение», выявленный на основании анализа словарных дефиниций и инкорпорирующий базовые компоненты толкования, определяется

как процесс, в результате которого что-то полностью изменяется и становится совсем другим ('a process in which something changes completely into something very different' [134, с. 897]). Содержательный минимум уточняется в нескольких направлениях, включающих, например, переход живых организмов (насекомых, земноводных и т.д.) в другую стадию развития; изменение бактериальной клетки; превращение одного вещества в другое; изменение в атомном ядре; превращение одного предмета в другой посредством магических сил.

Сущностное отличие параметрального изменения от превращения обуславливает выбор глаголов для языковой репрезентации данных типов изменения. Для именования процессов, вследствие которых исходный объект сохраняет тождество самому себе, происходит лишь изменение какого-либо параметра, используются глаголы типа *adapt*, *adjust*, *amend*, *modify*, *tweak* и т.д. Для именования процессов, вследствие которых объект приобретает радикально новый статус, употребляются глаголы типа *convert*, *metamorphose*, *revolutionize*, *transform*, *transmogrify* и т.д.

Таким образом, ключевое различие между параметральным изменением и превращением заложено в степени интенсивности протекания процесса, в сохранении или утрате объектом изменения тождества самому себе в результате этого изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ракитина, С.В. Методологические основы когнитивно-дискурсивного исследования научного текста / С.В. Ракитина // Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты : монография / С.В. Ракитина. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – Гл.1. – С.13 – 119.
2. Попова, З.Д. Язык и национальность / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 60 с.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.
4. Longman Dictionary of Contemporary English – Third Ed. – Harlow, Essex: Longman: Corpus, 2001 – 1668 p.: ill. + Appendix: 22 p.

Нацыянальна-культурны аспект даследавання англійскіх і беларускіх фразеалагічных адзінак

М.В. Макарыч
2348843@tut.by
(Мінск, Беларусь)

Фразеалогія – гэта галіна, у якой найбольш ярка выяўляецца нацыянальна-культурная сваеасаблівасць моўнай семантыкі. Фразеалагічныя адзінкі ўяўляюць сабой нацыянальна-спецыфічныя адзінкі мовы, якія акумуляюць культурны патэнцыял народа. Менавіта фразеалагізмы надаюць носьбітам мовы асабістае бачанне свету і штодзённых сітуацый, з дапамогай якіх чалавек далучаецца да культуры, духоўнасці і маралі свайго народу.

Розныя моўныя згуртаванні карыстаюцца рознымі інструментамі канцэптаўтварэння і ствараюць розныя моўныя мадэлі свету, якія, па сутнасці, з’яўляюцца асновай нацыянальных культур. Моўная мадэль свету (ММС) з’яўляецца адным са спосабаў структуравання ведаў аб аб’ектыўнай рэчаіснасці. Апісанне структуры ММС мае на ўвазе два ўзроўні: першы ўлічвае агульначалавечы сэнсавы кампанент зместу, другі – характарызуе асаблівасці нацыянальнай мовы з улікам умацавання досведу пазнання свету азначанай этнакультурнай супольнасцю. Гэта відавочна адлюстроўваецца ў мове, перш за ўсё ў яе лексічнай і лексіка-фразеалагічнай сістэме. Напрыклад:

All are tarred with the same brush. – *Аднаго поля ягада.*

Every bird likes its own nest. – *На чужыне і камар загіне.*

Truth filters through stone. – *Праўда з дна мора выносіць.*

Такім чынам, прыведзеныя фразеалагічныя адзінкі адлюстроўваюць падабенства светапоглядаў англійскага і беларускага народаў. Існуюць нават поўныя эквіваленты, дзе беларускія фразеалагізмы супадаюць з англійскімі па значэнні, па лексічным складзе, вобразнасці, стылістычнай маркіраванасці і граматычнай структуры. Напрыклад:

Rest on one’s laurels. – *Спачываць на лаўрах.*

Measure seven times, cut one. – *Сем разоў адмерай, адзін раз адрэж.*

The salt of the earth. – Соль зямлі.

Нацыянальная сваеасабліваць успрымання свету той ці іншай лінгвакультурнай супольнасцю звязана з ладам жыцця і псіхалогіяй народа, што знаходзіць сваё адлюстраванне ў мове. Такім чынам, нацыянальная адметнасць беларускіх фразеалагічных адзінак грунтуецца на нашай нацыянальна-культурнай спецыфічнасці. Як сведчыць выбарка, беларуская культура – гэта культура працоўнага народа. З гэтай нагоды шмат фразеалагізмаў заснаваныя на параўнанні з працоўнымі паводзінамі ў галіне сельскай гаспадаркі. Напрыклад:

І баран бы касіў, каб хто касу насіў.

Цераз сіду і конь не цягне.

Кабыла здыхае, а траву хапае.

Разнастайнасць географічных асаблівацяў Беларусі таксама адлюстраваная ў асобных фразеалагічных выразках:

Кожны кулік сваё балота хваліць.

Лес усё чуе, а поле ўсё бачыць.

Калі заб'еш бабра, то не будзе табе дабра.

Беларусам уласцівая сціпласць, цярпліваць і дабрыня. Яны шануюць сваё непакіснае малое шчасце, дзе грошы не з'яўляюцца асновай дабрабыту.

Бог дасць дзень, Бог дасць харч.

Не ўздыхай, чаго няма, то няхай.

Лети сініца ў руцэ, чым жораў у небе.

Ёсць хлеб – ядзім, а няма – глядзім.

Зусім іншая нацыянальная самаідэнтыфікацыя англічаніна, ён цярплівы і працавіты, аднак імкнецца да паляпшэння свайго дабрабыту праз пэўную колькасць грошай:

Money opens all doors. (Грошы адчыняюць усе дзверы).

Money has no smell. (Грошы не пахнуць).

A rich man's joke is always funny. (Жарт багатага чалавека заўсёды смешны).

A thief passes for a gentleman when stealing has made him rich. (Злодзей можа сысці за джэнтльмена, калі атрымае грошы).

Нават каханне не можа існаваць у адсутнасці матэрыяльнай базы: *When poverty comes in at the door love flies out at the window. (Калі беднасць уваходзіць у дзверы, каханне вылятае праз вокны).* У

супрацьлегласць беларускаму фразеалагізму: *З любым рай і ў будане. За грошы шчасця не купіш.*

Але годнасць і духоўная павязь чалавека са сваімі каранямі ўласцівыя абодвум народам і ўвасабляюцца ў наступных фразеалагічных адзінках:

He that hath (=has) an ill name is half hanged. – Круцельствам свет пройдзеш, а назад не вернешся.

Old oxen have stiff horns. – Сівізна не ўкарызна.

An old ox makes a straight furrow. – Стары вол баразны не псуе.

If you wish good advice ask an old man. – Стары кажа за глум, а малады бярэ на вум.

Падабенства тэматычнага складу фразеалагічных адзінак таксама злучаецца і з жаданнем чалавека выразна зазначыць сваё стаўленне да падзей, якія адбываюцца ў свеце. У разуменні людзей жывы водгук знаходзіць усё тое, што адбываецца ў грамадскім і палітычным жыцці:

Clothes do not make the man. – Кароль жа голы.

Like priest, like people. – Караля робіць акружэнне.

There is more than one Jack at the fair. – Не адзін Гаўрыла ў Полацку.

He knows the water well who has waded through it. – За ваяводам гоўжым усё зможам.

Такім чынам, англійскія і беларускія фразеалагічныя адзінкі маюць сваю асаблівую нацыянальную спецыфіку. З'яўляючыся фрагментам ММС, яны перадаюць матэрыяльную і духоўную спадчыну народа. У выніку параўнання відавочна, што беларуская і англійская ММС часткова супадаюць, аднак у большай ступені яны адрозніваюцца.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. / І.Я. Лепешаў – Мн. : Бел Эн, 2008. – 968 с.

2. Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.

3. English Proverb Dictionary [Electronic resource] – Mode of access: <http://ebookbrowsee.net/en/english-proverb-dictionary> – Date of access: 17.02.2014

Канвенцыянальнасць маўлення як элемент культуры

Н.П. Мартысюк

natela.martyssiuk@yandex.ru

(Мінск, Беларусь)

Мэты даследавання семантыкі атрыманага паведамлення патрабуюць разгляду канвенцыянальнасці прынятых у грамадстве правілаў фарміравання абумоўленых сітуацыяй маўленчых паводзін, а праз яе – спецыфікі нацыянальна-культурнага кампанента як экстралінгвістычнай адзінкі, якая праймае ўсю мову, ўсе яе праявы. Але пры аналізе камунікатыўных паводзін вельмі складана адразу “ўхапіць канвенцыянальнасць”, што звязана не толькі з нацыянальнымі асаблівасцямі маўлення, але і з фактарам сацыяльнага ладу грамадства, з сістэмай звычак і каштоўнасцяў, выпрацаваных у ім, яго гісторыяй і культурай.

Гаворачы аб канвенцыянальнасці маўленчых зносін, мы маем справу са з’явай тыпізацыі паводзін. Тыпізацыя, як адзначае І.І. Токарава, можа выяўляцца на некалькіх узроўнях арганізацыі паводзін (не ўсе з якіх цалкам усвядомленыя): у выбары жанру або рэгістра, сацыяльна значнага для дасягнення камунікатыўнай мэты, у выбары камунікатыўнага акта, адпаведнага міжасобасным стасункам (напрыклад, каманда або просьба), у выбары свабоднай або клішаванай формы – усё у адпаведнасці з магчымасцямі самой мовы і з традыцыямі маўленчага калектыву [1, с. 29–31]. Хоць усе гэтыя магчымасці выбару ўніверсальныя ў мовах, але іх ажыццяўленне падпарадкоўваецца правілам кожнай моўнай культуры. Так, беларускай спантаннай камунікацыі ёсць уласцівым выкарыстанне прыналежных займеннікаў *мой/мая/мае, твой/твая/твае* у якасці адзінак кампрэсуючай канвенцыянальнай намінацыі з адпаведнай рэферэнцыяй да мужа/жонкі/дзяцей. Напрыклад:

- (1) – *А твая як пачуваецца? – Мая? У бальніцы даўно.*
- (2) – *Дык твае калі маюцца прыйсці?*
- (3) – *Твая пазычыла мядніцу, калі аддасць?*
- (4) – *Казік, твае лазілі да мяне у йгрушы. Бізун па іх плача.*
- (5) – *Мы заўтра да вас зойдзем. – Не, лети другим разом. Сваякі маюцца прыйсці ў госці. – Чые? Твае ці яго?*

Відавочна, што для беларускай лінгвакультуры гэтыя ўзоры маўлення з'яўляюцца канвенцыянальна дастатковымі і тыповымі ў адрозненне ад расійскай або англійскай лінгвакультур, дзе рэферэнты – муж/жонка/дзеці – абавязкова павінны быць пазначанымі. Натуральна, адсутнасць або наяўнасць рэферэнту тлумачыцца асаблівасцямі сацыяльнай арганізацыі грамадства, культурна-гістарычнымі традыцыямі і моўным узусам, вытворным ад граматычных патэнцый дадзенай мовы. У сваю чаргу, зрабіўшыся здабыткам моўнага калектыву, гэтыя асаблівасці камунікатыўных паводзін выклікаюць пэўныя культурныя асацыяцыі і рэакцыі.

Такім чынам, канвенцыянальнасць можна разглядаць як элемент культуры: культурныя веды на кожным этапе развіцця грамадства падсвядома і сінтэтычна (кагнітыўна-падсвядома, па М. Мінскаму) падзяляюцца ўсімі, а значыць, утвараюць семантычныя інтэнцыянальныя рэгулятывы, якія транслююць інфармацыю псіхічнага свету ўсяго моўнага калектыву, напрыклад, інфармацыю радавога, нацыянальнага, або сацыяльнага планаў. На ўзроўні індывідуальнага падсвядомага семантычныя інтэнцыянальныя рэгулятывы пераламляюцца праз інфармацыю псіхічнага свету пэўнага чалавека, але ўжо на ўзроўні свядомага актуалізуюцца ў маўленні ў выглядзе канвенцыянальных формул.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Токарева, И.И. Этнолингвистика и политический дискурс / И.И. Токарева // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн. : Белгосуниверситет, 1998. – С. 27–39.

**Объем: лингвокультурологические характеристики
квантитативных компонентов в белорусских и английских
паремиях**

Е.П. Маюк
leaka@tut.by
(Минск, Беларусь)

Изучение языка в тесной связи с человеком, его миропониманием, мироощущением, практической и ментальной деятельностью является приоритетным направлением современной лингвистики. Это предполагает анализ языковых единиц, конденсирующих весь сложный комплекс культуры и психологии народа, неповторимый способ его мышления. Данное положение объясняет неугасающий интерес лингвистов к богатейшему наследию, воплощенному во паремиологическом фонде определенного этноса.

Во паремиологических фондах различных языков присутствует, как универсальное (общечеловеческое), так и этнокультурное содержание. Для выявления этнокультурной специфики восприятия и отражения окружающей действительности тем или иным этносом актуальным представляется описание белорусских и английских паремий с квантитативными компонентами.

Лексико-грамматические средства выражения категории количества неоднократно исследовались в лингвистических трудах в структурно-логическом (А.А. Холодович [1], Т.П. Ломтев [2]), гносеологическом (В.З. Панфилов [3], Ю.С. Степанов [4]), функционально-семантическом аспектах (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс [5], Д.А. Кашина [6], Л.Г. Акуленко [7], В.М. Кульгавая [8], Б.Ж. Куанбаева [9] и др.). В белорусистике проблема квантитативности рассматривалась в работах таких лингвистов как А.Е. Супрун (семантика количественности) [10], П.В. Верхов (имя числительное в белорусском языке) [11], М.А. Жидович (категория числа в белорусском языке) [12], А.И. Наркевич (грамматическая категория числа) [13], А.И. Чабярук (числительное в белорусских говорах) [14], О.О. Соколовская (средства выражения квантификативной приблизительности в

современном английском языке) [15] и др. Мы обращаем внимание на недостаточно изученный аспект категории квантитативности в белорусском языке. Комплексный анализ категории квантитативности белорусского языка в сопоставлении с английским языком не был предметом специального рассмотрения.

Настоящая работа посвящена контрастивному исследованию белорусских и английских лексем, имплицитно реализующих значение неопределенно малого количества, соотносимого с параметром объем, в паремиях двух разноструктурных языков. Семантический анализ, проведенный на материале паремий, выявил 5 белорусских и 4 английских квантитативных единиц вторичной номинации неопределенно малого количества.

Параметр «объем» может передавать значение малого количества еды: белорус. *галодны, голад, худы*; англ. *famine* ‘острый недостаток еды’, *hunger* ‘голод; длительное недоедание; голодание’, *hungry* ‘голодный, проголодавшийся, чувствующий голод’: *Галоднаму не спіцца, калі хлеб спіцца. Сым голаду не разумеець. Вялікая кабыла, да худая. Under water, famine; under snow, bread* – буквально ‘Под водой – голод, под снегом – хлеб’ – ‘народные приметы о погоде’. *Hunger drives the wolf out of the wood* – буквально ‘Голод заставляет волка выйти из лесу’ – ‘об отчаянии голодных людей’. *A hungry man is an angry man* – буквально ‘Голодный человек – злой человек’ – ‘о негативном влиянии голода на человека’. В обеих лингвокультурах КЕ рассматриваемого параметра окрашены негативно, т.к. связаны с отрицательными условиями существования.

Еще одним семантическим центром анализируемого параметра являются белорус. *малы, невялікі* и *little* ‘маленький’, вербализующие значение малого размера: *Малы залатнік, ды дарэгі. Мурашка невялікая, а горы канае. Great oaks from little acorns grow* – ‘Из маленького желудя вырастает большой дуб’. – ‘Малое является началом большого’. Таким образом, белорусы и англичане с одобрением относятся к малому размеру и дают ему высокую оценку: из малого создается большое. Одновременно, в некоторых пословицах данная величина характеризуется отрицательно, например: *Малая куча ды смярдзюча. Шырокі двор, да невялікі збор.*

Проведенный анализ функционально-семантических характеристик белорусских и английских КЕ неопределенно малого количества позволяет констатировать, что это значение получает общую положительную коннотацию, если измеряемая величина является достаточной и приносит пользу. Негативную оценку, как в белорусских, так и в английских паремиях получают конститuentы, объективирующие НМК, которое рассматривается представителями обеих лингвокультур как недостаточное или приводит к нежелательному результату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Холодович, А.А. Категория множества в японском в свете общей теорий множества в языке / А.А. Холодович // Проблемы грамматической теории. – Л. : Наука, 1979.
2. Ломтев, Т.П. Квантитативы современного русского языка / Т.П. Ломтев // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: сб. статей / Междунар. ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Науч.-метод. центр русского языка при МГУ : под ред. В.Г. Костомарова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1971.
3. Панфилов, В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – М. : Наука, 1982.
4. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1975.
5. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969.
6. Кашина, Д.А. Функционально-семантическое поле количества (на материале совр. нем. языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д.А. Кашина. – Горький, 1973.
7. Акуленко, Л.Г. Выражение неопределенно большого и неопределенно малого количества в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.Г. Акуленко. – Харьков, 1982.
8. Кульгавая, Б.М. Неопределенно-количественные слова в современном немецком языке / Б.М. Кульгавая // В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии германских и романских языков. – Иркутск, 1974.

9. Куанбаева, Б.Ж. Лексико-синтаксические средства выражения категории количества в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Б.Ж. Куанбаева. – Моск. гос. пед. ин-т ин. яз. им. М. Тореза – М., 1988.

10. Супрун, А.Е. Общая характеристика семантики количества // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб. : Наука, 1996.

11. Вярхоў, П.В. Лічэбнік у беларускай мове : Параўнальна з рус. і укр. мовамі / П.В. Вярхоў. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1961.

12. Жыдовіч, М.А. Назоўнік у беларускай мове: [у 2 ч.] / М.А. Жыдовіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1969. – Ч. 1: Адзіночны лік.

13. Наркевіч, А.І. Назоўнік: Граматычныя катэгорыі і формы / А.І. Наркевіч. – Мінск : Выд-ва БДУ ім.У.І. Леніна, 1976.

14. Чабярук, А.І. Лічэбнік у беларускіх гаворках / А.І. Чабярук. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977.

15. Соколовская, О.О. Средства выражения квантификативной приблизительности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.О. Соколовская. – Минск, 2002.

Германизмы и англицизмы в белорусском языке

А.Г. Пятигор, Т.В. Пятигор
tatjanapyatigor@gmail.com
(Минск, Беларусь)

Систематическому исследованию лингвистов подвергаются чаще основные аспекты языков: фонетический, грамматический строй, лексический состав. Особый научный интерес представляют исследования в области лексики, так как лексический состав языков является наиболее подвижной, меняющейся системой. В лексике выявились три основные категории: исконная лексика родного языка, заимствования из других языков и лексика классических языков. Детальное изучение лексики по этим категориям дает возможность более четкого осознания путей пополнения лексического состава языков, их взаимодействия и, в конечном счете, понимания этимологии, этнологии, а следовательно, и

причин наименования тех или иных реалий в родном и иностранном языке. Заимствования иноязычной лексики является естественным процессом в истории каждого языка. Особенно активизируется процесс заимствований в периоды наиболее глубоких общественных преобразований. Заимствования необходимы для номинации новых реалий и понятий, возникающих в реальной жизни под влиянием знакомства с общественно-политической, хозяйственно-экономической и научно-культурной жизнью других народов. Развивая и пополняя словарь языка, заимствования способствуют превращению его в гибкое, совершенное средство взаимоотношений разных народов, более глубокому пониманию мировосприятия, традиций, истории других этносов, отражаемых в языке.

Остановив выбор на лексических единицах немецкого, английского и белорусского языков в качестве объекта исследования, нет необходимости указывать на их принадлежность к разным языковым семьям. Однако более детальное рассмотрение лексического состава этих языков свидетельствует о наличии целого ряда белорусских лексем, сходных по звучанию и значению с немецкими и английскими.

Например, *die Gurke* – *гурок*; *der Draht* – *дрот*; *der Ziegel* – *цэгла*; *manieren* – *манкіраваць*; *die Kachel* – *кахля / кафля*; *das Dach* – *дах*; *die Scheibe* – *шыба*; *die Flasche* – *пляшка (разг.) (бутылка)*; *die Farbe* – *фарба*, *das Blau* – *блакім*; *die Schaufel* – *шуфля / шухля*; *der Koffer* – *куфар*; *der Zug* – (*ісці*) *цугам (ідти вереницей)*; *der Schinken* – *шынка*; *treffen* – *трафіць/папрафіць*; *die Mauer* – *мур*, *der Platz* – *пляц*.

Совпадение звучания и значения вышеприведенных примеров не может свидетельствовать только лишь о прямых заимствованиях в результате военного, политического, торгового взаимодействия немецкого и белорусского этноса. Своеобразным буфером, посредником перехода лексических единиц из языка-донора в язык-реципиент являлся польский язык, повлиявший на фонетику, морфологию, иногда на значение немецкой лексики, адаптируя ее к сформировавшимся правилам славянских языков, в первую очередь, к белорусскому языку. Например, *malen* – *malowac* – *маляваць*; *der Zucker* – *sukier* – *цукар*; *die Zwiebel* – *cybula* – *цыбуля*; *der Handel* – *handel* – *гандаль*.

Исследования германизмов в белорусском языке свидетельствуют о том, что наибольшее количество иноязычной лексики пришло через польский язык из немецкого, французского, итальянского языков. Более детальное рассмотрение некоторых заимствований приводит к таким дальним источникам, как классические языки: латинский и греческий.

Например, *nota* – *nota*, *школа* – *shola*, *камерцыя* – *commercium* (лат.); *трагедыя*, *параграф*, *комін* (греч.).

Довольно значительный объем заимствований из немецкого языка и наличие небольшого количества англицизмов в белорусском языке обусловлены различной географической удаленностью территории Беларуси от Германии и Великобритании соответственно. Кроме того, исследования показывают, что периоды заимствований из указанных языков также различны: приток германизмов в белорусский язык начался с 18 в., а англицизмы появились лишь в 20 в. Об этом свидетельствуют более современные заимствования в технической, деловой, спортивной, музыкальной сферах.

Например, *service* – *сэрвіс*, *manager* – *менэджэр*, *office* – *офіс*, *know-how* – *ноў-хаў*, *radar* – *радар*, *time out* – *тайм-аўт*, *ring* – *рынг*, *jazz* – *джаз*, *pop-art* – *пон-арт*, *rock-and-roll* – *рок-н-рол*.

Сравнительный анализ языков затрагивает не только отдельные лексические единицы, но и устойчивые словосочетания, т.е. фразеологизмы, которые несут в себе как лингвистическую информацию, так и историко-культурологическую, представляющую не меньший интерес и для лингвистов, и для изучающих один из сопоставляемых языков в качестве иностранного.

Сопоставления в области фразеологии показали, что заимствованных устойчивых выражений из немецкого языка немного. Например, *an sich arbeiten* – *працаваць над сабой*; *das Figenblatt* / *fig leaf* – *фігавы лісток*; *der Schlussakkord* – *заклучны акорд*; *sich wie ein Fisch im Wasser fühlen* – *адчуваць сябе як рыба ў вадзе*; *über Bord werfen* / *throw overboard* – *выкінуць за борт*; *auf einen gemeinsamen Nenner bringen* / *to reduce to common denominator* – *прывесці да агульнага назоўніка*.

Приведенные выше примеры являются кальками либо полукальками чаще с немецкого языка. Однако не исключается

возможность их калькирования из других европейских языков, поскольку подобные фразеологизмы встречаются в английском, французском и в русском языках.

Этимология отдельных лексических единиц сравниваемых языков позволяет использовать теоретические знания на практических занятиях при семантизации иноязычной лексики. Опираясь на знакомые по звучанию слова в родном языке и проводя соответствующие параллели, обучающиеся без труда усваивают иноязычную лексику, имеющую характерную звуковую оболочку и морфологическое строение.

Таким образом, коснувшись лишь малой части лексического состава немецкого, английского и белорусского языков, сравнив некоторые примеры, мы убеждаемся, что проблемы исследования лексического состава языков не теряют своей актуальности, т.к. даже неродственные языки тесно связаны в результате исторического и культурологического развития, а также научно-технического взаимодействия Германии, Англии и Беларуси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыка, А.М. Даўня запазычанні беларускай мовы. / А.М.Булыка. – Мн. : Навука і тэхніка, 1972 – 483 с.
2. Булыка, А.М. Слоўнік іншамоўных слоў. У 2 т. / А.М. Булыка. – Мн. : Бел.ЭН., 1999.
3. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т./ І.Я. Лепешаў. – Мінск : Беларусь. Энцыклапедыя імя П.Броўкі, 2008.

Крыніцы фальклорнага матэрыялу ў творчасці Л.М. Сілка

В.А. Радзіеўская
radziyeuskaya@yahoo.com
(Мінск, Беларусь)

Творчасць паўночна-амерыканскай пісьменніцы індзейскага паходжання (племя лагуна пуэбла) Лесли Марман Сілка (Leslie Marmon Silko, 1948) арыентаваная на мастацкае асэнсаванне нацыянальнай (этнічнай) ідэнтычнасці ў сучасным свеце. Індзейскае адраджэнне 1960-х гадоў у ЗША дало магчымасць

пісьменнікам, даследчыкам, навукоўцам звярнуць увагу на тое, якім чынам традыцыйная свядомасць прысутнічае ў штодзённым жыцці і творчасці, як спалучаецца індзейскае (старое) і амерыканскае (новае). Асаблівую папулярнасць гэтая тэма атрымала ў 1969 годзе, калі раман індзейца племені каёва Н.С. Мамадэя (N.S. Momaday, 1934) «Дом, створаны з золку» (House Made of Dawn, 1968) атрымаў Пулітцараўскую прэмію.

Культура паўночна-амерыканскіх індзейцаў доўгі час знаходзілася ў занябаным стане, перажываючы перыяды «melting pot» (плавільнага катла) і «salad bowl» (салатнай міскі). Толькі з 1960-х гадоў яе пачалі шырока даследаваць у акадэмічных колах, дзякуючы агульнаму павароту навуковай думкі ў бок посткаланіяльнага дыскурсу і мультыкультуралізму. З розных прычынаў, у тым ліку, традыцыйна вуснага характару перадачы спадчыны, недастатковасці і недакладнасці сабранага матэрыялу антрапологамі 19–20 стст., вялікая частка індзейскага фальклору была страчаная. Нашчадкі карэннага насельніцтва ЗША часта маюць змешанае этнічнае паходжанне і жывуць у сучасным глабалізаваным грамадстве, вывучаюць мову і культуру продкаў на курсах, ва ўніверсітэтах і праз старых сваякоў – жывых носьбітаў традыцыйных ведаў. Такім чынам, даследаванне крыніцаў фальклорнага матэрыялу складанае, апасродкаванае і няпоўнае.

Л.М. Сілка, маючы англа-нямецка-амерыкана-індзейскае паходжанне, суадносіць сябе з племенем лагуна пуэбла (паўднёвы захад ЗША, тэрыторыя сучаснага штата Нью Мексіка). Асноўная крыніца фальклорнага матэрыялу для пісьменніцы – гэта вусныя расповеды міфаў, легенд, казак у сям’і, клане і племені: цёткамі-бабулямі Сюзі і Эліс, прабабуляй А’му, старымі распавядальнікамі, якіх аўтарка апісвае ў кнізе эсэ-ўспамінаў «Жоўтая Жанчына і хараство духу» [1]. Другой крыніцай матэрыялу, на якую Л. Сілка не спасылаецца наўпрост, але якая прадстаўляе вялікі пласт інфармацыі, сабранай даследчыкамі непасрэдна ад носьбітаў фальклору, з’яўляюцца акадэмічныя працы і зборнікі міфаў, казак і легенд пуэбла, хопі і зуні. Сярод іх варта згадаць наступныя: 16 том альбома «Паўночна-амерыканскія індзейцы» (The North American Indian, 1907), прысвечаны гісторыі, традыцыям, абрадам, грамадскаму ладу, легендам пуэбла (качыці), этнолага і фатографа Э. Кёрціса (E. Curtis); «Абрадаваць хопі і зуні» (Hopi and Zuni

Ceremonialism, 1939), «Релігія індзейцаў пуэбла» (Pueblo Indian Religion, 1939) антраполога і фалькларысткі, прэзідэнткі Амерыканскай фальклорнай супольнасці і Амерыканскай этналагічнай супольнасці, даследчыцы рэлігіі пуэбла Э.К. Парсанз (E.C. Parsons); «Тэксты Кэрэс» (Keres Texts, 1928) заснавальніка амерыканскай антрапалогіі Ф. Боаса (F. Boas); «Казкі індзейцаў качыці» (Tales of the Cochiti Indians, 1932), «Міфалогія зуні» (Zuni Mythology, 1935), «Мадэлі культуры» (Patterns of Culture, 1934) антраполога і навучэнкі Ф. Боаса Р. Бенедыкт (R. Benedict); «Фальклор індзейцаў пуэбла» (Pueblo Indian Folk Stories, 1910) пісьменніка, фатографа Ч. Люміса (Ch. Lummis); манаграфія «Міф першастварэння індзейцаў акома і іншыя запісы» (Origin Myth of Acoma and other records, 1942) М.У. Стэрлінга (M.W. Stirling); «Міфы першастварэння зуні» (Zuni Origin Myths, 1932) і «Абрадавая паэзія зуні» (Zuni Ritual Poetry, 1932) антраполога Р. Банзель (R. Bunzel); «Некаторыя аспекты міфалогіі і грамадства пуэбла» у суаўтарстве з К. Уітфогелем (Some Aspects of Pueblo Mythology and Society» with Karl Wittfogel), 1943) даследчыцы спадчыны пуэбла Э. Шыф Голдфранк (E. Schiff Goldfrank); «Індзейцы зуні: іх міфалогія, эзатэрычныя братэрствы і абрады» (Zuni Indians: Their Mythology, Esoteric Fraternities, and Ceremonialism, 1904) этнолага, аўтаркі шматлікіх прац па культуры зуні М.К. Стывенсан (M.C. Stevenson); даследаванні Ф.Г. Кашынга (F.H. Cushing) «Ідалы зуні» (Zuni Fetishes, 1883), «Казкі зуні» (Zuni Folk Tales, 1901), «Кароткае апісанне міфаў першастварэння зуні» (Outlines of Zuni Creation Myths, 1891–1892); «Традыцыі хопі» (The Traditions of the Hopi, 1905) Г.Р. Вота (H.R. Voth); «Праўда хопі» (Truth of a Hopi, 1936) індзейца Э.Р. Некагэвы (E.R. Nequatewa); «Песні племені тэва» (Songs of the Tewa, 1933) Г.Дж. Спіндэна (H.J. Spinden); манускрыпт «Пуэбла моўнай групы Кэрэс і Каньён Чака» (Keresan Pueblos and Chaco Canyon, 2007) Дж. Милера (J. Miller); «Міфы і легенды Каліфорніі і старога Паўднёвага захаду» (Myths and legends of California and Old Southwest, 1912) К.Б. Джадсан (K.B. Judson); «Богі і міфы пуэбла» (Pueblo Gods and Myths, 1964) Г.А. Тайлер (H.A. Tyler); «Мудрасць індзейцаў пуэбла: легенды і міфы карэнных амерыканцаў» (Pueblo Indian Wisdom: Native American Legends and Mythology, 2000) Т. Піхоан (T. Pijoan); «Міці і пуэбла старога Паўднёвага захаду: іх міфы, легенды, святы

і абрады, а таксама апісанне індзейскіх плямёнаў і іх танцаў» (Missions and Pueblos of the Old Southwest: Their Myths, Legends, Fiestas, and Ceremonies, with Some Accounts of the Indian Tribes and Their Dances, 1929), *«Танец змяі індзейцаў хопі»* (The Snake Dance of the Hopi Indians, 1961) Эрле Р. Форэста (Earle R. Forrest).

Культура пуэбла існавала ў атачэнні і ўзаемадзеянні з іншымі культурамі (піма, які, наваха). Фальклору блізкіх геаграфічна да лагуна пуэбла плямёнаў прысвечаныя зборнікі *«О-о-там індзейскія ночы: міфы і легенды піма»* (Aw-aw-tam Indian Nights: myths and legends of the Pimas, 1911) Дж.У. Лойда (J.W. Lloyd); *«Міфы і легенды племені які»* (Yaqui myths and legends, 1959) Р.У. Гідынгс (R.W. Giddings); *«Дынэ: міфы паходжання індзейцаў наваха»* (The Dîné: Origin Myths of the Navaho Indians, 1956) А. О'Браяна (A. O'Bryan); *«Горны спеў: абрад наваха»* (The Mountain Chant: a Navajo Ceremony, 1887), *«Гулец Накомпі: міф наваха»* (Noqompi, the Gambler: A Navajo Myth, 1889), *«Міфы, малітвы і спевы наваха»* (Navaho Myths, Prayers, and Songs, 1906) У. Мэт'юса (W. Mathews); *«Індзейцы наваха»* (The Navajo Indians, 1890) У.М. Эдвардлі (W.M. Edwardy); *«Тэксты наваха»* (Navaho Texts, 1933) П.Э. Годарда (P.E. Goddard); *«Легенда паходжання наваха»* (Navaho Origin Legend, 1930) А. М. Стэфана (A. M. Stephen); *«Жанчына-павучыха: аповед пра ткачых і спявачак наваха»* (Spider Woman: A Story of Navajo Weavers and Chanters, 1932) Г.А. Рэйчард (G.A. Reichard); *«Міф стварэння наваха: аповед пра ўзнікненне»* (Navajo Creation Myth: the Story of the Emergence, 1942) Х. Кла (H. Klah); *«Напачатку: міф стварэння наваха»* (In the Beginning: a Navaho Creation Myth, 1953) запісаны С.А. Фішлерам (S.A. Fishler).

Такім чынам, аналізуючы фальклорныя матывы ў творчасці Леслі Марман Сілка, ёсць магчымасць выкарыстоўваць тры крыніцы фальклорнага матэрыялу: вусныя сведчанні носьбітаў традыцыі лагуна пуэбла (цёткі, бабулі, апавядальнікі клана), акадэмічныя даследаванні антрапологаў пачатку 20 ст., прысвечаныя непасрэдна фальклору пуэбла і геаграфічна блізкіх культур (наваха, піма, які, хопі, зуні, тэва і інш.).

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Silko, L.M. *Yellow Woman and a Beauty of the Spirit: Essays on Native American Life Today* / L.M. Silko. – New York : Simon and Schuster Paperbacks, 1996. – 205 p.

З этымалогіі некаторых назваў музычных інструментаў

Н.С. Шакун

nieshta@gmail.com

(Мінск, Беларусь)

Народная музыка – гэта своеасаблівая форма народнай памяці, прычым памяці актыўнай, якая не толькі захоўвае, але таксама стварае і транслюе. Таму даследуючы семантыку і паходжанне музычных тэрмінаў, назваў народных музычных інструментаў, мы даследуем гісторыю бытавання, развіцця і станаўлення таго ці іншага народу, этнасу

Ёсць інструменты, якія былі неад’емнай часткай народнай культуры – культавымі інструментамі, бо яны «спявалі» чалавечае жыццё на зямлі, суправаджалі яго ў святы і праводзілі ў іншы свет. Для беларусаў адным з такіх інструментаў, напэўна, ужо больш за тысячу гадоў была *дуда*. У Тлумачальным слоўніку беларускай мовы пададзена азначэнне: *дуда́ ‘народны духавы музычны інструмент з дзвюх і больш трубак, устаўленых у скураны мяшок або пазыр, які надзімаецца праз трубку; валынка’* [1, с. 207]. Паходжанне слова *дуда* разглядаецца ў Этымалагічным слоўніку беларускай мовы, дзе, па-першае, яно аб’ядноўваецца ў адзін шэраг са словам *дудка* (**dudьka*), што азначае іншы музычны інструмент; па-другое, сцвярджаецца, што гэта слова вядома ўсім славянскім мовам; па-трэцяе, адназначна зводзіцца да дзеяслова **dudati*, **dudeti* (параўн. бел. *дудзець*) – і, такім чынам, паводле меркавання аўтараў слоўніка, «з’яўляецца старым утварэннем гукапераймальнага характару» [3, III, с. 161]. Калі прыняць гэтую гіпотэзу як праўдзівую, то нявырашаным застаецца пытанне, чаму ў нямецкай мове слова, што існуе для азначэння разгляdanaга музычнага інструмента, мае такі самы карань – *Dudelsack*, у той час, як падобнага гукапераймальнага дзеяслова, які б мог быць асновай для

ўтварэння назвы, няма. *Dudelsack* зводзіцца да турэцкага *düdiik* [4], а дзеяслоў *dudeln* ‘граць на дудзе’ лічыцца другасным у адносінах да назвы інструмента і пазнейшым утварэннем ад *Dudelsack* [Ibidem].

Цікавай бачыцца тая акалічнасць, што ў славянскім свеце назва *дуда* (*duda, dudy*) насамрэч стала замацавалася толькі ў лужыцкай, польскай, чэшскай, славацкай і беларускай мовах, што, у пэўным сэнсе, можа змяніць ракурс інтэрпрэтацыі паходжання назвы *дуда* ў славянскіх мовах, у тым ліку ў беларускай, у бок «нямецкага следу».

Для таго, каб умацаваць меркаванне, што *дуда* ў беларускай мове – пазычанне з нямецкай, важна дадаткова глыбей даследаваць шляхі і прыблізны час пранікнення самага інструмента на беларускія землі. У гэтым пытанні, аднак, яшчэ шмат невядомага і загадкавага. Так, надзвычай цікавым бачыцца ў гэтым ключы інтэрпрэтацыя Нахцігалам этымалогіі этноніма *дулебы* (назва племені, якое, паводле некаторых звестак, было захавальнікам дударскіх традыцый і рассялялася, у тым ліку, на тэрыторыі Заходняй Валыні). Ён зводзіў этнонім *дулебы* да герм. *Dudl-eiba* «краіна дудаў» [2, I с. 551], што акрэслівае далейшую перспектыву для даследавання паходжання назвы *дуда*.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Т.2. – Мн.: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1978.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Т. I–IV. – М. : Прогресс, 1964–1973.
3. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. I. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978 – выданне працягваецца.
4. Duden. [Richtiges und gutes Deutsch](http://www.duden.de/) [on-line]: <http://www.duden.de/>

Менталітэт беларусаў у люстэрку метафар

В.Ю. Шыманская

shimans@tut.by

(Мінск, Беларусь)

Сучасныя даследаванні метафары як механізма пазнання і мыслення вядуцца ў сістэме каардынат моўнай мадэлі свету, якая заключаецца ў тым, што кожная мова адлюстроўвае пэўны спосаб успрымання і арганізацыі (канцэптуалізацыі) свету. Выражаныя ў ёй значэнні складаюцца ў адзіную сістэму поглядаў, свайго роду калектыўную філасофію, якая з'яўляецца абавязковай для ўсіх носьбітаў мовы [1, с. 38 – 39]. Такая мадэль часта супярэчыць лагічнай, навуковай карціне свету, прычым асацыяцыі і карэляцыі такога плану адлюстроўваюць вопыт інтраспекцыі дзесяткаў пакаленняў на працягу многіх тысячагоддзяў і могуць служыць надзейным правадніком ва ўнутраны свет чалавека [там жа].

Сувязь тыпалагізацыі кампанентаў моўнай мадэлі свету і ўзнікнення метафарычных найменняў абумоўлена імкненнем чалавечага розуму тлумачыць складаны, недаступны непасрэднаму ўспрымання з'явы і паняцці больш простымі, канкрэтнымі, прадметнымі, адчувальнымі. Прыярытэт асабістага вопыту чалавека ў пазнанні, а таксама тлумачэнне невядомага ўжо вядомым з'яўляецца асноўным законам метафарызацыі.

Метафары, якія адлюстроўваюць унутраны свет беларуса, маюць дачыненне да наймення ды характарызацыі пачуццяў, думак, разнастайных аспектаў камунікацыі. Такім метафарам уласцівыя антрапацэнтрычнасць, сінкрэтычнасць, анталагічнасць і шырокая прадстаўленасць у мове. У той час як метафары ўтвараюць свайго роду адлюстраванне каштоўнасцяў і маральных нормаў этнасу ў мове, асновай для іх узнікнення служаць, як правіла, з'явы прыроды, прадметнай рэчаіснасці (у тым ліку паўсядзённага побыту), найменні разнастайных адцягненых паняццяў і культурных з'яў.

У беларускай мове цела чалавека яшчэ са старажытнасці ўспрымаецца як храм духа; душа чалавека, яго памяць выступаюць у якасці ўмяшчальнікаў пачуццяў і думак, таму прадуктыўным

з'яўляецца перанос «будынак і яго часткі → душа, памяць і свядомасць»: *патаемныя сховы душы, тайнік сэрца, лабірынты памяці, памяць – цудоўная сховань*. Відавочна, што семантычная структура крыніцы матывацыі праектуецца на абазначаемае, высвечваючы семы 'прыхаванасць', 'тайнасць', у выніку чаго душа адлюстроўваецца як нешта патаемнае, а памяць – як сховішча інфармацыі. Экстэрыярызацыя пачуццяў, думак, свабода думкі і дзеяння метафарычна адлюстроўваецца як выхад на паверхню, адкрыццё зачыненага (праекцыя «адтуліна ў будынку → выяўленне асобы»): *адчыніць аконне душы, даць выхад пачуццям, не знаходзіць аддушыны*.

Найменні збудаванняў і частак будынкаў, што выкарыстоўваюцца для адмежавання чаго-небудзь, метафарычна пераасэнсоўваюцца як абазначэнні адасобленасці, адзіноты, ахоўных механізмаў псіхалогіі асобы (праекцыя «перагародка → адасобленасць, адзінота, непаразуменне»), а таксама апісання непаразуменняў, канфліктаў: *пакутлівая сцяна маўчання, бар'ер маўкліваасці, душа раскрыецца, калі між намі не будзе ніякіх перагародак*.

Недаступнасць перажыванняў і думак назіранню і імкненню чалавека даведацца, што адбываецца ў душы іншага, дае імпульс да ўяўлення працэсу доступу да ўнутранага свету чалавека як дарогі, шляху, сцежкі: *сцежка да сэрца, шукаць шлях да сэрца, знайсці дарогу да сэрца*. Беларускія полісеманты даволі часта актуалізуюцца ў падобных кантэкстах са станоўчай канатацыяй, што сведчыць пра тое, што для беларускай характэрна імкненне да збліжэння, усталявання эмацыянальнага кантакту з суб'яседнікам.

Словы, што называюць разнастайныя захворванні, іх праяўленні, а таксама з'явы і дзеянні, што ўключаюцца ў тэзаўрус хваробы, можна класіфікаваць на некалькі груп. Гэта найменні хвароб, сімптомаў хвароб, ран, парушэння функцыянавання органаў і сістэм, псіхічных адхіленняў. Полісеманты, якія абазначаюць хваробу наогул, звычайна называюць адмоўныя з'явы псіхалогіі чалавека, даюць ім негатыўную ацэнку: *хвароба душ, паталогія паводзін*. Карані такіх метафар ва ўспрыманні захворванняў як парушэння суцэльнасці чалавека, яго спрадвечнага ідэальнага вобразу як нашчадка Бога. Яшчэ адным тлумачэннем дадзенай

мадэлі з'яўляецца схільнасць беларусаў да выразна негатыўнай ацэнкі неадпаведных норм паводзінаў.

Метафарычная мадэль «Прадмет», як правіла, канцэнтруе ўвагу на функцыянальным боку псіхалогіі чалавека, на прычынна-выніковых суадносінах. Сярод тыпаў і падтыпаў метафарычных пераносаў «прадметнай» сферы вылучаюцца: «яд → тое, што шкодна ўплывае на душэўны стан», «лекі → тое, што суцяшае, прыносіць заспакаенне», «адзенне, тканіна → падманлівая знешнасць», «прадметы вупражы, насілля і паляўнічыя рэаліі → тое, што абмяжоўвае свабоду», «бруд → амаральнасць, глупства, непатрэбнае», «след → адметная рыса характару, вынік псіхалагічнага ўздзеяння» і інш.

Цікава, што ў той час як метафары дадзенай групы звычайна не ўтвараюць прадуктыўных мадэляў з вялікай колькасцю праекцый, на іх аснове можна скласці цэлую энцыклапедыю побыту і заняткаў беларусаў – земляробства, жывёлагадоўля, паляўніцтва, ткацтва і інш.: *жарты – атрута старому сэрцу, спагада была самым неабходным і пажаданым лякарствам, словы былі лекамі, ланцуг пакуты, ярмо тугі, каханне – лёгкая прынада для сэрцаў, трапіць у сіло каханья.*

Такім чынам, як сведчыць аналіз і сістэматызацыя метафар унутранага свету чалавека, сфера крыніцы матывацыі адлюстроўвае асяроддзе існавання беларускага этнасу – ад прыроды і побыту да абраднасці і сацыяльнай сферы. У той жа час у лютэрку метафар мы бачым вобраз беларуса, для якога характэрна атаясамліванне перажывання з «унутраным чалавекам», станоўчая ацэнка эмацыянальнага збліжэння з суб'яднікам, імкненне да негатыўнай ацэнкі не адпаведных норм паводзінаў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37 – 67.

2. Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа; пад аг. рэд. К.К. Атраховіча. – Мн. : БелСЭ, 1977 – 1984. – 5 т.

Литература и кино для детей и подростков как зеркало современных британских стереотипов гендерного речевого поведения

Л. М. Янушкевич
LudmillaMara@tut.by
(Минск, Беларусь)

Общеизвестно, что книги для детей и подростков и фильмы, ориентированные на них, отражают картину мира языкового коллектива. В них имплицитно и эксплицитно проявляются особенности системы ценностей (в том числе гендерные стереотипы), сложившиеся в культуре. Детская литература и кино также являются инструментом формирования у подрастающего поколения определённых моделей поведения, играя важнейшую роль в процессе социализации личности. В отличие от учебников, в которых усвоение социальных норм происходит в некотором роде насильно, через отобранный образовательными институтами материал, «домашнее чтение» (и просмотр фильмов) предполагает большую свободу в выборе жанра, автора и тематики. Маловероятно, что ребёнок или подросток добровольно будет читать и смотреть то, что «не цепляет», неинтересно, не близко ему, его друзьям. Понимая это, современные авторы стараются учесть этот фактор.

Одним из таких писателей в Великобритании является Дж. Р. Роулинг, сочинившая историю о Гарри Поттере, «мальчике, который выжил». Она настолько угадала с темой волшебства и магии, что книги серии разошлись миллионными тиражами и были переведены на многие языки, а экранизации собрали огромные кассовые сборы по всему миру. Действующие лица этих произведений «живут» в параллельном – стилизованном, «волшебном» – мире и говорят, часто используя особый «магический» сленг. Тем не менее, юные британцы узнают в героях себя, своих друзей. Это происходит потому, что писательница при создании своей Британии из параллельного измерения использует элементы существующего мира, а характерные детали придуманной ею реальности выводятся из реальности объективной. И, таким образом, несмотря на имеющийся антураж волшебства и магии,

«Гарри Поттер ...» – это, в общем, произведение о современных британских детях и подростках.

Исходя из этого, логично предположить, что в произведении Дж. Р. Роулинг нашли своё отражение различные социокультурные традиции современного британского языкового коллектива. В силу исторических обстоятельств они имеют преимущественно английскую основу. Поэтому, в определённой мере, мы можем приписать социокультурные доминанты, регулирующие речевое поведение членов английского языкового сообщества, британскому языковому коллективу в целом. К таковым относятся стремление к компромиссу, практичность, рационализм и трудолюбие, толерантность, дистанцированность, самостоятельность, независимость (в том числе, психоэмоциональная), самообладание и сдержанность, честность и состязательность, дружелюбие, соблюдение условностей и следование традициям.

Анализ эпизодов убеждающего общения, взятых из сценариев экранизаций первых четырёх книг о Гарри Поттере (написанных, надо отметить, в соавторстве с Дж. Р. Роулинг), а также работ других современных британских авторов, показал, что британские художественные тексты и фильмы стремятся к полноте отражения существующих в данном языковом коллективе социальных установок и ролевых ожиданий речевого поведения от детей и подростков, мужчин и женщин. В случаях же, когда речевое поведение персонажей противоречит существующим социальным ожиданиям, можно предположить наличие у автора намерения сформировать у читателя или зрителя новый стереотип. Полученные нами результаты исследования говорят о разрушении в существующем британском языковом коллективе исторически сложившихся стереотипов, предписывающих гендерам следование определённым моделям речевого поведения, и постепенном создании новых. А поскольку британский коллектив языковой коллектив является обществом, где ключевой ценностью является стремление к компромиссу во всех сферах жизни, несмотря на приверженность и определённый консерватизм в принятии идей феминизма, можно предположить изменение содержательного наполнения гендерных ролей в британском языковом коллективе в сторону большего размывания границ между «типично женским» и «типично мужским».

ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА ВЫКЛАДАННЯ ЗАМЕЖНЫХ МОЎ І ЭТНАЛОГІЯ

Этнокультурная компетенция как один из элементов профессиональной грамотности специалиста

А.В. Конышева
linavik@yandex.ru
(Минск, Беларусь)

Формирование этнокультурной компетенции выступает одним из средств личностного и духовного развития, а для будущих специалистов с высшим образованием выступает и в роли одной из важных составляющих профессиональной грамотности, так как в настоящее время многие специалисты Республики Беларусь работают в тесном контакте с представителями различных Республик ближнего и дальнего зарубежья и им необходимо владеть этнокультурной компетенцией.

Цель этнокультурной компетентности имеет как внешнюю, так и внутреннюю направленности. Внешняя цель состоит в стабилизации межнациональных отношений и учете этнических особенностей, интересов каждого народа, в стремлении к межэтническому диалогу. Внутренняя целевая направленность, заключается в том, что обучающийся должен быть не только «носителем» знаний в области этнокультуры и межэтнического взаимодействия, но и их активным пользователем.

Как показывает исторический опыт, этнокультурные традиции являются важнейшим инструментом формирования ценностной ориентации человека, а ценностные суждения и нормы определяют его дальнейшую деятельность, влияют на мировоззрение и методы принятия решений, в том числе и технологических.

Российский исследователь данной проблемы Т.В. Поштарева определяет этнокультурную компетенцию следующим образом: «Этнокультурная компетенция – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения,

способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [1, с. 11].

Другими словами, этнокультурная компетентность – степень проявления человеком знаний, навыков и умений, позволяющих ему правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия [2].

При определении компонентов содержания этнокультурной компетенции некоторыми учеными предлагается перечень знаний и умений, которые обучающийся должен быть способен и готов реализовывать во взаимодействии межэтнического характера. Общие умения, входящие в структуру данной компетенции включают логически связанные компоненты. Однако ключевой характеристикой вышеуказанной компетенции выступают способность и готовность к совершению конкретных действий, которые, по мнению Т.В. Поштаревой [1, с.17], будут следующими:

- придерживаться этнокультурных традиций;
- владеть этноспецифическими умениями своего народа;
- изучать различные этнокультуры с целью налаживания существования в полиэтнической среде;
- осмысливать социальные и связанные с ними этнокультурные процессы.

Этнокультурная компетенция реализуется в высокой степени понимания, правильного учета своеобразия функционирования национально-психологических особенностей представителей тех или иных наций, выражающейся в тщательной фиксации и учете:

а) потребностей, мотивов и ценностных ориентации представителей конкретных национальных регионов, этническая специфика проявления которых существенно влияет на общение с ними;

б) фактов, свидетельствующих о наличии несоответствия между потребностями и мотивами представителей конкретных национальных общностей и функционирующими в общественном сознании населения традиционными нормами делового, политического и межнационального взаимодействия между людьми;

в) своеобразия проявления национального самосознания представителей конкретных национальностей;

г) специфики форм защиты политического самосознания представителей конкретных этнических общностей от элементов национализма, шовинизма в ходе межнациональных отношений.

Думается, что при формировании этнокультурной компетенции необходимо определить педагогические условия, способствующие данному процессу. Под ними подразумевается, по нашему мнению, целостное единство цели, содержания, форм и методов ее формирования. Для этого, с одной стороны, уточняется содержание образования посредством введения национально-регионального и этнокультурного компонентов с целью приобщения студентов к родной и мировой культуре [3].

С другой стороны, возникает вопрос о том, что требуются достаточно компетентные преподаватели в области межкультурного взаимодействия, способные реализовывать на практике полиэтническое образование и использовать различные современные методы, направленные на повышение уровня этнокультурной осведомленности и толерантности студентов.

Вторым условием должна выступать собственно полиэтническая среда, в контексте которой формируется рассматриваемая компетентность. Полиэтническая среда представлена не только специальными организациями, но и особым характером их взаимодействия – интеграции. Важная роль в этом вопросе может принадлежать установлению связей между университетом и учреждениями культуры и искусства, общественными организациями, диаспорами, культурными центрами с целью привлечения их образовательного и социального потенциала в процессе формирования этнокультурной компетенции.

Учитывая новые реалии современного высшего образования, такие как формирование международного образовательного пространства, академическая мобильность студентов, обучение в группах студентов ближнего и дальнего зарубежья и т.д. преподавателям следует уделять определенное внимание формированию этнокультурной компетенции студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поштарева, Т.В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде: автореф. ... дис. д-ра пед. наук: 13.00.01 / Т.В. Поштарева. – Ставрополь, 2007. – 41 с.
2. Крысько, В.Г. Этнопсихологический словарь / В.Г. Крысько. – М., 1999. – 343 с.
3. Конышева, А.В. Проблема формирования этнокультурной компетенции в поликультурном социуме / А.В. Конышева // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения: сб. научных статей / под науч. ред. А.П. Орловой. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2013. – С. 33–35.

Актуальнасць інтэрактыўнага навучання замежнай мове ў тэхнічнай ВНУ

Н.А. Кобзева, М.А. Южакова
nadiatom@mail.ru
(Томск, Расія)

Падрыхтоўка будучых інжынераў у Томскім політэхнічным універсітэце арыентавана на шырокае ўкараненне ў навучальны працэс тэхналогій інтэрактыўнага навучання з мэтай павышэння эфектыўнасці развіцця агульнакультурных і прафесійных кампетэнцый выпускнікоў сродкамі дысцыпліны «Замежная мова». Рэалізацыя кампетэнтнаснага падыходу, на аснове якога перабудоўваецца інжынерна-тэхнічная адукацыя ў Расіі, краіне-удзельніцы Балонскага працэсу, прадугледжвае шырокае выкарыстанне ў адукацыйнай прасторы інтэрактыўных формаў правядзення заняткаў з мэтай фарміравання і развіцця прафесійных, а таксама і агульнакультурных кампетэнцый выпускнікоў.

У дадзеным кантэксце адным са значных напрамкаў дзейнасці тэхнічнай ВНУ сёння выступае развіццё іншамоўнай камунікатыўнай кампетэнтнасці студэнтаў, што прадугледжвае распрацоўку адукацыйных тэхналогій, адэкватных тэндэнцыям

развіцця айчыннага і міжнароднага соцыума, арыентаваных на фарміраванне гатоўнасці навучэнцаў выкарыстоўваць няродную мову ў адукацыйных мэтах на працягу навучання ў ВНУ.

Асноўная ідэя інтэрактыўнага навучання замежнай мове складаецца з таго, што гэты працэс адбываецца ва ўмовах пазнавальна-актыўнага ўзаемадзеяння ўсіх студэнтаў, а таксама супрацоўніцтва, у якім выкладчык і студэнты з'яўляюцца раўнапраўнымі суб'ектамі працэсу навучання. Яны сумесна вызначаюць мэты дзейнасці, аб'ект, суб'ект, сродкі дзейнасці, вынікі навучання. Падчас такога сумеснага пошуку ажыццяўляецца абмен думкамі, ведамі, спосабамі дзейнасці, у выніку чаго адбываецца рэфлексія, ацэнка атрыманых вынікаў. Выкладчык у інтэрактыўным навучанні з'яўляецца арганізатарам працэсу, кансультантам. Акрамя таго, менавіта інтэрактыўнае навучанне спрыяе індывідуальнаму падыходу да кожнага студэнта, калі больш увагі надаецца не завучванню матэрыялу, а развіццю ўменняў і навыкаў стасункаў і разважанняў, фарміравання і выказвання ўласных меркаванняў.

Эфектыўнасць прымянення інтэрактыўных тэхналогій можна вызначыць праз якасць ведаў, уменняў і навыкаў студэнтаў, якія яны маюць магчымасць праявіць ў канкрэтнай сітуацыі. Напрыклад, удзел студэнтаў у творчых праектах, арыентаваных на іх будучую прафесійную дзейнасць, прадугледжаны Рабочай праграмай дысцыпліны «Замежная мова» у накірунку падрыхтоўкі 200100 «Прыборабудаванне» (бакалаўр). То бок праграма прадугледжвае ўдзел у навуковых канферэнцыях і падрыхтоўку артыкулаў да публікацыі. Так, у рамках завочнай навукова-практычнай канферэнцыі «Праблемы і перспектывы сучаснай адукацыі ў Расіі і замежных краінах», якая праводзілася кафедрай замежнай мовы Інстытута неразбуральнага кантролю, пошук актуальных тэм і праблем, якія з'яўляліся падмуркам для публікацыі артыкулаў, ажыццяўляўся ў партнёрскай супрацы выкладчыкаў і студэнтаў [1].

Дадзены прыём інтэрактыўнай тэхналогіі дазволіў атрымаць высокія вынікі, якія садзейнічаюць матывацыі выпускнікоў рэалізоўваць свой патэнцыял у навуковай дзейнасці.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Проблемы и перспективы современного образования в России и зарубежных странах: сборник трудов I Международной заочной

научно-практической конференции в 2-х частях /под ред. М.А. Южаковой; Томский политехнический университет. – Томск, 2013. – 140 с.

Этнолингвистика – неотъемлемое условие успешного преподавания русского языка как иностранного

Н.Г. Пятигор
Antonina.pyatigor@gmail.com
(Минск, Беларусь)

Прогрессирующее развитие международных контактов и связей обуславливает ориентацию современных методик преподавания русского языка как иностранного на реальные условия коммуникации. Стремление к коммуникативной компетенции как к конечному результату обучения предполагает не только языковую компетенцию студентов-иностранцев, но и усвоение ими колоссальной внеязыковой информации, необходимой для адекватного общения и взаимопонимания. Профессиональная деятельность предъявляет к преподавателю русского языка в качестве иностранного особые требования: ему необходимо не только профессионально владеть учебным материалом, но и обладать технологией контактирования с представителями различных национальностей, мировоззрений, нравов и вероисповеданий, учитывать возрастную специфику обучающихся, быть в курсе международных и внутригосударственных событий. Это требует каждодневного совершенствования профессиональной компетенции, включающей в себя такие взаимосвязанные компоненты как креативный уровень самосознания, ответственность за результативность своей деятельности, интеллектуальную культуру, эстетические, гуманитарные и социальные потребности.

Формирование перечисленных знаний, умений и способностей происходит в процессе моделирования взаимодействия, предполагающего взаимообогащающий обмен аутентичной профессионально значимой информацией на русском языке и приобретения иностранными студентами умений реального

общения на темы широкого спектра. В этой связи особенно значимым и актуальным нам видится вопрос о применении этнолингвистической информации в процессе обучения иностранных студентов русскому языку.

Этнолингвистика призвана исследовать взаимодействие языка с экстралингвистическими факторами, как то традиции, культура, фольклор, мировосприятие народа изучаемого (русского) языка. Поскольку язык является отражением национальной духовной культуры народа в традиционном (устном) выражении, иностранных студентов необходимо знакомить с примерами языковой картины мира русского этноса в форме пословиц, сказок, поговорок, народных песен, которые тесно связаны с обычаями, традициями, нормами поведения.

Вопрос о речевом поведении личности в условиях иноязычного окружения предполагает компетенцию в областях, тесно связанных между собой. Это лингвистические знания, знания устного народного творчества в контексте материальной и духовной культуры, познания языковой модели мира культурно-языкового ареала.

Взаимосвязь культуры и языка предполагает наличие ряда культурно-языковых явлений, которые могут быть выражены по-разному, но имеют одну суть. К ним относятся, например, нормы и стили, а также варианты литературных, народных, диалектных проявлений в языке и культуре, наличие двуязычия и так далее.

Обучая иностранных студентов русскому языку, необходимо разъяснять, что язык тесно переплетается с другими славянскими языками, не существует обособленно и не может функционировать в строго территориальных границах.

Через язык и его связь с экстралингвистическими проявлениями происходит более глубокое понимание народного менталитета. Понятие народного менталитета включает в себя целый ряд компонентов, касающихся фольклористики, социологии, этнопсихологии, языкознания. Чтобы преподать иностранным студентам грани функционирования и проявления русского языка в доступной форме, требуется, безусловно, соблюдение таких педагогических условий как равномерное распределение учебного и сопутствующего (экстралингвистического) материала, включение студентов-иностранцев в активную учебно-познавательную и

внеучебную деятельность (экскурсии, концерты самодеятельности, конкурсы). Использование метода кооперации, т.е. взаимодействия преподавателя со студентами, способствует выполнению координирующей функции, благодаря которой информация воспринимается не столько как блок знаний, а как отправная точка для самореализации.

При условии понимания народного менталитета хотя бы в небольшой степени студент-иностранец приобретает способность выбирать варианты общения, ориентируясь на ситуацию, обычаи, традиции в новой для него языковой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, Л.Е. Оптимизация процесса обучения иноязычному профессионально-ориентированному обучению студентов факультета международных отношений: Дис.к.п.н. – СПб, 2002. – 313 с.
2. Китайгородская, Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика/ Г.А.Китайгородская. – М.: Высшая школа, 2009. – 280 с.
3. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку: учеб. пособие для высш. учеб. заведений/ [Г.М. Васильева и др.]; под ред. И.П.Лысаковой. – М.: Гуманитар. Изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 270 с.
4. Толстой, Н.И. О некоторых этнолингвистических наблюдениях А.А. Потебни // Н.И. Толстой. – Київ : Потебнянські читання, 1981. – С. 68–81.

Проектный метод как инновационная технология изучения английского языка

И.М. Павлюченко
(Минск, Беларусь)

Вследствие глубоких изменений, которые произошли в последние годы в социально-экономической, политической и культурной жизни как внутри страны, так и в области

международных отношений, изменилась роль иностранного языка в обществе.

Концептуальной основой для определения содержания, обучающих стратегий и подбора средств такого обучения иностранному языку может стать коммуникативно или личностно ориентированные технологии в образовании. Личностно ориентированное обучение – PERSONALITY-CENTERED EDUCATION – это обучение, «обеспечивающее развитие и саморазвитие личности студента, исходя из выявления его индивидуальных особенностей как субъекта познания и предмета деятельности». К личностно ориентированным технологиям обучения иностранным языкам Е.С. Полат относит обучение в сотрудничестве (cooperative learning); метод проектов. Основная идея обучения в сотрудничестве – создать условия для активной совместной учебной деятельности студентов в разных учебных ситуациях [1, с.12].

Сегодня слово «проект» означает деятельность (индивидуальную или групповую), включающую исследование и решение проблем. Следует подчеркнуть, что данный метод, предлагая широкие возможности для организации исследовательской деятельности обучающихся, находит все большее распространение в практике преподавания иностранного языка в высших учебных заведениях.

Для использования в процессе обучения применяются различные типы проектов, выбираемые в соответствии с конкретными условиями и целями проведения: исследовательские проекты, творческие, ролево-игровые, информационные, практико-ориентированные. Остановимся подробно на ролево-игровых проектах.

В методической литературе ролевая игра определяется как спонтанное поведение студентов, их реакция на поведение других участников гипотетической ситуации. Ролевая игра – это своеобразный учебный приём, при котором студент должен свободно говорить в рамках заданных обстоятельств, выступая в роли одного из участников иноязычного общения. Каждое занятие имеет свой сюжет, все действия на занятии – свою мотивированность. Среди наиболее значимых средств, обеспечивающих оптимальную активность студентов, особое внимание уделяется следующим:

- сюжетность каждого занятия, мотивированность действий студента;
- специальная подача учебного материала (диалог, монолог, полилог);
- использование наглядности; театрализация;
- концентрация материала (большой объем новой лексики);
- индивидуальный подход в условиях группового взаимодействия [2, с.46].

Например, одной из форм нетрадиционного ведения урока может быть «телемост». «Телемост» - это современный эффективный путь повышения интереса студентов к английскому языку.

Подготовка к проведению «телемоста» включает отработку целевого комплекса речевых навыков и умений. Продумывая план будущей «ролевой игры», преподаватель, прежде всего, отбирает тот круг проблем, который можно будет выносить на обсуждение при проведении «телемоста». Проблемы должны вызывать интерес у студентов, желание участвовать в необычном занятии. Весь языковой материал, который будет потом включен в проведение урока, должен предварительно хорошо усвоиться студентами. В этой связи планирование учебного занятия можно осуществлять следующим образом:

На I-м этапе подготовки преподаватель проводит работу по изучению тематических текстов, включает программные и дополнительные материалы. Студенты сами выбирают материалы из газетных и журнальных статей (в рамках темы), советуясь с преподавателем. Таким образом, объем лексики расширяется. На протяжении всей подготовки ведется тематическая тетрадь, в которую записывается отобранный и отработанный материал. Подобный подход позволяет повысить заинтересованность студентов, облегчая запоминание необходимых терминов и обогащая их устную речь.

На II-м этапе студенты читают тексты со словарем, выписывают лексику, составляющую основу текстов, излагают содержание текста более простыми словами посредством ответов на вопросы преподавателя. В процессе работы преподаватель обращает внимание студентов на интересные, нужные лексические единицы, что помогает лучше ориентироваться в тексте и служит опорой в их последующих выступлениях. Первые два этапа направлены на

обучение умению передавать основное содержание прочитанного и выбирать нужный языковой материал.

Следующим этапом является формирование умений задавать вопросы, логически развивающие беседу, описывать рисунки, схемы, фотографии, иллюстрации по заданной тематике. Вместе с этим преподаватель проводит работу по карточкам, которые включают в себя разные виды коммуникативной деятельности, монологическую речь, построение диалога [3, с.51].

В данной практике использования наглядных пособий преследуется следующая идея. При языковой тренировке одновременно должны присутствовать: образ в воображении (картинка); иностранные слова, описывающие этот образ; понимание арсенала слов; воспроизведение звуков – слов.

Последний этап придает конкретные формы последующему проведению занятия – «телемоста». Преподаватель делит группу на 2 части (либо приглашает другую группу студентов). Одна половина студентов представляет собой группу специалистов нашей страны, другая половина – «иностранцы» бизнесмены. Перед ними встают следующие задачи:

раскрыть тему

наладить коммуникативный контакт.

Таким образом, предлагаемый метод позволяет в рамках учебной программы достичь комплексной работы со стороны студентов в процессе подготовки и подбора учебных материалов. Он обеспечивает должный коммуникативный уровень знаний, который предполагает решение практических задач в реальных ситуациях. .

Конечно, учебная деятельность не должна строиться исключительно по схеме проектного обучения. Но при обобщении, закреплении, повторении учебного материала, а главное, при отработке навыков и умений его практического применения, этот метод, безусловно, принадлежит к числу наиболее эффективных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бим, И.Л. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам. // Иностранные языки в школе, 2001, № 4.
2. Полат, Е.С. Проектная методика обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе, 2000, № 1-6.

3. Harmer Jeremy The Practice of English Language Teaching. – Longman, 2001.

**Роль аутентичных профессионально значимых текстов
и газетного материала в обучении деловому общению на
занятиях по английскому языку**

А.В. Почешинская
(Минск, Беларусь)

Развитые коммуникационные сети, лояльные правила международной торговли являются основой для существования обширных экономических взаимосвязей, что в свою очередь выливается в развитие глобализации, охватывающей все стороны нашей жизни, в том числе науку и образование. На современном этапе необходимо учитывать законы международного рынка образовательных услуг и принимать меры по предохранению национальных систем от стандартизации, так как каждый язык и культура должны сохранять свою неповторимость и уникальность.

Преподавание иностранных языков ставит своей целью наделить участников глобализационного процесса надежным инструментом взаимопонимания и общения, то есть обеспечить межъязыковую и межкультурную коммуникацию. При обучении языку как средству делового общения необходимо сформировать определенный уровень коммуникативной компетенции, под которой понимается способность выбора адекватной социальному контексту общения стратегии речевого поведения с использованием тактик речевого поведения. Обучение иностранному языку происходит с использованием информации, которая служит формированию социокультурной компетенции, то есть страноведческих и лингвострановедческих знаний. Лучшим источником таких знаний являются аутентичные тексты. Огромное значение имеет осведомленность обучаемых о текущей обстановке в стране изучаемого языка, ее культуре, истории, традициях, обычаях, социальной структуре, государственном устройстве и демографических особенностях. Обучение устной речи на иностранном языке не может проходить вне этнического и

социально-культурного наполнения, при отсутствии сведений о нормах поведения, правилах общения, без знаний ментальности и реалий жизненного уклада носителей языка.

Современные, наполненные информацией лингвострановедческие материалы из средств массовой информации могут быть использованы для формирования у студентов навыков всех видов речевой деятельности. Газетный текст образует замкнутое смысловое пространство, заключающее в себе определенный социально-исторический опыт, отражающее систему национальных особенностей и традиций, включающее специфические языковые явления, он является связным и целостным. Работа над ним предполагает такие операции, как анализ, синтез, умозаключение и прогнозирование. Огромное количество информации, заключенной в газетных текстах, побуждает к выработке гибкого подхода к чтению, к развитию способности извлекать информацию с разной степенью глубины и полноты в зависимости от коммуникативной задачи. Основной задачей работы над аутентичным профессионально значимым текстом является выведение его информации в устную речь. При обучении студентов монологическому высказыванию на английском языке особое внимание уделяется таким видам речевой деятельности, как сообщение, рассуждение, доклад, так как они отражают процесс формирования и формулирования мысли. Устное информационное сообщение, подготовленное на материале газетной или журнальной статьи, а также ряда статей, отличается развернутостью и законченностью со стороны содержания и интонации.

При формировании навыков делового английского языка у студентов-экономистов наиболее эффективно использовать в качестве источников аутентичного материала такие периодические издания, как «The Economist», «The Financial Times», имеющих солидную репутацию в финансовой и экономической сферах.

Обучение английскому языку на основе информационных технологий

И.М. Сологуб
IVOLSHEBN@yahoo.com
(Минск, Беларусь)

Потребность в специалистах, свободно владеющих иностранным языком в профессиональной деятельности, обуславливает необходимость поиска новых конструктивных идей для выработки практических знаний и совершенствования достигнутого уровня языковой подготовки. Неотъемлемой частью современного языкового образования является применение компьютера и компьютерных программ.

Использование информационных технологий в сочетании со знаниями и умениями в области иностранных языков позволит студентам получить представление о реалиях современной экономической и социальной ситуации в стране и в мире, будет способствовать успешной социальной адаптации. Интернет предлагает неограниченные ресурсы, которые могут быть использованы на уроке английского языка, для самостоятельной исследовательской работы как студентов, так и преподавателя. С дидактической точки зрения преимущества Интернета перед традиционными средствами обучения заключается в доступности и актуальности аутентичных материалов, а также в обеспечении межкультурной коммуникации [1, с. 45].

При обучении студентов я использую Интернет как источник аутентичных материалов, новой информации по различным темам. Студенты осуществляют с помощью ресурсов Интернет поиск дополнительной информации при подготовке докладов, рефератов и презентаций.

Интернет является одним из способов презентации профессиональной лексики и подтверждением насыщенности ее изучения, студенты имеют возможность поиска заданной информации по ключевым словам (темам), перевода последних научных статей, ознакомления с культурой других стран, интерактивного общения.

Как информационная система, Интернет предлагает своим пользователям многообразие информации и ресурсов. Базовый набор услуг может включать в себя: электронную почту (e-mail); телеконференции (usenet); видеоконференции; возможность публикации собственной информации, создание собственной домашней странички (homepage) и размещение ее на Web-сервере; доступ к информационным ресурсам: справочные каталоги (Yahoo!, InfoSeek/UltraSmart, LookSmart, Galaxy); поисковые системы (Alta Vista, HotBob, Open Text, WebCrawler, Excite); разговор в сети(Chat) [3, с. 81].

Таким образом, используя новые информационные технологии и ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке английского языка:

- формировать навыки и умения чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;
- совершенствовать умения аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, использовать богатый фонд фонотеки языкового центра также соответственно подготовленных преподавателем;
- совершенствовать умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения, представленных преподавателем или кем-то из студентов, материалов сети;
- совершенствовать умения письменной речи, индивидуально или письменно составляя ответы партнерам, участвуя в подготовке рефератов, сочинений, других эпистолярных продуктов совместной деятельности партнеров;
- пополнять свой словарный запас, как активный, так и пассивный, лексикой современного английского языка, отражающего определенный этап развития культуры народа, социального и политического устройства общества;
- знакомиться с культуроведческими знаниями, включающими в себя речевой этикет, особенности речевого поведения различных народов в условиях общения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка;
- формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности студентов на занятии на основе систематического

использования «живых» материалов, обсуждения не только вопросов к текстам учебника, но и актуальных проблем, интересующих всех и каждого [2, с. 74].

В своей работе я широко использую возможности информационных технологий, особенно при работе студентов над проектами.

Проектная деятельность направлена на решение коммуникативных задач, ориентирована на личность студента, развивает мотивацию и творческий потенциал обучаемых. В процессе работы над проектом происходит интегрированное развитие всех видов речевой деятельности и сочетание коллективной, парной и групповой работы.

Проектная деятельность вызывает особый интерес у студентов, т.к. они многое умеют и знают, и работа над проектами помогает им реализовать свои знания, умения и навыки. Работа начинается на этапе формирования речевых навыков и заканчивается на этапе развития умения презентацией проекта и его защитой. Работа состоит из следующих шагов: определение темы, определение конечного результата, обсуждение и составление плана проекта, сбор информации, обработка информации, оформление проекта, презентация проекта, оценка проекта.

Применение компьютерных технологий возможно на этапе сбора и обработки информации, оформления и презентации проекта. Студенты собирают информацию, и отбирают необходимый минимум для выполнения проекта. Проект становится существенным компонентом учебного процесса и вносит разнообразие в работу над темой.

Студенты стараются создавать проекты оригинальные по дизайну: рисуют сами, используют вырезки, фотографии, компьютерную верстку. Создавать презентации проектов можно и с помощью программы Power Point, и в дальнейшем использовать данный проект для организации процесса обучения с целью представления графической информации как одного из видов наглядности.

Использование информационных компьютерных технологий в проектной методике эффективно в том плане, что студенты приобретают навыки самостоятельного получения знаний, навыки работы с электронными пособиями, словарями, энциклопедиями,

умение правильно оформлять письменную документацию, учатся элементам компьютерного дизайна.

Использование информационных технологий на занятиях иностранного языка, а затем в профессиональной деятельности, безусловно, создает новое коммуникационное пространство для совершенствования всех навыков обучения, одновременно выступая реальной опорой для мотивации студентов к изучению иностранного языка, развивая самостоятельный подход к получению знаний и обогащая интеллектуально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карамышева, Т.В. Изучение иностранных языков с помощью компьютера. В вопросах и ответах. – СПб. : Издательство Союз, 2001.
2. Машбиц, Е.И. Компьютеризация обучения: проблемы и перспективы. – М. : Педагогика, 1986.
3. Тихомиров, В.П. Интернет-образование: не миф, а реальность XXI века. – М., 2000.

Целесообразность употребления термина «иноязычное образование» применительно к неязыковому вузу

Трухан Е.В.

tru-ekaterina@yandex.by

(Минск, Беларусь)

Определение категориального аппарата научно-исследовательской деятельности является необходимым условием гармонизации и унификации всех уровней образовательной системы и способствует оптимизации в достижении цели.

Многоаспектность дисциплины «Иностранный язык», ее образовательные возможности выражены в понятии «Иноязычное образование», которое передает взаимосвязь между познавательным, развивающим, воспитательным и учебным аспектами. В научный оборот термин «иноязычное образование» был введён Е.И. Пассовым в 1990-е гг. и в настоящее время стал общеупотребительным в методической литературе и в научной

сфере. За последние три десятилетия употребление термина «foreign language education» приобрело принципиальное значение и в зарубежных исследованиях. В опубликованной в 1996 году в США «Стандартизации обучения иностранным языкам: на пороге 21 века» (NSFLEP, 1996) составители ушли за рамки четырёх основных навыков (чтения, слушания, говорения и письма), заменяя их «пятью С»: общением, культурой, связью, сопоставлением и сообществом (communication, cultures, connections, comparisons and communities). Та же тенденция отражена в «Общеввропейской компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка», разработанной Советом Европы в 1980–90-х гг. В документе предложен подход, основанный на анализе того, как именно иностранные языки применяются в коммуникации, на целях их использования, на представлении людей о том, что они хотят выразить посредством языка.

В рамках неязыкового вуза употребление термина обосновано интеграцией в мировое сообщество, направленностью на вступление в Болонский процесс, потребностями человека в развитии и формировании коммуникативных умений и навыков с целью самореализации в профессиональной сфере. При этом важным является не только обучение общению на иностранном языке, но и формирование личности обучаемого средствами предмета. Можно констатировать, что применение термина «Иноязычное образование» в неязыковом вузе на современном этапе является оправданным и грамотным.

Целеполагание как методологическая основа историко-педагогического исследования

Трухан Е.В.
tru-ekaterina@yandex.by
(Минск, Беларусь)

Социально-политические, социокультурные, социально-экономические и педагогические условия развития иноязычного образования Беларуси изменялись на протяжении всей ее истории и имеют комплексный характер. Значимость изучения иностранных

языков на протяжении векового прошлого претерпевала изменения от абсолютного отрицания в послереволюционный период, до признания обязательным условием образованности личности в XXI веке. Наряду с изменением отношения к изучению иностранных языков менялись целевые установки, содержательный аспект дисциплины, методы и формы преподавания.

Основным элементом иноязычного образования является цель, которая формируется на основе планируемого результата. Генеральная цель дифференцируется в соответствии с социальным заказом и отражена в нормативно-правовой документации, а также находится в зависимости от конкретных условий, а именно типа образовательного учреждения, ведущей модели обучения и пр. Цель реализуется через содержание. Состав, структура и функции содержания иноязычного образования определяются на основе ведущей цели в определенный исторический период и включают следующие аспекты:

1. Научно-исследовательский аспект, который является основой формирования содержания иноязычного образования, носит культурно-исторический характер.

2. Учебные программы, где цель отражена в различных видах речевой деятельности. При отборе содержания программного материала учитываются общедидактические и частнодидактические цели обучения иностранным языкам, состав знаний и принципы, на которых базируется их отбор и структурирование, методы, технологии и формы реализации содержания образования.

3. Развитие методики: как направления в обучении и как способ обучения определенному языковому аспекту. В истории общего иноязычного образования новые методы имели социоисторическую обусловленность и отражали уровень развития науки и техники на разных этапах развития общества.

Следовательно, динамику целеполагания иноязычного образования можно рассматривать как методологическую основу историко-педагогического исследования.

Frequent Testing and its Impact on Students' Performance

M.V. Khramtsova
(Minsk, Belarus)

Many of our students appear to do well during a semester, but then some of them fail the final tests. Other students cram for the exam, but don't retain enough of due material to move on to more advanced levels. The problem may not be that they aren't knowledgeable enough or can't retain information for long, but need more incentive to learn, require motivation, strategy, and drive. Or they are not tested efficiently.

Recent studies have highlighted the testing effect and elevated interest among high school teachers. These multiple studies investigating retention after different study and test sequences have been conducted, for instance, by Karpicke and Roediger. If learning were solely a function of studying, then we would expect that **study-study-study-test** would yield the best results, while **study-test-test-test** would have a neutral or detrimental effect. Furthermore, if there were no need to study material after it had been mastered, the traditional paradigm of studying something and then moving on would yield the same results as intensive studying interspersed with testing, or intensive studying followed by multiple tests. However, Karpicke and Roediger affirm that testing is not a neutral event and that it is not a good idea to skip over mastered material when studying. Students who follow the **study-test-test-test** pattern have superior long-term recall of content when compared with students who had followed the **study-study-study-test or study-test-study-test sequences**,

Furthermore, *both study-test-study-test and study-test-test models bring much better results* than models where students study and are tested, and then no longer have to study or be tested on content that already has been tested. **In short, practice makes perfect; Students who are repeatedly tested on the mastered material do best of all.**

Tests are a vital part of the teaching and learning process. Your testing strategy affects how well students will learn and retain the material. Although two midterms and a final are common strategies, research suggests that they may not be the best ones for students. There

are **some alternative testing strategies** which can be combined if necessary:

Frequent testing or quizzing

Research evidence suggests that frequent testing with tasks that stimulate "effortful recall" improves long term memory. Frequent testing also reduces stress on students because they have less information to learn at one time.

Mastery Learning

This is a strategy in which students repeat unit tests until they are able to achieve a set mastery score. Between tests students review their test performance with a teacher. Prescriptions can be provided to help students prepare for another attempt at the unit test if they have not yet achieved mastery.

In-class quizzes

Scheduled in-class quizzes can improve attendance and student learning because they motivate them to keep up with the material on an ongoing basis. .

Pretest and post test

A test given in the first weeks of class and then again toward the end of a Unit can provide information about the impact of the course on student learning.

Collaborative testing

In group testing, students first take the test individually. Then they work in groups to discuss their answers and submit a group response. Proponents of collaborative testing suggest that it more accurately reflects real world setting such as team-working.

It is really important how teachers create tests that can fully assess what students are learning. Below there are some suggestions to improve learning before and after a test.

Useful tips for testing students:

Give frequent and challenging assignments

Before issuing their first test, teachers should give students meaningful assignments that encourage them to work with the material that will be covered. When students have to apply and synthesize information, they learn better than when they simply read or re-read material under study. For instance, in a business English class in Raising finance (Market Leader Upper – Intermediate Unit 9), students may

revise various sources of financing their advantages and disadvantages and may discuss new efficient solutions to funding start-ups.

Emphasize practical applications

It's easier for students to remember offered material or various business concepts when they're related to practical applications than when they are presented as abstractions. Therefore, in most Business English classes, grammar or marketing theory should be kept to a minimum, used only to help students communicate and keep disputes open. Once students digest one topic and its application, they can more readily see how it applies in similar instances, which allows them to transfer what they have learned to novel situations. Such transfer of knowledge is at the heart of all learning.

Carefully design tests

Frequent testing isn't beneficial if tests aren't well-designed. Teachers need to plan their test content and tasks just as carefully as they plan the outlines or frameworks they use for teaching. Tests may also serve as a source of new knowledge for students. Tasks can be made more attractive if arranged in the form of texts containing factual material and thus raising their interest.

Test relevant materials and skills

A test is only valid if its tasks are built around knowledge that teacher has communicated to students and expects them to have mastered. It's easy to develop a poor test especially if the teacher is drawing tasks from adjoining material, it doesn't help students with long-term retention.

Prepare right tests

Learning is enhanced when students must generate answers instead of simply recognizing answers that are provided. That's why *essay* tests with open ended questions are better than most multiple-choice or true-false tests which are found in abundance in test banks.

Assess frequently

Frequent testing enhances short term and long-term learning and encourages students to study continuously throughout the semester. Accumulative content tests that include what has been mastered along with new material—are more effective than non-overlapping assessments of separate content.

Provide timely feedback

New generation of students or Net Geners are used to getting regular feedback to their performance. Frequent assessments not only measure

how much students tend to learn, but also reveal precisely *what* they learn. Testing enables teachers to correct misunderstood material before it has become ingrained in a student's mind. If repeated testing is used as feedback, it can lead to better teaching.

Use It, It's Yours

For true learning, it's better for high school teachers to test early, to test often and test everything. For students this kind of active practice will make them letter-perfect.

REFERENCES

1. Tuckman, B.W. (1996). The relative effectiveness of incentive motivation and prescribed learning strategy in improving college students' course performance. *Journal of Experimental Education*, 64, 197–210.
2. Lawrence M. Rudner (2010). Making sense of assessment. *BizEd*, march/april.2010, 22–39.
3. Tuckman, B.W. (1997). Using tests as an incentive to motivate procrastinators to study. *Journal of Experimental Education*, 66, 141–147.

ЧАСТКА II

National Clothes of Kazakh Women

N.A. Kobzeva, E.S. Ananeva

nadiatom@mail.ru

(Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia)

Nowadays, with the phenomenon of globalization and world-wide civilization, most of people are no longer wearing their traditional clothes in their daily life.

On one hand, the modern clothes are more suitable for contemporary activities, works and influenced by the particular situation or circumstance. On the other hand, ethnic group's clothes always have countless tied with its culture. A type of clothes generally reflects the history of one particular ethnic group and the lifestyle the local residents have. Besides, the traditional costumes are usually closely related ethnic identity.

Folk costume (also regional costume, national costume, or traditional garments) expresses an identity through costume which is usually associated with a geographic area or a period of time in history, but can also indicate social, marital and or religious status. Such costumes often come in two forms: one for everyday occasions, the other for festivals and formal wear.

The purpose of this paper is to describe Kazakh women's national clothes.

But we must first say a few words about Kazakhstan. The Republic of Kazakhstan is situated in the central part of the Euro – Asian continent. Kazakhstan is the ninth largest country in the world. Kazakhstan is known for an incredible variety of natural landscapes, which are spread over a vast area. Mountains and glaciers, vast steppes and desert and over a hundred and twenty nationalities

A Kazakh woman traditionally wore a dress with a waistcoat. Generally, outerwear of women was similar to that of men: similar jackets, waistcoats, gowns, wide leather belts, it differed from men's only in colours and some decoration details.

Headwear of Kazakh women, similar to many other nationalities, was also a kind of indicator of their marital status. Headwear of married women differed in different tribal groups, but girls' headwear was

comparatively similar throughout the territory of Kazakhstan. Girls used to wear hats of two types: skull cap (*Takiya*) and a warm hat (*Borik*), decorated with otter, fox or beaver fur. A tuft of owl feather was often sewed to the top of *takiya* for decoration purposes, which also played a role of a talisman. Gimp, tassels, gold embroidery and even silver coins were also used for decoration.

Kazakh women's national bridal headwear *Saukele*, which is a high (70 cm) conical hat, is of particular importance. The most expensive of them were evaluated in a hundred selected horses. *Saukele* was a mandatory part of girl's dowry, and was prepared long before the girls reached the age of marriage, together with a wedding gown, which was often made of expensive fabric, usually red coloured. Bride was supposed to wear a *saukele* during the wedding ceremony, and then it was worn on holidays for some time after the marriage.

It should be added that the whole idea of a national costume is to express a dedication to a country, without having to say a thing. Also, when wearing it on occasions, to celebrate something related to national values.

Thereby, the national Kazakh women's costume can be considered as a very important part of Kazakh culture.

To the Question of Russian Traditions

N.A. Kobzeva, M.V. Kuznetsov

nadiatom@mail.ru

(Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia)

Doubtless, every country and every nation has its own traditions and customs. It's very important to know traditions and customs of different nations, because it will help us to know more about their history and life.

One cannot speak about Russia without speaking about Russian traditions and customs. Russians are proud of their traditions and carefully keep them up. A great number of customs and traditions date back to the early days of Russia and we can say that they are the reflection of the country's history and the people's psychology. To know the customs and traditions means to understand the people, their art and culture better.

The purpose of this report is to review some of the most important traditions of Russian people.

The Russians are known to be a hospitable and open-hearted people. They like to invite guests to their places; they like to give traditional souvenirs to their foreign friends as Matryoshka dolls, beautiful mugs, plates and spoons from the village of Khokhloma and Palekh boxes, Zhostovo tea-trays, Gzhel dishes, Pavlovo headscarves.

According to an old tradition a very important guest should be welcomed with the symbol of life giving food – bread and salt. Also when the newly husband and wife come to the groom parents' house, his mother meets them with the bread and salt. All guests watch attentively who takes a bigger piece of the wedding *caravay*. He or she is supposed to be at the head of the family.

Many Russians are religious people. When a new baby is born in Russia he or she is usually christened in a church. Christening is an ancient ceremony during which a new baby is dipped three times in to the water. After a baby has been christened they usually say that he or she became a man of God. It's common to invite relatives and guests after this ceremony and to have a festive dinner.

Russian people celebrate religious holidays such as Easter, Christmas, Christmas-tide, Shrovetide (or Maslenitsa) and others.

Easter is one of the most favourite holidays in Russia. It has no the fixed date. It's celebrated on the first Sunday after the first spring new moon. It usually falls on April. On the Easter day people greet each other by the words: "Christ is risen!" And the expected answer is: "He is risen indeed!" The traditional Easter food is kulich and coloured hard-boiled eggs.

The 6th of January is Christmas Eve according to the Orthodox Church. The days from Christmas to the Epiphany are called Christmas tide. Earlier people had carnivals, told fortunes, made snowman, rode troikas, played snowballs, wore fancy costumes and sang carols during this days. At present many people, especially young girls enjoy telling fortunes. The simplest way is to write down the name of the sweetheart on a sheet of paper, to put it on the plate and to burn it. If the sheet is not burned to ashes, the sweetheart will marry her.

Almost all Russians observe Old New Year which falls on the 13th of January. Until 1918 Russia had used the Julinian calendar which was 13 days behind the European (or Gregorian) one. In 1918 Russia accepted

the Gregorian calendar but the tradition to celebrate Old New Year remained. Many Russians stay at home on this day. They invite friends and relatives, have a festive supper, have fun and set off fireworks.

In conclusion, it is important to add that the Russians attach great importance to traditions and customs. Russia is indeed a unique country, which, along with highly developed modern culture carefully preserves the national traditions deeply rooted not only in the Orthodox religion but also in paganism.

Some Challenges in Modern Russian Engineering Education

M.V. Kuimova, Satsuta A.E.
mkuimova@mail.ru
(Tomsk, Russia)

*Develop a passion for learning.
If you do, you will never cease to grow.
Anthony J. D'Angelo*

Nowadays the problem of engineering training becomes increasingly important. After Russia's accession to the Bologna process, national educational system faces with new challenges, there appeared new requirements which have to be met.

Undoubtedly, modern engineering education must be in compliance with international standards, degrees and qualifications. Thus current Russian engineering curriculums are aimed at education fundamentalization, innovative thinking shaping, special technology training.

To achieve these goals, the following technologies and approaches are used in engineering training:

- professional, personal, business-training activities;
- project-oriented teaching methods;
- interdisciplinary teaching approaches;
- contextual teaching approaches;
- experience approaches;
- case-study methods;

- technologies of teaching in a team.

Hence, after graduating from the university, students must acquire the ability:

- to apply scientific, mathematical and engineering knowledge;
- to plan and carry out an experiment;
- to design a system and its components;
- to define and solve problems;
- to perceive professional and ethical duties;
- to communicate effectively;
- to demonstrate a wide-ranging erudition;
- to demonstrate deep knowledge and understanding of ecological consequences of their engineering activity.

Taking all the aforesaid into consideration we should note that current engineering programs are developed to train global specialists who are able to join theory and practice; work in an international team; speak a foreign language in their professional sphere; generate new ideas and learn their life long.

The Shamanist Tradition of the Buryats (Siberia)

N.A.Kobzeva, V. M. Semenchuk

nadiatom@mail.ru

(Tomsk, Russia)

Beliefs and traditions are a very important part of every nation culture and reflect a deep understanding and respect for nature. The stories, dances, songs, art and spiritual rituals have a great deal of meaning and symbolism for everyone in the nations.

The objective of this paper is to describe the shamanist tradition of the Buryats.

At the beginning we must say a few words about Buryatia and Buryats. The republic of Buryatia is located in the heart of Siberia along the eastern shore of Lake Baikal. Most of its territory is covered with rivers, forests, the green shores and clear waters of Baikal, the world's deepest freshwater lake. The beautiful landscapes leave visitors

delighted. The local population finds inspiration in local spirits, prayers and rituals.

The Buryat people have a long and complex process of evolution. The area around Lake Baikal has traditionally been the territory of ethnic Buryatia, which was at the centre of various ethnic and political events in the region. Many of the traditions of the Buryat people have been based on Mongolian traditions: a vertical ancient Mongolian script, a nomadic lifestyle, an economy based on cattle breeding, hunting and fishing, and spiritual culture. Even the name of the Republic was originally Buryat-Mongolia. The Republic of Buryatia is home of the Buryats, a people of Northern Mongols.

The original word shaman came from the Ural Mountains in Russia. It applied to people who acted in several 'non-ordinary' capacities for their tribes. Shamans may be defined as man or a woman who through their ability to enter a trance state in any given moment can influence the course of events, find lost or stolen items and identify the criminal when a crime takes place. Thus in a sense shamanism is the practicing of these mechanisms in trying to make sense of the world.

Shamanism in Buryatia and in Mongolia dates back to Stone Age hunters and Bronze Age horsemen. Mongolian and Southern Siberia shamanism is based on the worship of the Eternal Heaven (Munkh Tenger), Mother Earth (Gazar Eej) and ancestral and nature spirits.

In Shamanism, the shamans themselves are not revered, but are respected because of their special relationship with the spirits. Part of a shaman's work is to interact with other worlds, universes and contact spirits. Everyday religious practices do not require a shaman, rather a shaman's assistance is used to restore balance or heal illness. This form of shamanism found in Buryatia has often been called Tengerism.

As a religion, Shamanism prevailed among the Buryats. Gifted people, who were able to see connections in Nature and remember the regularity of phenomena, stood out against the background. Such people were trusted they and led the general population. These "shamans" appeared with the disintegration of the community. The shaman attributes included a ritual costume, a drum, a crook, and images of spirits (ongohns). Pendants and bells on the Shaman costume were considered a receptacle of spirits and were supposed to call them down or to scare them away. The drum symbolized the Universe. While the shaman was passing into a trance the drum played the part of the

Supreme Beast. It also called spirits down and removed enemies. Shamans were the first doctors who, tried to heal the body through healing its soul. They were also actors, prophets and propagandists.

Nowadays, awareness among Buryats on environmental traditions of their ethnos is higher among elder generation people and those directly related to nature through their activity. The representatives of mostly adapted to new situation groups (farmers, pro-hunters) are optimists regarding the restoration of lost traditions of this kind, while pessimists are elder-aged groups. A lot of people think that the restoration of environmental traditions should be combined with the industrial development of the region.

In conclusion, it should be noted, that the study of shamanism with its recent glorification is rapidly expanding. It is beginning to encompass areas that it never permeated for this reason; perhaps it is time that a new discipline is created. One that in its own way will combine the best of humanities with certain aspects of anthropology, medicine and the physical sciences. “Perhaps it is time for a shamanology”[Flaherty, 1992].

Reference

1. Flaherty, Gloria. Shamanism In The Eighteen Century. Princeton: Princeton University Press, 1992.

Kazakh Traditions

N.A. Kobzeva, A.N. Shachek
nadiatom@mail.ru
(Tomsk, Russia)

Traditions and customs are an important part of any nation culture in the world. They reflect the mentality, outlook and attitude of all the people around. The purpose of this work is to consider the basic Kazakhs customs and traditions.

Kazakhstan is located in the heart of Eurasia. Kazakhstan has always been a major trading center world culture center. Naturally, Kazakhs absorbed the best world traditions and customs, but retained their own original and unique culture.

The main tradition of Kazakhs is hospitality. Hospitality is sacred duty in the Kazakh society. At all times, the steppe inhabitants did their best to please their guest. Therefore, each traveler knew that he or she would be welcomed anywhere in the Kazakh land. Respect for the elderly is another positive feature of Kazakhs. Traditionally, a child from early childhood is taught to be moderate and honest when dealing with older, wiser and life experienced people. Unfortunately, many rich and interesting traditions and Kazakh customs have been forgotten.

There are basic customs, which are widespread in the Kazakh society.

Guest

Travelers across Kazakhstan would be encountered with the traditions, associated with guest reception. Traditionally every guest is offered Kazakh cuisine, guest seat at the dastarkhan (the low table) in a yurt. The yurts are a comfortable and ideally suited to local conditions and ways of life - one of the greatest inventions of the Eurasian nomads and easily taken apart (woman can do it in half an hour). The yurts consist of three main elements: an extensible trellis base (the kerege), a dome made of poles (the uyk) and a round top (the shanyrak).

Here are some examples of traditions, associated with guest receiving.

Konakasy - a custom associated with treating of a guest. Kazakhs always reserve the tastiest food for guests. Guests are divided into three types: “arnayy konak” is a specially invited guest, "kudayy konak" - a random stranger (uninvited), "kydyрма konak" - an unexpected guest. All these guests are offered a rich table – Konakasy.

Konakkade - a tradition under which a host has a right to ask a guest to sing a song or play a musical instrument. If the guest has so much talent

Toy dastarkhan - this is a special table with food for the holidays. Sports competitions, music, singing competitions (aitys) and horse riding competitions are organized in addition to the gatherings during Toy dastarkhan. Very often, dishes of Kazakh national cuisine are served during such occasions.

Music and musical instruments

Dance culture of Kazakhs has been known since ancient times. dances reflect a love of art, and everyday life of Kazakhs. The holidays on the occasion of the end of labor year, and it starts are widely spread. On festivals, weddings the performers took part in the competitions and

demonstrated to the audience their dancing skills. Pair dances of girls and men (Koyan-Burkit) are popular among the Kazakhs. Such dances are rarely found in other eastern nations.

The Kazakhs love the art of wordplay and their akyns (poets). Akyns improvise at public competitions (aitys) accompanied by Kazakh stringed musical instruments: the dombra or the kobyz.

National dress

Kazakh national dress varies by regions. Men wear chapans. Chapan is dressing gown with a belt. It is made of velvet and richly embroidered. They cover their heads with a soft skullcap (tobetai), a tall felt cap (kalpak) or a fox-fur hat with earflaps (malakai).

The women's national costume consists of a white cotton or colored silk dress, a velvet waistcoat with embroidery and a cap or a silk scarf. Elderly women wear a hood made of white cloth with a hole for the face (the kimeshek). Brides wear a tall pointed, richly decorated hat with feathers (saukele).

Nauryz (New Year)

Nauryz (New Year) is the most important holiday at Kazakh. Nauryz means "new day", it is celebrated in the Great Steppes from ancient times. It is celebrated on 22 of March - day of vernal equinox. This day the streets of cities and villages look different. The guests are met in the holiday yurts. All people eat traditional Kazakh dish "Nauryz koje". It is made from the seven traditional ingredients. These ingredients include: water, meat, salt, milk or yoghurt, one type of grains, chosen from rice, corn or wheat, and others. Seven ingredients symbolize seven virtues or qualities, such as joy, success, intelligence, health, wealth, agility and security.

In conclusion, it is necessary to say that nowadays Kazakhs retain most of their traditions, honor and pass from generation to generation.

Motivation Role at Foreign Language Classes in a Technical Higher Educational Institution

M.V. Kuimova, A.E. Satsuta
sazhur@sibmail.com
Tomsk, Russia

Motivation is the result of a person's internal aspirations, his interests and also awareness of the necessity to study a subject. On the whole, learners show keen interest at the beginning of foreign language learning. Further their interest might weaken.

There exists internal and external motivation in educational process. It would be unfair to consider any of them predominating in training. Most scholars agree that internal motivation is more important for a learner because he understands the true necessity to study and its practical implementation.

External motivation may be caused by: foreign language learning for general development; students' desire to please parents; successful passing an examination; wish to be respected by the teacher and the groupmates; competitive motive; aspiration to know a foreign language not worse than the peers, *etc.*

Thus a teacher should do his best to support learners' motivation and interest [1]. Physical comfort, positive educational environment, respect, emotional and mental support are the key for a learner's success [2].

What is more, a teacher should:

- 1) set clear objectives and goals;
- 2) consider learners' age and language ability level;
- 3) choose suitable learning materials (video, audio CDs, books, phrasebooks, dictionaries, foreign language newspapers, brochures, online lessons, *etc.*)
- 4) create opportunities to practice the language (contexts in which the language is used);
- 5) encourage and motivate learners to interact and communicate (organize pair work, games, discussions, *etc.*);
- 6) use visual aids;
- 7) rather demonstrate than explain;
- 8) encourage self-assessment;

9) evaluate learners' learning [3].

In conclusion it should be noted that teacher's creative work and enthusiasm, the use of proper teaching techniques and materials, pleasant work environment promote learners' motivation increase to master the foreign language which they study.

REFERENCES

1. Лазарева, М.В. Педагогические условия управления деятельностью профессиональных объединений педагогов в общеобразовательном учреждении. Дис. ... канд.пед.наук. М., 2004. – 173 с.
2. Маркова, А.К., Орлов А.Б., Фридман Л.М. Мотивация учения и ее воспитание у школьников. М.: Педагогика, 1983. – 64 с.
3. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2003. – 272 с.

Some Current Tendencies of Higher Education in Russia

M.V. Kuimova, Kh.E. Sideltseva
mkuimova@mail.ru
(Tomsk, Russia)

*Educating the mind without educating the heart
is no education at all
Aristotle*

In the development of ethnology and disciplines related with it there were various concepts. Some of them have completely lost their scientific influence while others are still of great current interest. There is no doubt that the relation of ethnology and pedagogy is one of the strongest. In this paper we are going to highlight some issues of Russian education.

Education is the harmony of originality and universality, cultural thought identity and at the same time openness to new ideas. It is known that modern stage of cultural development does not have any adequate educational system. Present educational programs are aimed at knowledge transfer and underestimate human's spiritual and moral sides.

However, there are some global positive tendencies. For example, Russian education is directed at student's individuality regard, spiritual self-determination. Assuredly, these tasks are mainly realized through humanitarian programs and extracurricular activities. Accordingly these programs:

- consider age peculiarities;
- expand consciousness horizons;
- develop cultural values;
- provide the sense of ownership to national history;
- inculcate tolerance;
- give spiritual guidelines;
- develop self-discipline, self-assessment;
- promote lifelong learning;
- realize educational and teaching functions.

Moreover, a lot of attention is paid to the upbringing and education of people who are able to see the problems of the country, design their future in the context of the country development.

Thus education is effective only if it is able to awaken human in a person, his spirituality, will and wish for self-development, interest for self-actualization and self-determination.

To the Issue of Psychological Barriers Overcoming in Learning a Foreign Language

M.V. Kuimova, Kh.E. Sideltseva, R.N. Khalikova

mkuimova@mail.ru

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia

Recently, English has become very popular due to increased international communication. It is already recognized as the language of professional communication in different spheres of activity and the emergence of computers has put it to the use in a special position compared with other languages [2]. Now there are so many ways to communicate with other countries, but in spite of this only a small percentage of young people in our society communicates with their peers abroad. A lot of people are not used to communicating with foreigners.

The concept of “language barrier” is widely used in various language schools advertising, but at the same time this issue is not well-studied. Researchers state that language barrier is an individual, subjective inability to use the knowledge that already exists. This kind of psychological barrier of speaking is a widespread difficulty for both beginners and advanced students studying a foreign language. A certain barrier also exists when people speak their native language; it is often called “dog syndrome” (when everything is clear, but you can’t express your view).

Psychologists understand that barriers are certain obstacles which impede mutual understanding achievement between people [1]. Semantic barriers are a consequence of the fact that one and the same phenomenon has a different meaning for the communicants. The discrepancy between the meanings of sentences (requests, orders, etc.) constitutes an obstacle to mutual understanding between partners. The mechanism of the same psychological barriers is to reinforce negative feelings and attitudes, for example, shame, guilt, fear, anxiety, low self-esteem, etc. Thus positive environment is highly important while learning a foreign language and it should not be forgotten by teachers [3]. It should be noted that negative feelings are experiences which are the result of resistance display to negative environment; positive feelings are consequences of one’s success in overcoming the above-mentioned issues.

In the opinion of A.D. Shakurov, barriers provide psychogenesis activities. The meaning and purpose of the latter is to overcome barriers to satisfy needs. In other words, a need becomes a motive and starts the activity [4]. On the whole, a proper way to overcome psychological barriers while studying a foreign language is learner’s motivation increase, various speech activities, and positive learning environment.

Ultimately, barriers play a crucial role in the speech activity. To prevent and overcome the psychological barrier of speaking there exist pedagogical requirements that should be followed. A teacher should:

- 1) create the climate of mutual trust, psychological atmosphere of acceptance, emotional warmth and security;
- 2) form positive emotions in the learning process;
- 3) create a situation of success;
- 4) provide conditions for educational process;
- 5) take into account students’ personal motives, interests and needs.

REFERENCES

- 1) Алхазишвили, А.А. Основы овладения устной иностранной речью. – М.: Просвещение, 1988. – 128 с.
- 2) Артемов, В.А. Психология обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1969. – 279 с.
- 3) Подымов, Н.А., Шабарова М.Г. Психологический барьер как средство организации речевой деятельности студентов в условиях обучения иностранному языку в вузе // Мир психологии. – 2005. – № 2. – С. 230–239.
- 4) Шакуров, Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. – 2001. – №1. – С. 3–18.

Навуковае выданне

ЭТНАЛОГІЯ: ГЕНЕЗІС ТРАДЫЦЫЙНАГА

Матэрыялы
Міжнароднай навуковай канферэнцыі

25–26 красавіка 2014 года

Падпісана ў друк 29.01.2015. Фармат 60×84¹/₁₆. Папера афсетная. Рызаграфія.

Умоўных друк. арк. 8,37. Улік.-выд. арк. 6,54. Наклад 50. Заказ 784.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 1/173 ад 12.02.2014. Пр. Незалежнасці, 65. 220013, г. Мінск.